

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

10
2025

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 10 (52) / 2025

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

В оформлении обложки использована картина Чарльз Меер Уебб «Раунд адвокатов» (фрагмент).

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Найдина О.А. Соотношение законности и целесообразности в процессе реализации права	1
Чабанова А.Ю., Жайлибаева Ж.С., Шинкарецкий С.П. Понятие контроля и надзора в деятельности государства: теоретико-правовой анализ ...	3
Чичерина А.Ю. Цифровые технологии как инструмент повышения эффективности толкования норм права	5

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Вафин Э.Я. Пенсионные гарантии для работников сфер здравоохранения и образования: российский опыт в контексте европейских и азиатских стандартов	8
Гаврикова К.С. Влияние цифровизации на права и свободы граждан: конституционные аспекты	10
Петровская Д.В. Проблемы конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации	13

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бабабекова Д.А. Об актуальных проблемах квалификации мелкого хулиганства среди несовершеннолетних	16
Бурова О.А. Административная ответственность как инструмент обеспечения правопорядка в современном обществе	18
Рассадин М.А. Дополнительные меры социальной поддержки ветеранов боевых действий по региональному законодательству (на примере субъектов Уральского федерального округа Российской Федерации)	20
Чабанова А.Ю., Жайлибаева Ж.С., Шинкарецкий С.П. Основные направления совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации	25

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Любанина Е.Д. Виды лизинга в Российской Федерации: правовые особенности и практика применения	27
---	----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Лазарева А.М.

Договор финансовой аренды (лизинга) в системе договоров предпринимательской деятельности	37
---	-----------

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Кравец Н.А.

Проблематика эффективности создания кассационных судов общей юрисдикции	41
--	-----------

Сергачев Л.С.

Толкование гражданско-правового договора как процесс распределения между контрагентами интерпретационных рисков	46
--	-----------

Чаус Ф.Ю.

Проблемы банкротства физических лиц	55
--	-----------

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Байбародова М.С.

Громкие коррупционные дела XXI века: чем это обернулось для законодательства Российской Федерации.....	57
---	-----------

Паньшина У.С.

Коррупция в сфере высшего образования.....	59
---	-----------

Ринская Ю.Д.

Защита конституционных прав гражданина мерами уголовно-правового характера	61
--	-----------

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бачурина О.С.

Медиация и восстановительное правосудие в делах, связанных с домашним насилием.....	64
--	-----------

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шаханин В.А.

Положения Конституции Сингапура 1963 года о правительстве страны (общий обзор).....	67
--	-----------

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Соотношение законности и целесообразности в процессе реализации права

Найдина Ольга Андреевна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье проводится комплексный анализ одной из фундаментальных проблем юриспруденции — соотношения законности и целесообразности в процессе реализации права. В работе рассматривается проявление данного соотношения на различных формах реализации права: соблюдении, исполнении, использовании и применении. В заключении идентифицируются ключевые риски, связанные с доминированием целесообразности над законностью, такие как произвол, коррупция и правовая неопределённость, и предлагаются системные пути их минимизации, включая совершенствование законодательной техники, усиление процессуальных гарантий и унификацию судебной практики.

Ключевые слова: законность, целесообразность, реализация права, правоприменение, принцип права, эффективность права.

Актуальность исследования проблемы соотношения законности и целесообразности в процессе реализации права обусловлена перманентным характером данного противоречия, которое обостряется в периоды масштабных социально-экономических и политических трансформаций. В современных условиях, характеризующихся динамизмом общественных отношений и появлением новых, непредвиденных законодателем вызовов, правоприменители все чаще сталкиваются с дилеммой: строго следовать букве закона или отступить от неё, руководствуясь соображениями справедливости, рациональности и эффективности в конкретной ситуации. Это противоречие пронизывает все стадии правового регулирования и затрагивает основы функционирования правового государства, поскольку необоснованный крен в сторону целесообразности ведёт к произволу и правовому нигилизму, в то время как абсолютный диктат формальной законности может порождать несправедливые и социально деструктивные решения [1, с. 45].

В отечественной правовой науке фундаментальные основы соотношения этих категорий были заложены в трудах С. С. Алексеева, рассматривавшего законность в качестве универсальной общеправовой категории [2, с. 112]. Несмотря на значительный массив научных трудов, сохраняется потребность в комплексном анализе проявлений диалектики законности и целесообразности на всех стадиях реализации права — от соблюдения запретов до правоприменительной деятельности, с учётом современных вызовов, связанных с цифровизацией и глобализацией.

Целью настоящей статьи является теоретико-правовой анализ соотношения категорий законности и целесообразности в процессе реализации права, выявление

характера их взаимосвязи и противоречий, а также разработка на этой основе предложений по оптимизации данного соотношения в правоприменительной практике.

Теоретико-правовая природа законности и целесообразности: сущность и диалектическое единство

Основой анализа соотношения законности и целесообразности является чёткое определение их правовой природы. Законность представляет собой комплексный принцип организации и функционирования правового государства, требующий строгого, неуклонного соблюдения и исполнения законов и подзаконных актов всеми субъектами правовых отношений — государственными органами, должностными лицами, общественными организациями и гражданами [3, с. 215]. Данный принцип характеризуется рядом системных признаков: всеобщность, верховенство закона в системе правовых актов, единство правового пространства и недопустимость противопоставления законности и целесообразности в её формальном понимании. Именно законность обеспечивает такие ключевые для права качества, как стабильность, предсказуемость и единообразие правоприменения, создавая тем самым надёжный каркас правопорядка.

В научной доктрине традиционно выделяют два основных вида целесообразности. Внутренняя (имманентная) целесообразность изначально заложена в тексте правовой нормы через использование законодателем оценочных понятий («существенный вред», «разумный срок», «добросовестность»), диспозитивных норм, альтернативных санкций и институтов, таких как крайняя необходимость [4, с. 76].

Диалектическая взаимосвязь законности и целесообразности проявляется в их органическом единстве и постоянном потенциальном противоречии. Единство

обусловлено тем, что сам закон в своём идеальном выражении является воплощением социальной целесообразности, а его конечной целью служит установление справедливого и эффективного правопорядка.

Проявление соотношения законности и целесообразности на различных стадиях реализации права

Анализ диалектики законности и целесообразности получает конкретное воплощение при рассмотрении различных форм реализации права, где их соотношение варьируется в зависимости от характера правовых норм и степени свободы субъектов правоотношений.

На стадии соблюдения и исполнения права, регулируемых преимущественно императивными нормами, доминирует принцип законности. Субъекты правоотношений обязаны неукоснительно следовать установленным запретам и предписаниям, где отступление под предлогом целесообразности недопустимо. Например, соблюдение требований налогового законодательства или правил дорожного движения исключает возможность их нарушения по соображениям личной или ситуативной целесообразности [5, с. 373].

Ключевым моментом является стадия принятия правоприменительного решения, где усмотрение правоприменителя становится инструментом согласования законности и целесообразности. В административном праве это проявляется при выборе вида и меры административного наказания в установленных законом пределах. В уголовном праве при назначении наказания с учётом смягчающих и отягчающих обстоятельств, когда суд избирает конкретную меру ответственности, адекватную личности подсудимого и совершенному деянию [6, с. 48].

Проблемы и риски доминирования целесообразности над законностью и пути их минимизации

Несмотря на функциональную значимость целесообразности в механизме правового регулирования, её доминирование над законностью или выход за установленные законом рамки порождают системные риски для правопорядка. Наиболее существенной проблемой явля-

ется правовой произвол, когда субъективное усмотрение должностного лица подменяет собой объективное содержание правовой нормы. Создаются условия для формирования «телефонного права» и коррупционных практик, при которых решения принимаются не на основе закона, а под влиянием административной целесообразности или личной заинтересованности. Это ведёт к правовому нигилизму, поскольку подрывает веру граждан в справедливость и незыблемость закона, создавая представление о его условности и зависимости от произвольных решений власть имущих.

Ключевую роль играют процессуальные гарантии, обеспечивающие прозрачность и обоснованность правоприменительных решений. Принципы гласности, состязательности и мотивированности судебных и административных актов позволяют осуществить эффективный внешний контроль за тем, чтобы усмотрение не перерасло в произвол [7, с. 77].

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что проблема соотношения законности и целесообразности в процессе реализации права сохраняет свою теоретическую значимость и практическую актуальность в современных условиях. Анализ показал, что эти категории находятся в диалектическом единстве, где законность создаёт необходимые правовые рамки, обеспечивая стабильность и предсказуемость правового регулирования, а целесообразность выступает инструментом гибкой адаптации общих правовых предписаний к конкретным жизненным ситуациям.

На различных стадиях реализации права соотношение законности и целесообразности проявляется неодинаково. Если при соблюдении и исполнении права доминирует принцип законности, то в правоприменительной деятельности и при использовании субъективных прав целесообразность приобретает существенное значение, находя своё выражение в институтах толкования права, аналогии, судебского и административного усмотрения.

Литература:

1. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. — М.: Юрид. лит., 1974. — 184 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Изд-во БЕК, 1995. — 320 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 528 с.
4. Комарова М. А. Судейское правотворчество в правовой системе России // Евразийский Союз Ученых. — 2018. — № 3–3 (48). — С. 75–77.
5. Нинчиева Т. М., Шахбанов Р. М., Крат А. С. Правовое усмотрение в контексте применения права: аспекты и детерминанты формирования механизма // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7 (223). — С. 372–374.
6. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. пособие / В. М. Лебедев, В. А. Давыдов, И. Н. Иванова; под общ. ред. В. М. Лебедева. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022. — 1413 с.
7. Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. — М.: РосПраво, 1992. — 320 с.

Понятие контроля и надзора в деятельности государства: теоретико-правовой анализ

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Жайлибаева Жанна Салимжановна, студент магистратуры;

Шинкарецкий Сергей Петрович, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится теоретико-правовой анализ ключевых форм государственной деятельности — контроля и надзора. Несмотря на частое синонимичное использование в правоприменительной практике, обозначаемые данными понятиями виды деятельности имеют различную юридическую природу, цели, задачи и методы осуществления. На основе сравнительного метода выявляются сущностные признаки контроля и надзора, определяются их место и роль в системе обеспечения законности и публичных интересов. Особое внимание уделяется проблеме разграничения контрольных и надзорных полномочий в современном российском государственном аппарате, а также формулируются предложения по совершенствованию их правового регулирования.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, законность, публичная власть, полномочия, эффективность управления, правовое государство.

Функционирование современного правового государства немислимо без создания эффективного механизма обеспечения законности и дисциплины во всех сферах общественной жизни. Важнейшими элементами этого механизма являются контроль и надзор. Их осуществление направлено на предупреждение, выявление и пресечение нарушений установленных норм и стандартов, защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также обеспечение национальной безопасности [1].

Актуальность темы исследования обусловлена постоянным реформированием системы государственного управления, в ходе которого происходит перераспределение контрольных и надзорных полномочий между органами публичной власти. Нечеткое разграничение понятий «контроль» и «надзор» на законодательном уровне зачастую приводит к дублированию функций, избыточному административному давлению на бизнес и граждан, снижению эффективности государственного управления в целом.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ понятий «государственный контроль» и «государственный надзор», выявление их специфических черт и разграничение их юридической природы.

Государственный контроль представляет собой одну из фундаментальных функций государства. В широком смысле под контролем понимается систематическая проверка деятельности подконтрольных субъектов (государственных органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц) на предмет соответствия ее установленным нормам и целям [2, с. 64].

Выделим ключевые признаки государственного контроля:

1. Субъект-объектные отношения, как правило, основаны на организационной подчиненности или подведомственности. Контроль осуществляется вышестоящим органом в отношении нижестоящего (например, контроль министерства за деятельностью подведомственных агентств и служб).

2. Цель — не только выявление нарушений, но и оценка эффективности, целесообразности и результативности деятельности подконтрольного объекта. Контроль часто носит плановый и комплексный характер.

3. Широта проверяемых вопросов. Контролирующий орган вправе проверять всю деятельность объекта контроля, включая кадровые, финансовые, административные и иные аспекты.

4. Возможность оперативного вмешательства. По результатам контроля контролирующий орган часто обладает правом давать обязательные для исполнения указания, отменять или изменять решения подконтрольного объекта, применять меры дисциплинарного воздействия.

Таким образом, контроль — это прежде всего инструмент управления и обеспечения внутренней дисциплины в системе государственной власти.

Надзор — это особая форма деятельности уполномоченных государственных органов, направленная на систематическое наблюдение за точным и неуклонным соблюдением законов, правил, стандартов и нормативов поднадзорными субъектами, не находящимися в отношении подчиненности с надзорным органом [1].

Сущностные характеристики государственного надзора:

1. Отсутствие организационной подчиненности. Надзорные органы (например, Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Госпожнадзор) осуществляют свои функции в отношении независимых от них организаций и граждан.

2. Цель — обеспечение законности и безопасности в конкретной, строго определенной сфере (пожарная безопасность, санитарно-эпидемиологическое благополучие, промышленная безопасность и т. д.). Оценка целесообразности деятельности объекта не входит в задачи надзора.

3. Узкая, специализированная направленность. Надзор сфокусирован на соблюдении конкретных норм и правил, а не на общей оценке деятельности.

4. Ограниченность властных полномочий. Надзорный орган не вправе давать указания по вопросам оперативно-хозяйственной деятельности объекта. Его основные инструменты — выявление нарушения, выдача предписаний о его устранении и привлечение виновных к установленной законом ответственности (чаще всего административной).

Крайней формой надзора является прокурорский надзор, который имеет универсальный характер и распространяется на все органы власти, организации и граждан в части соблюдения законности.

Для наглядного отображения различий между контролем и надзором представим их сравнительную характеристику в виде таблицы.

Таблица 1. Сравнительная характеристика государственного контроля и надзора

Критерий	Государственный контроль	Государственный надзор
Субъектно-объектные отношения	Отношения подчиненности или подведомственности	Отсутствие организационной подчиненности
Основная цель	Оценка законности, целесообразности и эффективности деятельности	Обеспечение законности и безопасности в конкретной сфере
Предмет деятельности	Комплексная проверка всех направлений деятельности объекта	Соблюдение конкретных правил, норм, стандартов
Методы воздействия	Выдача обязательных указаний, отмена решений, дисциплинарные взыскания	Выдача предписаний, приостановление деятельности, привлечение к административной ответственности
Правовая основа	Часто регулируется внутренними регламентами, актами управления	Регулируется преимущественно федеральными законами и кодексами (например, КоАП РФ)

Как видно из таблицы, фундаментальное различие заключается в характере отношений между проверяющим и проверяемым. Контроль — это инструмент «вертикального» управления, в то время как надзор — это «горизонтальная» деятельность по обеспечению законности в отношении независимых субъектов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что контроль и надзор, будучи взаимосвязанными и направленными на укрепление законности, являются самостоятельными правовыми категориями с различным функциональным назначением. Смещение этих понятий на практике ведет к правовой неопределенности и снижению эффективности государственного управления.

В целях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации представляется необходимым:

1. Закрепить легальные дефиниции «государственного контроля» и «государственного надзора» в базовом Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) ...», четко разграничив их по указанным в статье критериям.

2. Провести инвентаризацию полномочий всех государственных органов с целью устранения дублирования контрольных и надзорных функций.

3. Развивать систему риск-ориентированного подхода, который позволяет сосредоточить ресурсы надзорных органов на наиболее проблемных объектах, снизив административную нагрузку на добросовестных участников правоотношений.

Дальнейшая научная разработка проблем разграничения контроля и надзора будет способствовать оптимизации государственного аппарата, повышению уровня защищенности прав граждан и созданию благоприятных условий для экономического развития.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (Часть I), ст. 5007.
2. Поляков А. А. Соотношение понятий контроля и надзора в России // Евразийский научный журнал. — 2015. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-kontrolya-i-nadzora-v-rossii> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: учебник. — Москва: Зерцало-М, 2019. — 728 с.

Цифровые технологии как инструмент повышения эффективности толкования норм права

Чичерина Анастасия Юрьевна, студент

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель

Инжиниринговый колледж (г. Белгород)

Современное законодательство развивается динамично, что приводит к постоянному увеличению объема нормативных актов, усложнению их структуры и расширению судебной практики. Традиционные методы интерпретации правовых норм оказываются недостаточно эффективными в условиях информационной перегруженности. Юристам становится все труднее поддерживать высокий уровень системного анализа законодательства без применения автоматизированных инструментов.

Исследования возможностей цифровых технологий в совершенствовании процесса толкования норм права обусловлены глубокими преобразованиями, происходящими в правовой системе в условиях цифровизации. Цифровые технологии, включая электронные правовые базы данных, аналитические правовые платформы, системы электронного правосудия и интеллектуальные правовые помощники, создают принципиально новые возможности для повышения качества и доступности правовой информации.

Введение

Цифровизация значительно изменяет многие сферы жизни, и право не является исключением. В последние годы наблюдается рост интереса к применению технологий в правовом контексте, в том числе в сфере толкования норм права. Современные подходы к правовому анализу требуют от юристов высокой квалификации и способности эффективно работать с огромными объемами информации. В этой связи цифровые технологии могут существенно облегчить работу правозащитников, судей, адвокатов и других участников правового процесса, предлагая новые инструменты для толкования законов, судебных актов и других нормативных материалов.

Данная статья посвящена рассмотрению возможности и перспектив использования цифровых технологий для совершенствования процесса толкования норм права, что обусловлено необходимостью адаптации правовой деятельности к условиям цифровой трансформации, повышением требований к точности и оперативности юридического анализа и в улучшении качества правоприменения и интерпретации правовых норм.

Основная часть

Толкование норм права является ключевым элементом юридической практики. Нормы права часто бывают многозначными, абстрактными и открытыми для различных интерпретаций, что соответственно порождает определенные трудности для практикующих юристов и судей. Среди основных проблем целесообразно выделить:

- неоднозначность и абстрактность формулировок;
- сложная структура законодательства и коллизии норм;
- необходимость учета обширной судебной практики;
- субъективность интерпретации, обусловленная личным опытом юриста;
- динамичность законодательства, требующая постоянного обновления знаний.

Не вызывает сомнения тот факт, что толкование правовых норм представляет собой сложный интеллекту-

альный процесс, включающий использование различных методов — грамматического, системного, исторического, телеологического.

Тем не менее возможности человека имеют объективные пределы: специалист по праву не в состоянии с той же скоростью и тщательностью анализировать значительные объемы информации, как это делают автоматизированные системы.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в юридическую сферу позволяет преодолевать ряд актуальных трудностей, связанных с избыточностью правовой информации, вероятностью упущения значимых нормативных положений и проявлением субъективных факторов в процессе правовой интерпретации.

Современные цифровые инструменты позволяют оптимизировать работу юриста, обеспечивая быстрый доступ к правовым материалам и возможность их углубленного анализа.

В настоящее время в юридической практике активно используется ряд цифровых ресурсов — электронные правовые базы данных с возможностью интеллектуального поиска. Так появление и развитие электронных правовых систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Единый реестр нормативных актов», значительно упростило поиск нужной правовой информации. Данные базы обеспечивают юристов актуальными и проверенными данными, при этом интеллектуальный поиск позволяет быстро находить нормы, связанные тематически, даже при отсутствии точных совпадений по ключевым словам.

С помощью цифровых технологий можно автоматизировать рутинные процессы, такие как анализ судебных решений, составление правовых заключений, проверку документов на соответствие нормам права.

Современные системы в юридической практике автоматизируют:

- проверку документов на соответствие законодательству,
- анализ договоров и поиск рисков,

- формирование правовых заключений по шаблонам,
- обнаружение коллизий и пробелов в нормативной базе.

Судебные акты играют ключевую роль в толковании норм. Их системная цифровизация делает интерпретацию более прозрачной и предсказуемой.

Ключевыми элементами цифровой трансформации судебной системы и важными инструментами совершенствования процесса правовой интерпретации являются электронное правосудие и цифровые судебные архивы.

Электронное правосудие представляет собой систему организационных, технических и правовых решений, обеспечивающих ведение судебной деятельности с использованием цифровых технологий. Оно включает электронный документооборот, онлайн-подачу процессуальных документов, дистанционное участие в судебных заседаниях, автоматическую обработку материалов дел и формирование электронных судебных дел.

Основной целью электронного правосудия является повышение доступности правосудия, сокращение временных и материальных затрат участников процесса, а также обеспечение прозрачности и эффективности судебной системы.

Использование на практике таких цифровых сервисов, как ГАС «Правосудие», Картотека арбитражных дел, «Судебные и нормативные акты РФ» создает условия для оперативного доступа к судебным решениям, анализа актуальных правовых позиций, а также систематизации правоприменительной практики.

Цифровые судебные архивы — это специализированные электронные базы, содержащие судебные акты, материалы дел и иную официальную судебную информацию в структурированном цифровом формате. Они позволяют хранить, систематизировать и быстро извлекать судебные решения, образуя обширный массив данных, необходимый для анализа правоприменительной практики. Через такие архивы пользователи могут оперативно обнаружить релевантные судебные акты, проследить эволюцию позиции судов по конкретным вопросам, выявить тенденции и закономерности судебного толкования норм права.

В совокупности электронное правосудие и цифровые судебные архивы значительно повышают качество толкования правовых норм, поскольку:

- обеспечивают быстрый доступ к обширной судебной практике;
- способствуют единообразию правоприменения за счет максимально полной и прозрачной информации о судебных решениях;
- создают условия для аналитической обработки судебной информации с применением цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта;
- позволяют более точно оценивать правовые позиции судов и прогнозировать их развитие.

Наиболее прогрессивным направлением цифровизации юридической деятельности выступают технологии искусственного интеллекта (ИИ).

ИИ способен обрабатывать огромные массивы нормативного материала и судебной практики, выявлять закономерности, прогнозировать правоприменение и проводить комплексный анализ правовой информации. Использование таких технологий позволяет сделать толкование более точным, обоснованным и прозрачным, что способствует укреплению законности и развитию правового государства.

ИИ представляет собой мощный инструмент для улучшения процесса правового анализа. Один из самых ярких примеров применения ИИ в праве — это использование методов машинного обучения для анализа судебных решений.

Системы ИИ могут анализировать большие массивы судебной практики, выявлять закономерности и тенденции, что помогает юристам точнее интерпретировать нормы права.

Использование искусственного интеллекта в праве имеет несколько очевидных преимуществ:

1. Повышение точности толкования. ИИ позволяет быстрее и точнее анализировать большие объемы правовой информации.
2. Упрощение процессов. Автоматизация рутинных задач освобождает время для более творческих и сложных аспектов правовой работы.
3. Доступность правовой информации. Цифровые технологии значительно увеличивают доступ к правовым данным для широких слоев населения, повышая правовую грамотность.

ИИ также может использоваться для прогнозирования исхода судебных дел на основе анализа данных о предыдущих делах, поведении судей и других факторов. Это открывает новые возможности для более обоснованного подхода к толкованию норм права, особенно когда речь идет о сложных или неоднозначных ситуациях.

Заключение

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на процесс толкования норм права, позволяя значительно повысить качество и эффективность юридической деятельности. Электронные правовые базы данных, системы аналитического поиска, инструменты автоматизации юридических процессов и особенно технологии искусственного интеллекта создают новые возможности для глубокого анализа правовых норм, выявления их содержания и определения их места в системе правового регулирования.

Использование ИИ в праве помогает повысить точность, скорость и доступность правовой информации, а также делает возможным прогнозирование судебных решений и автоматизацию рутинных задач. Тем не менее, необходимо учитывать ограничения и риски, связанные с применением этих технологий, такие как зависимость от качества данных и необходимость этического контроля.

Будущее правовой системы зависит от того, насколько эффективно будут интегрированы цифровые технологии в процесс правового анализа. Важно, чтобы развитие ИИ

в праве происходило с учетом всех факторов, включая защиту прав граждан и сохранение независимости судебной власти.

Литература:

1. Братановский С. Н. Теория государства и права. Ч. 2: учебник / С. Н. Братановский. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 234 с. — ISBN 978-5-466-01636-9. — Текст: непосредственный.
2. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов / под общей редакцией П. У. Кузнецова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 396 с. — ISBN 978-5-534-20461-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/581423> (дата обращения: 24.11.2025).
3. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. — Москва: Проспект, 2022. — 104 с. — ISBN 978-5-392-36643-9. — Текст: непосредственный.
4. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект: научная монография / П. М. Морхат; под ред. д. ю. н., проф. И. В. Понкина. — Москва: Юрсервитум, 2021. — 513 с. — ISBN 978-5-9216-0255-7. — Текст: непосредственный.
5. Соколкина А. С. Искусственный интеллект в арбитражном процессе / А. С. Соколкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 334–336.
6. Толкование норм права: учебно-практическое пособие / А. В. Смирнов, А. Г. Манукян. — Москва: Проспект, 2008. — 143. — ISBN 978-5-392-00017-3. — Текст: непосредственный.
7. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 432 с. — ISBN 978-5-7904-2500-4. — Текст: непосредственный.
8. Усачева Е. Б. Право в условиях цифровой реальности / Е. Б. Усачева, А. С. Кирса. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 51 (341). — С. 298–300.
9. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 85–102.
10. Цифровизация и право: монография по итогам Всероссийской научно-практической конференции, [г. Казань, 7–8 октября 2021 г.] / И. Л. Аламов, С. М. Аламова, В. С. Белых [и др.]; ответственные редакторы: С. А. Пузыревский, А. В. Михайлов; Федеральная антимонопольная служба, Федеральное государственное автономное учреждение «Учебно-методический центр Федеральной антимонопольной службы» (г. Казань), Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Казань: Учебно-методический центр Федеральной антимонопольной службы, 2022. — 115 с. — ISBN 978-5-6042467-4-0. — Текст: непосредственный.
11. Цифровизация права и образования в XXI веке: междисциплинарный аспект: монография / [Абазин Д. А., Айрапетян Д. А., Алексеева М. В. и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора А. П. Анисимова, доктора юридических наук, профессора А. Я. Рыженкова. — Москва: Юрлитинформ, 2025. — 333 с. — ISBN 978-5-6054419-3-9. — Текст: непосредственный.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Пенсионные гарантии для работников сфер здравоохранения и образования: российский опыт в контексте европейских и азиатских стандартов

Вафин Эдуард Яфасович, доктор экономических наук, управляющий

Отделение Социального фонда России по Республике Татарстан (г. Казань)

В статье рассматриваются правовые гарантии пенсионного обеспечения работников здравоохранения и образования на примере Российской Федерации в сравнении с европейскими (Германия) и азиатскими (Япония) стандартами. Автор анализирует особенности нормативно-правового регулирования пенсий для врачей и учителей, выделяя специальные условия выхода на пенсию по выслуге лет, установленные российским законодательством.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, медики, педагоги, пенсионные гарантии, социальная защита, выслуга лет, пенсионное законодательство.

Пенсионное обеспечение работников социально значимых профессий, таких как врачи и учителя, на протяжении десятилетий является важнейшим элементом государственной социальной политики. Эти профессиональные группы играют ключевую роль в развитии общества, обеспечивая здоровье населения и формируя будущее страны через образование подрастающего поколения. Однако вопросы, связанные с назначением и размером пенсий для врачей и учителей, остаются предметом активных общественных и научных дискуссий, что обуславливает актуальность их всестороннего правового анализа. Целью настоящего исследования является выявление и анализ особенностей правового регулирования назначения пенсий врачам и учителям в Российской Федерации в сравнении с опытом ведущих зарубежных государств. В качестве основных задач ставится изучение действующего законодательства, выявление существующих проблем и сложностей на практике, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию пенсионных гарантий для представителей указанных профессий. Для проведения сравнительного анализа были выбраны три страны, обладающие разными историческими и правовыми традициями в сфере пенсионного обеспечения: Российская Федерация, Федеративная Республика Германия и Япония. Такой подход позволяет не только выявить национальные особенности, но и заимствовать лучшие практики, способствующие повышению уровня социальной защиты работников здравоохранения и образования.

Пенсионная система России имеет глубокие исторические корни, уходящие к дореволюционным временам, когда первые элементы пенсионного обеспечения были

введены для государственных служащих и военных. Современное пенсионное законодательство регулируется, прежде всего, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и рядом специальных нормативных актов [1].

Для работников образования и здравоохранения предусмотрены льготные условия выхода на пенсию по выслуге лет. Согласно статье 30 данного закона, педагоги и медицинские работники имеют право на досрочное назначение страховой пенсии по старости при наличии определённого специального стажа — например, 25 лет для педагогов и 25–30 лет для ряда медицинских работников. Перечень должностей и учреждений, дающих право на льготную пенсию, утверждается Правительством РФ. Важное значение имеют также разъяснения Верховного Суда РФ, которые обеспечивают единообразное применение законодательства [2,3].

Германия является родиной первой государственной пенсионной системы, созданной в 1889 году по инициативе канцлера Отто фон Бисмарка (Gesetz betreffend die Invaliditäts- und Altersversicherung). Эта система легла в основу принципа обязательного страхования и по сей день остаётся одной из самых стабильных в Европе.

В Германии основной системой пенсионного обеспечения является обязательное государственное пенсионное страхование (Gesetzliche Rentenversicherung, Sozialgesetzbuch VI), распространяющееся на большинство работников, включая врачей и учителей [5]. Для государственных служащих (в том числе государственных учителей и врачей) действует отдельная система — Beamtenversorgungsgesetz, предусматривающая более выгодные условия: более ранний возраст выхода на пенсию

и повышенные размеры выплат при условии достаточного стажа (например, 40 лет государственной службы) [6].

Пенсионная система Японии сформировалась после Второй мировой войны и основывается на принципе всеобщего охвата с элементами государственной поддержки.

В Японии пенсионное обеспечение врачей и учителей базируется на двухуровневой системе: национальная базовая пенсия (National Pension) и трудовая пенсия (Employees' Pension Insurance) [7, 8]. Для государственных служащих, включая учителей государственных и муниципальных школ, а также медицинских работников в государственных учреждениях, действует отдельная схема — Mutual Aid Association Pension. Эта система предусматривает дополнительные выплаты сверх базовой и трудовой пенсий и учитывает специфику профессии, стаж и условия работы. Для отдельных категорий работников возможен досрочный выход на пенсию при определённой выслуге лет [9].

Международные стандарты в пенсионной сфере формируются, прежде всего, Международной организацией труда (Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», 1952 г.) и Советом Европы (Европейский кодекс социального обеспечения, 1964 г.). Их положения закрепляют принципы справедливого и адекватного пенсионного обеспечения, включая доступность, равенство и защиту от бедности в старости [10]. Влияние международных стандартов проявляется в гармонизации национального законодательства с передовой мировой практикой и в укреплении гарантий для работников социально значимых профессий.

Пенсионное обеспечение медицинских работников в Российской Федерации имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой их профессиональной деятельности и значимостью для общества. Врачи, как и другие категории работников, участвуют в системе обязательного пенсионного страхования, которая включает страховую и накопительную пенсии. Медицинские работники, в зависимости от условий труда и занимаемой должности, имеют право на досрочное назначение страховой пенсии по старости при наличии определенного стажа работы (25–30 лет) в соответствующих учреждениях. По состоянию на 1 января 2025 года средний размер пенсии в России составлял 23 175,17 рублей в месяц. Однако для медицинских работников, особенно тех, кто имеет право на досрочный выход на пенсию, этот показатель может отличаться в зависимости от стажа, должности и условий труда. Средний возраст работников здравоохранения в России составляет 44,5 года, при этом почти 43% из них старше 50 лет. Это свидетельствует о значительной доле медицинских работников, приближающихся к пенсионному возрасту, что подчеркивает важность эффективной системы пенсионного обеспечения в данной сфере. Таким образом, пенсионное обеспечение врачей в России характеризуется наличием специальных условий, учитывающих особенности их профессиональной деятельности, и предоставляет возможности для участия в различных пенсионных программах, на-

правленных на обеспечение достойного уровня жизни после завершения трудовой деятельности.

Пенсионное обеспечение педагогических работников в Российской Федерации имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой их профессиональной деятельности и значимостью для общества. Учителя имеют право на досрочное назначение страховой пенсии по старости при соблюдении следующих условий:

- педагогический стаж: не менее 25 лет работы на полную ставку в должностях и учреждениях, указанных в соответствующем списке, утвержденном постановлением Правительства РФ.
- пенсионные коэффициенты: наличие необходимого количества индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК), которые ежегодно увеличиваются. В 2024 году требовалось 28,2 ИПК, с 2025 года — 30.

С 2019 года в России проводится пенсионная реформа, которая затронула и педагогических работников:

- введено поэтапное повышение возраста выхода на пенсию для педагогов. Например, в 2024 году пенсию оформляют те, кто выработал 25 лет педагогического стажа в 2021 году; в 2026 году — те, кто достиг этого стажа в 2022 году.
- расширение категорий: с 2024 года право на досрочную пенсию получили тьюторы, инструктора по физической культуре, советники директора по воспитанию. Эти изменения направлены на адаптацию пенсионной системы к демографическим и экономическим реалиям, а также на обеспечение справедливости в отношении различных категорий педагогических работников [4].
- изменение при исчислении стажа: периоды профессионального обучения и дополнительного профессионального образования педагогов за всю трудовую деятельность также засчитываются в льготный стаж. Соответствующее постановление правительства РФ вступило в силу с 18 марта 2021 года.

В Европе, в частности в Германии, наблюдается тенденция к постепенному увеличению пенсионного возраста [5, § 35], стимулированию более длительной занятости и развитию корпоративных и частных пенсионных схем. При этом для социально значимых профессий сохраняются специальные гарантии досрочного выхода на пенсию. В Японии ключевым вызовом является старение населения и обеспечение устойчивости пенсионной системы; ведётся работа над гибкими режимами выхода на пенсию и поддержкой пожилых работников [7].

Проведённый сравнительный анализ показал, что во всех рассматриваемых странах — России, Германии и Японии — пенсионное обеспечение врачей и учителей признаётся приоритетным направлением социальной политики. Несмотря на различия в структуре и механизмах назначения пенсий, каждой системе присущи особые льготы и гарантии для работников образования и здравоохранения. Российское законодательство предусма-

тривает досрочный выход на пенсию и специальные надбавки. В Германии и Японии действует многоуровневая система пенсионного обеспечения, сочетающая государственные, корпоративные и индивидуальные элементы, что повышает устойчивость и гибкость пенсионных гарантий. Социальная значимость труда врачей и учителей требует не только признания на государственном уровне, но и реального обеспечения достойного уровня жизни после завершения профессиональной деятельности.

В современных условиях важно укреплять правовые гарантии этих категорий работников, обеспечивать про-

зрачность и справедливость процедур назначения пенсий, а также своевременно реагировать на вызовы, связанные с демографическими и экономическими изменениями. Законодательное совершенствование должно опираться на диалог между государством, профессиональными сообществами и экспертным сообществом, а также учитывать международные стандарты и рекомендации. Только комплексный и системный подход позволит обеспечить достойные пенсионные гарантии для работников социально значимых профессий, что, в свою очередь, будет способствовать устойчивому развитию общества в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ред. от 28.02.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/
2. Постановление Правительства РФ от 29.10.2002 № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)». — URL: <https://base.garant.ru/185191/>
3. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2014 г. N 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение». — URL: <https://base.garant.ru/70700746/>
4. Постановление Правительства РФ от 4 марта 2021 г. N 322 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2014 г. N 665 — URL: <https://base.garant.ru/400422062/>
5. Gesetzliche Rentenversicherung (Sozialgesetzbuch VI, Германия). — URL: <https://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbvi/1.html>
6. Beamtenversorgungsgesetz. — URL: https://beamtengesetze.de/beamtenversorgungsgesetz_paragraf_6
7. National Pension Act. — URL: <https://www.nenkin.go.jp/international/japanese-system/nationalpension/nationalpension.html>
8. Employees' Pension Insurance Act — URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3554/en>
9. Mutual Aid Association Pension Act — URL: <https://www.u-tokyo.ac.jp/content/400019818.pdf>
10. Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» — Европейский кодекс социального обеспечения. — URL: <https://base.garant.ru/2541190/>

Влияние цифровизации на права и свободы граждан: конституционные аспекты

Гаврикова Кристина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель

Инжиниринговый колледж (г. Белгород)

Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на права и свободы граждан с акцентом на конституционные аспекты данного процесса. Рассматриваются ключевые вопросы, связанные с защитой личных данных, свободой слова, доступом к цифровым услугам и участием граждан в электронном управлении. Анализируются правовые нормы и гарантии, обеспечивающие защиту прав человека в условиях цифровой трансформации, а также выявляются возможные угрозы, связанные с несанкционированным вмешательством и цифровым неравенством. В статье приведены рекомендации по совершенствованию правового регулирования для обеспечения адекватной защиты прав и свобод граждан в быстро меняющемся цифровом окружении.

Ключевые слова: цифровизация, права и свободы граждан, конституционные аспекты, защита данных, свобода слова, правовое регулирование, электронное управление.

Введение

Цифровизация стремительно проникает во все сферы жизни современного общества, трансформируя не только экономические и социальные процессы, но и способы взаимодействия граждан с государством, а также друг с другом. В условиях быстрого технологического прогресса возникают новые вызовы, касающиеся защиты прав и свобод граждан, закреплённых в конституциях многих стран.

Особое внимание следует уделить правовым аспектам цифровизации, которые касаются не только толкования существующих норм, но и необходимости разработки новых правил и стандартов, которые учитывали бы специфику цифрового пространства. В условиях глобализации и цифровизации важным становится создание сбалансированной нормативной базы, способной защитить права граждан от потенциальных злоупотреблений и нарушений.

Данная статья направлена на анализ влияния цифровизации на права и свободы граждан в контексте конституционных аспектов, с акцентом на выработку рекомендаций по правовому регулированию, способному обеспечить защиту прав человека в условиях цифровой трансформации.

Цифровизация — это использование цифровых технологий и данных, чтобы менять процессы и услуги, делать их быстрее и дешевле и открывать новые возможности для бизнеса и людей.

Основные направления цифровизации:

1. онлайн-услуги и «цифровое государство». Граждане могут избегать визитов в многофункциональные центры или органы власти, обращаясь к порталам, таким как «Госуслуги», используя мобильные приложения и электронные подписи. Например, регистрацию бизнеса, подачу налоговых деклараций или получение справок можно осуществить онлайн;
2. производство и «умные фабрики». Заводы оснащаются датчиками, роботами и цифровыми двойниками, что позволяет не просто автоматизировать производственные процессы, но и управлять ими на основании данных. Датчики помогают предсказывать возможные неисправности, а цифровые модели позволяют выявлять способы сокращения брака и экономии ресурсов;
3. большие данные и искусственный интеллект. Принятие решений происходит на основе анализа больших массивов данных, а не интуитивных ощущений. Например, торговые сети прогнозируют спрос, онлайн-кинотеатры рекомендуют фильмы, основываясь на предпочтениях, а банки определяют кредитоспособность клиентов с помощью алгоритмов.

Процесс цифровизации сталкивается с рядом значительных проблем:

1. Неопределенность в правовом регулировании цифровых технологий. В условиях быстрого развития технологий возникают неясности в правовых нормах. Как от-

мечает Т. И. Михайлова, это приводит к неоднозначному толкованию законодательных предписаний и к различиям в их применении [1, с. 45]. Например, термины, такие как «цифровой след», «взаимодействие данных» или «искусственный интеллект», могут вызывать различные толкования.

Для устранения этой проблемы необходимо улучшение правовой техники и разработка четкой правовой терминологии. Также важно активное толкование норм со стороны судебных инстанций, включая Конституционный Суд и Верховный Суд РФ, а также внедрение лексической экспертизы для проектов нормативных актов.

2. Правовая нестабильность в сфере цифровизации. Н. И. Громов подчеркивает, что частые изменения в законодательстве и нестыковки между нормативными актами «разрушают целостность правовой системы и снижают доверие граждан к цифровым инициативам» [2]. Эта проблема проявляется в фрагментарности и нестабильности правового регулирования в области цифровых технологий.

Необходимо обеспечить системность и преемственность законодательства, установить минимальные сроки действия нормативных актов без изменений и разработать механизмы предварительной оценки правового воздействия новых цифровых инициатив.

3. Отсутствие правоприменительной практики в сфере цифровых технологий. Т. А. Баранова акцентирует внимание на недостаточной разработанности правоприменительной практики в отношении новейших цифровых институтов: «это создает пробелы в правоприменении, приводя к произвольному толкованию норм» [3, с. 150]. Данная проблема особенно остра в отношении недавно принятых законов о цифровых технологиях.

Для решения этой проблемы требуется активное развитие правоприменительной практики, обучение юридических специалистов и создание платформ для обмена опытом в области цифрового права, чтобы устранить неопределенности и обеспечить единообразие в применении норм.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что процесс цифровизации сталкивается с несколькими значительными проблемами, которые требуют срочного внимания. Ключевыми из них являются неопределенность в правовом регулировании цифровых технологий, правовая нестабильность и отсутствие правоприменительной практики. Неясности в законодательных нормах приводят к неоднозначному толкованию и различиям в их применении, что подрывает доверие граждан. Частые изменения в законодательстве и фрагментарность регулирования ведут к правовой нестабильности, а недостаточное развитие правоприменительной практики создает вакуум, что затрудняет учет новейших цифровых институтов.

Для решения этих проблем необходимо улучшить правовую технику и терминологию, обеспечить системность в законодательстве, установить минимальные сроки действия нормативных актов и развивать механизмы пред-

варительной оценки правового воздействия. Также важно активное развитие правоприменительной практики, обучение юридических специалистов и создание платформ для обмена опытом в сфере цифрового права. Это позволит устранить неопределенности и обеспечить единообразие в применении норм.

Влияние цифровизации на права и свободы граждан

Цифровизация оказала глубокое воздействие на права и свободы граждан, что стало актуальной темой для исследования в контексте конституционного права. Основные изменения приходится на такие аспекты, как защита личных данных, свобода слова, доступ к услугам и участие граждан в электронном управлении.

1. Защита личных данных.

2. С ростом использования цифровых технологий увеличиваются риски утечки и неправильного использования персональных данных. Конституции многих стран гарантируют право на неприкосновенность частной жизни, и здесь возникают сложности с соблюдением этих прав. Необходимы четкие законодательные акты, регулирующие обработку и хранение данных, а также меры по их защите.

3. Свобода слова и выражения.

4. Цифровизация предоставляет новые возможности для выражения мнений, однако также создаёт риски для свободы слова. Контроль за интернетом и социальными сетями может привести к цензуре и ограничению доступа к информации. Защита свободы выражения мнений в цифровом пространстве должна быть прописана в законодательстве, учитывающем специфику цифровых медиа.

5. Доступ к услугам.

6. Цифровизация улучшает доступ граждан к государственным и частным услугам через онлайн-платформы. Однако это может привести к неравенству, так как не все граждане имеют равный доступ к интернету и цифровым технологиям. Для обеспечения равного доступа необхо-

димо создать инфраструктуру и образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности.

7. Участие граждан в управлении.

8. Электронные платформы открывают новые возможности для активного участия граждан в управлении. Однако отсутствие надлежащей правовой базы и механизмов может привести к недостаточной прозрачности и легитимности таких процессов.

Цифровизация значительно влияет на права и свободы граждан, создавая как новые возможности, так и риски. Для обеспечения защиты конституционных прав необходимо разработать ясные законодательные рамки, которые учтут специфику цифрового мира, улучшат защиту личных данных, обеспечат свободу слова и равный доступ к цифровым услугам. Важно также активно развивать правоприменительную практику и повысить уровень правовой грамотности населения в условиях цифровой трансформации.

Заключение

В заключение можно сказать, что влияние цифровизации на права и свободы граждан является комплексным и многогранным процессом, который требует внимательного анализа и активного регулирования. Несмотря на значительные преимущества, такие как улучшение доступа к услугам и возможности для участия граждан в управлении, остаются серьезные вызовы, связанные с защитой личных данных, свободой слова и цифровым неравенством. Формирование эффективной правовой среды в условиях цифровой трансформации возможно только при условии, что конституционные права будут эффективно защищены, а правовая база будет адаптирована к новым реалиям. Необходимы дальнейшие исследования и реформы, направленные на обеспечение правопорядка и защиту свобод граждан, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование традиционных правовых норм и новых цифровых решений.

Литература:

1. Михайлова Т. И. Правовое регулирование цифровизации. — М.: Юрайт, 2022. — 150 с.
2. Громов Н. И. Цифровизация и право. — М.: Норма, 2021. — 220 с.
3. Баранова Т. А. Юридические аспекты цифровизации. — М.: Проспект, 2023. — 180 с.
4. Лазарев В. В. Теория государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2020. — 328 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. — М.: Юрист, 2018. — 400 с.
6. Кашанина Т. В. Юридическая техника. — М.: Эксмо, 2021. — 212 с.
7. Петрова Н. А. Цифровизация и права человека: новые вызовы и решения. — М.: Инфра-М, 2022. — 175 с.
8. Силаева О. Н. Защита прав граждан в условиях цифровизации. — М.: Российская академия наук, 2021. — 190 с.

Проблемы конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации

Петровская Дарья Витальевна, студент

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель

Инжиниринговый колледж (г. Белгород)

Конституционно-правовая ответственность представляет собой важную категорию в области конституционного права, связанную с обязательностью исполнения норм Конституции и других основополагающих актов. В статье рассматриваются основные проблемы конституционно-правовой ответственности в России, а также предложения по их решению. Особое внимание уделяется вопросам определения субъектов ответственности, видов конституционно-правовых санкций и механизмов их реализации в современной правовой системе.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, правовые нормы, субъекты ответственности, правовые санкции, правовая система России.

Введение

Конституционно-правовая ответственность — это вид юридической ответственности, наступающий за нарушение конституционных норм. Она заключается в применении к виновным субъектам (государственным органам, должностным лицам, общественным объединениям) мер государственного принуждения. Основные цели — защита Конституции и профилактика нарушений.

Конституционно-правовая ответственность является одной из наиболее значимых форм ответственности в государственно-правовой системе, которая направлена на обеспечение исполнения и соблюдения норм Конституции, а также других основополагающих актов. В России этот институт правовой ответственности продолжает развиваться, и в его основе лежит обязанность государственных органов, должностных лиц и граждан соблюдать положения Конституции РФ, а также других нормативных актов, регулирующих организацию государственной власти.

Одной из важнейших проблем является недостаточная разработанность механизма реализации конституционно-правовой ответственности, а также сложность в определении субъектов этой ответственности и видов соответствующих санкций. Актуальность исследования заключается в необходимости выявления проблемных аспектов конституционно-правовой ответственности, а также в разработке возможных путей их решения для улучшения функционирования правовой системы России.

В теории права такая ответственность рассматривается как мера юридической ответственности за нарушение норм Конституции, основополагающих принципов государственной и правовой системы, а также механизм обеспечения конституционного порядка.

Теоретические основы конституционно-правовой ответственности включают в себя в первую очередь основание, виды субъектов, объекты, содержание и меры.

Одной из важных теоретических проблем является отсутствие единой классификации видов конституционно-правовой ответственности. В частности, различаются:

1. Конституционная ответственность органов государственной власти — ответственность высших госу-

дарственных органов за нарушение норм Конституции. По мнению С. А. Авакьяна: «отсутствие четкого механизма привлечения высших органов государственной власти к конституционной ответственности приводит к снижению эффективности конституционного контроля». Главная проблема — Конституция РФ не закрепляет четко установленные санкции в отношении федеральных и региональных органов власти за нарушение ее положений.

Пути решения: разработка и принятие нормативного акта, который исключит данную проблему; расширение компетенции Конституционного Суда РФ в отношении нарушений органами государственной власти; введение института конституционно-правового санкционирования решений, противоречащих Основному закону.

2. Конституционная ответственность должностных лиц — ответственность руководителей органов власти и других чиновников за нарушение конституционных норм и принципов. О. Е. Кутафин отмечает, что «в отношении должностных лиц «границы конституционно-правовой ответственности размыты, а ее содержание пересекается с дисциплинарной и административной ответственностью». То есть главная проблема, касаемо должностных лиц — отсутствие четкого разграничения видов юридической ответственности в сфере конституционного права.

Пути решения: нормативное закрепление разграничения между конституционной и административной ответственностью; включение в законодательство норм, предусматривающих персональную ответственность соответствующих лиц и так далее.

Существует еще ряд видов носителей конституционно-правовой ответственности, которые имеют множество пробелов.

Одной из ключевых проблем во всем механизме конституционно-правовой ответственности является определение субъекта. Она также является наиболее дискуссионной в конституционном праве и вытекает из самой природы конституционного права.

Ключевые сложности в определении субъекта:

1. Проблема дуализма субъектов (ст. 117 ч. 3 и 4). В вопросах нарушения конституции каким-либо органом

государства, непонятно, нужно привлекать к этой ответственности государственный орган или конкретное физическое лицо.

Например, если парламент принимает неконституционный закон, кто является субъектом ответственности? Весь парламент, депутаты, голосовавшие за этот закон, или может председатель палаты, который в итоге подписал этот закон? Также и с другими органами.

2. Проблема специального статуса и иммунитетов (ст. 91, 98, 93). Многие потенциальные субъекты данной ответственности обладают иммунитетом (неприкосновенностью), что затрудняет привлечение их к ответственности. Этой неприкосновенностью обладают депутаты парламента и судьи, а также глава государства, то есть Президент РФ.

3. Проблема нормативной неопределенности составов правонарушения (ст. 93 ч. 1). В конституционном праве часто отсутствуют четко сформулированные составы конституционных правонарушений. Что такое «ненадлежащее исполнение своих обязанностей» парламентом или правительством? Что такое «утрата доверия» высшего должностного лица? Когда именно наступает «нарушение Конституции»?

Эта расплывчатость создает широкий простор для политического усмотрения, поэтому привлечен или же наоборот избежать ответственности может каждый орган по сугубо политическим мотивам.

4. Проблема «безвиновной» ответственности (ст. 117 ч. 4, ст. 111 ч. 4). Во многих случаях конституционно-правовая ответственность не требует установления вины в ее традиционном понимании.

Например, роспуск парламента может быть не по его «вине», а из-за разногласий с исполнительной властью или из-за политического кризиса; отставка правительства может быть связана не с ошибками, а с завершением политического цикла или изменением курса и так далее.

5. Проблема круга субъектов (ст. 3 ч. 2, ст. 13 ч. 5). В науке нет единого мнения о том, кого включать в круг субъектов, потому как споры ведутся вокруг физических лиц, коллективных субъектов и общественных объединений.

То есть мнение о физических лицах предполагает, что ответственность должны нести высшие должностные лица и граждане в исключительных случаях (например, за нарушение избирательного законодательства); о коллективных субъектах — государственные органы, органы местного самоуправления, государство в целом; об общественных объединениях — политические партии, общественные организации.

6. Проблема квазиответственности (ст. 117, ст. 111 ч. 4, ст. 117 ч. 3). Существуют меры, которые по форме похожи на конституционно-правовую ответственность, но по сути таковой не являются, так как не связаны с правонарушением.

Например, отставка правительства по собственному желанию, или же роспуск парламента в связи с истечением срока его полномочий.

Не менее важной проблемой является неопределенность в механизме.

Примерами могут послужить:

1. Признание акта неконституционным, то есть аннулирование правового акта (ст. 125);

2. Роспуск органа власти — досрочное прекращение полномочий представительного органа;

3. Отрешение от должности — досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица (импичмент) (ст. 93);

4. Лишение специального статуса — прекращение гражданства, отзыв наград или званий (ст. 6 по основаниям в ФЗ);

5. Приостановление деятельности — временный запрет деятельности общественных объединений.

Рассмотрим на примере импичмента Президента России. Несмотря на наличие механизма, он не был использован в практике, что порождает вопросы о его эффективности и о существующих правовых пробелах.

Таким образом, неясность в применении санкций в отношении государственных органов и должностных лиц также приводит к низкой правовой ответственности, что ослабляет демократическое функционирование государства.

Помимо трудностей, связанных с определением субъекта и реализацией конституционно-правовой ответственности, есть еще ряд других более обобщенных проблем, таких как:

1. Отсутствие четкости в правовых нормах. В Конституции РФ и других нормативных актах отсутствуют четкие критерии и механизмы определения ответственности, что создает пробелы в правоприменении.

2. Политическая зависимость правоприменительных органов. Конституционно-правовая ответственность, особенно в отношении высших органов власти, может стать предметом политического манипулирования, что затрудняет объективное применение правовых санкций.

3. Недостаточная правовая культура. Общественное восприятие институтов конституционно-правовой ответственности остается на низком уровне, что также влияет на ее эффективное применение.

Для улучшения механизма конституционно-правовой ответственности необходимо:

1. Разработать более четкие критерии и процедуры применения ответственности, в том числе для государственных органов и должностных лиц.

2. Укрепить правовую культуру и повысить уровень правового сознания среди граждан, чтобы они осознавали свою роль в соблюдении Конституции.

3. Принять меры по совершенствованию законодательных актов, направленных на установление более прозрачных и конкретных санкций за нарушения конституционных норм.

Заключение

В заключение можно сказать, что конституционно-правовая ответственность является важнейшим инструментом для обеспечения соблюдения Конституции

и норм правопорядка в России. Однако существующие проблемы, такие как неопределенность субъектов ответственности, отсутствие четких санкций и механизмы их применения, требуют дополнительного анализа и за-

конодательных инициатив. Для улучшения системы конституционно-правовой ответственности необходимо комплексное обновление правовых норм и повышение правовой культуры среди населения.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.): [поправки одобрены Советом Федерации 11 марта 2020 г.]: — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.11.2025). — Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Законы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 14.11.2025). — Текст: электронный.
3. Авакьян С. А. Конституционное право Российской Федерации: учебник: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — ISBN 978-5-00156-043-7. — Текст: непосредственный.
4. Кутафин, О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник / О. Е. Кутафин. — Москва: Проспект, 2018. — 592 с. — ISBN 978-5-392-27315-6. — Текст: непосредственный.
5. Нудненко, Л. А. Конституционное право. Практикум: учебник для среднего профессионального образования / Л. А. Нудненко. — 5-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 278 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-13750-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561238> (дата обращения: 14.11.2025).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Об актуальных проблемах квалификации мелкого хулиганства среди несовершеннолетних

Бабабекова Дарья Александровна, преподаватель

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Домодедово)

Статья посвящена проблемам квалификации мелкого хулиганства, совершаемого несовершеннолетними. В работе приводятся актуальные статистические данные, проводится анализ современной ситуации в рассматриваемой сфере. Автором поднимается наиболее актуальный вопрос, вызывающий серьезные затруднения в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел, а именно — квалификация такого административного правонарушения, как мелкое хулиганство. Приводятся примеры конкретных ситуаций, их квалификация с точки зрения законодательства. В статье изложены пути решения проблем, возникших на современном этапе.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, мелкое хулиганство, объективная сторона, субъективная сторона, несовершеннолетний, административная ответственность.

«**А** cane non magno saepe ingens aper tetur» (с лат. — «Маленькая собачка часто удерживает огромного кабана»). Столь многозначная фраза может объяснить гораздо многое, будь то обыденность жизни или же это государственное регулирование во всех сферах жизни общества.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях является кодифицированным федеральным законом, выступающим «невидимой стеной» при обеспечении сотрудниками правоохранительных органов охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также позволяющим предостеречь индивида от более опасных деяний.

Правовым средством охраны общественного порядка выступает институт административной ответственности, значение которого трудно переоценить. Ежегодно в Российской Федерации совершаются десятки миллионов административных правонарушений разного содержания. Их масштабность наносит значительный ущерб законным интересам личности и обществу в целом.

Возникновению девиантных случаев в обществе способствует множество факторов, которые неблагоприятно влияют не только на социальную и правовую безопасность населения Российской Федерации, но также могут представлять серьезную опасность для существующего правового строя.

Одним из важных «симптомов» административных правонарушений является «недостаток морально-нравственного воспитания», заключающийся в разности восприятия поколениями понятий: «честь», «совесть», «гордость», «скромность», которые воспитываются человеком в течение всей жизни и которым в современном обще-

стве уделяется все меньше внимания. Как говорил Карл Маркс: «Культура — это мера человечности в человеке».

Также можно выделить потребность человека к «демонстративности», то есть выраженному стремлению к привлечению внимания и заинтересованности в своей личности вне зависимости от желаний социума. Характерным для демонстративного поведения является осознанное и намеренное нарушение правил и норм поведения, принятых в обществе.

Недостаточный контроль со стороны государства в области правового обеспечения направленный на пресечение противоправных деяний в обществе позволяют субъекту правонарушения практически безнаказанно, дерзко, грубо и цинично поступать по отношению к социуму, как в узком, так и в широком смысле. Ситуация усугубляется правовыми проблемами квалификации данного состава и производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Из числа таких административных правонарушений, совершаемых на территории Российской Федерации можно выделить мелкое хулиганство, закрепленное в главе 6 КоАП РФ.

Мелкое хулиганство продолжает оставаться одним из совершаемых в административной практике правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, и в большей степени, данная категория административных правонарушений присуща лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, и даже, возраста административной ответственности. При этом привлечение к ответственности нередко возникают проблемы при классификации данного противоправного деяния.

По данным 2024 года на территории Российской Федерации правонарушение совершили более 170 тысяч подростков. Из них каждый пятый не достиг возраста ответственности, а значит, фактически избежал наказания. Как отмечалось выше одним из показателей возникновения административных правонарушений, является низкий уровень морально-нравственного воспитания. Учитывая, что современное поколение воспитано на европейских ценностях «свободной любви» и «безнаказанности» не исключен и более печальный исход, чем административное правонарушение.

Объектом мелкого хулиганства является «общественный порядок», но на законодательном уровне это понятие не закреплено. Этот термин фигурирует в некоторых территориальных нормативно-правовых актах субъектов РФ и обозначает регулирование общественных отношений правовыми и социальными нормами, то есть воздействие на жизнь человека с помощью правовых инструментов влияния для предотвращения и предупреждения общественно опасных противоправных деяний.

Наибольшее внимание в научной литературе уделяется одному из элементов состава административного правонарушения, как объективная сторона мелкого хулиганства. Это один из ключевых аспектов, который отражает последствия и противоправное действие (бездействие) проводя между ними причинно-следственные связи.

Так, в настоящее время под квалификацию по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ может подпадать не любое общественно опасное деяние, выражающее явное неуважение к обществу, а сопровождающееся нецензурной бранью, оскорбительным приставанием к гражданам, либо влекущее унижение или повреждение чужого имущества.

С субъективной стороны мелкое хулиганство может быть совершено, как с явным умыслом, преследующее конкретные действия за своими поступками, так возможны случаи совершения правонарушения без каких-либо намерений. Вследствие этого делается вывод, что субъект должен быть вменяемым и осознавать последствия своих действий.

Согласно КоАП РФ лицо, достигшее возраста 16 лет, может нести ответственность за совершенные им противоправные деяния. Эта точка зрения в некоторой степени спорна. Так как данные административные правонарушения, совершаются в большинстве случаев лицами, не достигшими возраста административного наказания.

Все чаще в средствах массовой информации, сети Интернет, в различных каналах мессенджеров стали освещаться хулиганские проявления.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.09.2025).

Так, например, на новостном портале «Известия» опубликована информация о том, что 16 января 2024 года в городе Мурино Ленинградской области в лифте одного из сопредельных государств избил ехавшего с ним в лифте мужчину. Подозреваемый был задержан полицией и доставлен в отдел, где в отношении него было возбуждено дело об административном правонарушении по статье 20.1 КоАП РФ.

Солист группы «Щенки» Максим Моисеев был арестован на 10 суток за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ. Артист во время выступления группы вышел на сцену с носком, надетым на мужской детородный орган.

Одним из «нашумевших» примеров нарушения моральных и социальных норм является и «голая» вечеринка телеведущей, киноактрисы и видеоблогера Анастасии Ивлеевой. Аморальные действия, совершенные участниками данного мероприятия, соответствуют признакам административного состава мелкого хулиганства.

Исходя из вышеизложенных фактов, можем сделать вывод о необходимости внесения изменений в формулировку ст. 20.1 КоАП РФ для обеспечения профилактической и пресекаемой функции данной нормы.

Во-первых, выделить из элемента «нарушения общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу» и прописать отдельно такое нарушение, как «справление естественных надобностей в общественном месте». Данное аморальное действие нарушает морально-нравственный вид общества в целом, что определяет негативную оценку не только субъективного мнения отдельного человека, который видит данное деяние, а как известно, мелкое хулиганство обычно совершается при непосредственном присутствии третьих лиц, но, также формирует образ общества народа в целом в глазах иного субъекта. Например, прибывшего из зарубежного государства, туриста, впервые оказавшегося на территории нашей страны. Таким образом, речь идет о формировании мнения о стране в целом.

Во-вторых, полагаем, что давно образовалась крайняя необходимость снижения возраста привлечения к административной ответственности за ряд правонарушений, в частности, за совершение мелкого хулиганства, до 14 лет с введением административной санкции предупреждение и профилактической работы со стороны полиции с несовершеннолетними гражданами и их родителями и иными законными представителями.

Такая профилактическая работа позволит предотвратить возникновение не только большинство новых случаев нарушения правопорядка, но и повысить моральный облик полиции в работе с мирным населением.

2. Полиция задержала устроившего драку в лифте мужчину в Ленобласти [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1634941/2024-01-16/politicia-zaderzhala-ustroivshego-draku-v-lifte-muzhchinu-v-lenobolasti> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Матюхина М. Г., Узденов Р. М. Актуальные проблемы разграничения мелкого хулиганства, совершаемого на объектах московского метрополитена, со смежными составами правонарушений // Пробелы в Российском законодательстве. 2023. Т. 16 № 6.
4. Мишина Ю. В. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 42–49.
5. Смирнова Е. Н., Синьков И. А., Головизнина Ю. И. О некоторых проблемных вопросах привлечения к административной ответственности за правонарушения, в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Журнал «Законность и правопорядок». 2021. № 3. С. 15–23.

Административная ответственность как инструмент обеспечения правопорядка в современном обществе

Бурова Ольга Александровна, студент магистратуры

Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматриваются теоретические аспекты административной ответственности как института права, определение ее места и роли в системе юридической ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, административное правонарушение, правопорядок, безопасность, государственное принуждение.

Безопасность в государстве обеспечивается комплексом мер, направленных на защиту безопасности, суверенитета, конституционного строя и территориальной целостности.

Для нормальной жизни общества необходим определенный порядок, который достигается с помощью норм, определяющих правила поведения людей.

Необходимость сопоставления каждым гражданином, «жителем» государства своих поступков с установленными в нем правилами поведения, а также осознание им возможности наступления неблагоприятных последствий в случае нарушения правил влечет существование явления, как государственное принуждение.

Государственное принуждение является средством охраны правопорядка, методом власти, средством обеспечения законности, то есть своеобразным регулирующим общественные отношения.

Целью принуждения является предупреждение правонарушений, пресечение противоправного поведения, предотвращение возможных вредных последствий, наказание виновных, обеспечение охраны прав и свобод граждан, общественного порядка, видов собственности, восстановление нарушенных прав и интересов граждан, юридических лиц и государства.

Правовое принуждение подчеркивает активную роль права по отношению к государственным органам, осуществляющим меры принудительного воздействия.

Реализация прав субъектами правоотношений и достижение соблюдения правовых норм невозможны без принудительного воздействия со стороны государства на поведение общества и личности.

Административная ответственность представляет собой разновидность публично-правовой ответственности, является одной из распространенных форм публично-правовой ответственности, одной из форм государственного принуждения и регулируется административно-правовыми нормами.

Административная ответственность — одна из форм юридической ответственности граждан и должностных лиц за совершенные ими административные правонарушения и которая выражается в применении органами исполнительной власти мер административного воздействия на виновных лиц.

Административная ответственность возлагается на лиц за совершение административных проступков, которые не являются общественно опасными, но, несут вред для общества, государства и личности.

Основой и основным нормативно-правовым актом, регулирующим институт административной ответственности, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

К административным правонарушениям (проступкам) законодательством отнесены правонарушения, посягающие на права граждан и здоровье населения, на общественный порядок, на собственность, на установленный порядок управления, а также правонарушение в области охраны окружающей среды, памятников истории и культуры, в сельском хозяйстве, на транспорте, в области торговли и финансов, жилищно-бытового хозяйства и благоустройства и др.

Согласно ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается «противоправное, виновное дей-

ствие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность». [1]

Субъектами административной ответственности являются граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, должностные лица, военнослужащие, юридические лица.

За совершение административных правонарушений налагается административные взыскания в виде предупреждения, штрафа, конфискации предмета, явившегося непосредственным объектом или орудием совершения правонарушения, или возмездного изъятия предмета, лишения специального права, применяемых уполномоченными законом органами или должностными лицами.

Среди всех, установленных государством видов юридической ответственности, административная ответственность является самым распространенным видом.

Обеспечение неотвратимости ответственности всегда являлось важнейшей задачей законодательства. Административная ответственность преследует цели восстановления социальной справедливости, предотвращение административных правонарушений, воспитание у членов общества уважительного отношения к нормам административного права и представляет собой способ превентивного воздействия на волю и мотивы поведения субъектов общественных отношений.

Выделяют следующие функции административной ответственности:

«— превентивная — предупреждение совершения правонарушения, формирование у субъектов мо-

тивов, побуждающих соблюдать требования действующего законодательства, уважать права и интересы других лиц;

- карательная или штрафная — за совершение правонарушения следует санкция;
- компенсационная — восстановление имущественного состояния граждан, в результате совершенного правонарушения» [2].

Тем не менее, применение института административной ответственности требует строго соблюдения принципов справедливости, равенства перед законом и пропорциональности наказания совершенному проступку. Чрезмерно суровые санкции могут вызвать негативное отношение общественности к органам власти и снизить доверие к правосудию.

Роль административной ответственности проявляется в поддержании общественного порядка, защите прав и интересов граждан, предупреждении более тяжких правонарушений, формировании правовой культуры общества.

Таким образом, административная ответственность является важным инструментом поддержания правопорядка и стабильности в российском обществе. Ее эффективное использование обеспечивает баланс между защитой общественных интересов и соблюдением прав личности, способствуя созданию условий для устойчивого развития государства и гражданского общества.

Совершенствование института административной ответственности должно идти в направлении обеспечения баланса между необходимостью поддержания общественного порядка и защитой прав граждан, что позволит повысить эффективность данного правового института в современных условиях.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1.
2. Артёмова, А. А. Административная ответственность как один из видов юридической ответственности / А. А. Артёмова, И. Ю. Панькина. // Молодой ученый. — 2021. — № 18 (360). — С. 388–391. — URL: <https://moluch.ru/archive/360/80508>.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. — М.: Эксмо, 2019. — 807 с.
4. Кайнов В. И., Р. А. Сафаров, Р. В. Терентьев «Административно-процессуальное право России: учебное пособие.-2-е изд., перераб. и доп.-Москва; Берлин: Дитректо-Медиа, 2021.-264с.
5. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений; актуальные проблемы//Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 4–24.
6. Прокопович Г. А. Юридическая ответственность как релевантная система. Вестник экономической безопасности. 2021; (3):30–3.
7. Стахов, А. И. Административное право России: учебник для вузов / А. И. Стахов, П. И. Кононов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 646 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–21549–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт.
8. Телегин А. С. Административное право: учебник; Пермский государственный национальный исследовательский университет.-Пермь, 2020.-340с.

Дополнительные меры социальной поддержки ветеранов боевых действий по региональному законодательству (на примере субъектов Уральского федерального округа Российской Федерации)

Рассадин Максим Александрович, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В публикации дается обзор актуального регионального законодательства в сфере предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий. Предлагается классификация мер социальной поддержки данной категории граждан.

Ключевые слова: ветеран боевых действий, участник специальной военной операции, военнослужащий, доброволец, гражданский персонал, военизированные формирования, социальная поддержка, льготы, компенсация, транспортный налог, бесплатная юридическая помощь, земельный участок.

Additional social support measures for combat veterans under regional legislation (based on the subjects of the Ural Federal District of the Russian Federation)

The publication provides an overview of current regional legislation in the field of providing social support measures to combat veterans. A classification of social support measures for this category of citizens is proposed.

Keywords: combat veteran, participant in special military operation, serviceman, volunteer, civilian personnel, paramilitary units, social support, benefits, compensation, transport tax, free legal assistance, land plot.

Вопросы государственного регулирования социального обеспечения в Российской Федерации сохраняют свою высокую значимость с точки зрения как правовых, так и социально-экономических аспектов. Особую актуальность данная проблематика приобретает в сфере поддержки инвалидов и ветеранов боевых действий, что обусловлено как постоянным развитием регионального законодательства, так и проводимой специальной военной операцией, что приводит к увеличению числа лиц, имеющих право на соответствующие меры социальной поддержки.

Правовое регулирование отношений в данной сфере осуществляется в рамках многоуровневой системы. Базовые гарантии установлены на федеральном уровне Федеральным законом от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» [1], при этом большинство полномочий по их практической реализации передано на региональный уровень. Субъекты Российской Федерации не только исполняют федеральные предписания, но и обладают правом устанавливать дополнительные меры социальной поддержки за счет собственных бюджетов. Это приводит к формированию существенно различающихся правовых режимов на территории страны, что порождает как дополнительные возможности для ветеранов, так и определенные проблемы правового единства.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа регионального законодательства, которое, будучи малоизученным, на практике формирует окончательный объем прав и льгот для ветеранов боевых действий. Целью статьи

является проведение такого анализа на примере субъектов Уральского федерального округа (далее — УрФО), которые демонстрируют различные законодательные подходы к установлению дополнительных гарантий. Так, в субъектах Российской Федерации, расположенных в УрФО, принят целый ряд региональных нормативных правовых актов, направленных на установление и функционирование мер социальной поддержки ветеранов боевых действий. В рамках данной публикации будут исследованы эти акты, предусматривающие такие меры, как налоговые льготы, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг, компенсации затрат на газификацию жилья, льготный проезд на общественном транспорте, медицинское обеспечение, предоставление бесплатной юридической помощи и установление региональных денежных выплат. Комплексное изучение указанных мер позволит выявить как позитивные региональные практики, так и существующие пробелы и коллизии в правовом регулировании, сформулировать предложения по его совершенствованию.

Одними из таких социальных мер поддержки являются льготы по транспортному налогу, установленные региональным законодательством. К примеру, в Курганской области ветераны боевых действий освобождены от уплаты налога за одно транспортное средство с мощностью двигателя до 150 лошадиных сил (далее — л. с.) включительно по выбору (заявлению) налогоплательщика [2], а в Тюменской области — за один легковой автомобиль с такой же мощностью двигателя (распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2022 г.) [3].

В Челябинской области освобождены от транспортного налога инвалиды боевых действий [4]. Льгота предоставляется им в отношении одного транспортного средства с мощностью двигателя до 180 л. с. (до 132,39 кВт) включительно. В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (далее — ХМАО) ветераны боевых действий освобождены от уплаты в размере 100% от суммы налога за один легковой автомобиль мощностью двигателя до 200 л. с. включительно; мотоциклы и мотороллеры — независимо от мощности двигателя; снегоходы, мотосани и моторные лодки — с мощностью двигателя до 50 лошадиных сил включительно [5]. Наибольшая по своему содержанию льгота предусмотрена налоговым законодательством Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО), где налогоплательщики из числа ветеранов и инвалидов боевых действий освобождаются от уплаты транспортного налога в отношении одного легкового автомобиля независимо от мощности двигателя [6].

Меры социальной поддержки ветеранов и инвалидов боевых действий по компенсации затрат и работ по газификации домов либо жилых помещений закреплены в законодательстве и подзаконных актах Свердловской, Челябинской и Тюменской областей [7; 20; 21; 22].

В ряде субъектов Урала для некоторых категорий ветеранов боевых действий предусмотрено бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства либо предоставление социальной выплаты на его приобретение. Так, в Курганской области для ветеранов боевых действий законом предусмотрено бесплатное предоставление земельных участков для индивидуального жилищного строительства при условии, что ветераны и признанные нуждающимися в жилых помещениях постоянно проживают на территории Курганской области не менее последних пяти лет, предшествующих подаче заявления о бесплатном предоставлении в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства [8].

В Челябинской области к категориям граждан, имеющим право на бесплатное предоставление в собственность земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, закон относит военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), и лиц, проходящих или проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, удостоенных звания Героя Российской Федерации или награжденных орденами Российской Федерации за заслуги, проявленные в ходе участия в специальной военной операции, и являющихся ветеранами боевых действий [9].

В Свердловской области установлена дополнительная мера социальной поддержки — социальная выплата на приобретение земельного участка — для ветеранов боевых действий из числа военнослужащих, лиц, заклю-

чивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), и лиц, проходящих или проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, удостоенных звания Героя Российской Федерации или награжденных орденами Российской Федерации за заслуги, проявленные в ходе участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области [7].

Меры социальной поддержки в виде бесплатного проезда на городском и пригородном транспорте, компенсации либо возмещении расходов на проезд, выдачи социальных проездных установлена в нескольких регионах УрФО. Так, к примеру, для ветеранов Свердловской области установлен бесплатный проезд по территории региона на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в междугородном сообщении [10], а также ежегодное пособие в размере 825 рублей на проезд по территории региона на всех видах городского пассажирского транспорта и автомобильного транспорта общего пользования в пригородном сообщении [11].

В Тюменской области установлен бесплатный проезд на автомобильном транспорте общего пользования (кроме легкового такси): в городском сообщении — по муниципальным маршрутам; в пригородном — по муниципальным и межмуниципальным маршрутам; в междугородном — по муниципальным маршрутам и межмуниципальным маршрутам, связывающим административный центр муниципального округа с населенными пунктами данного муниципального округа; либо по выбору гражданина — денежная компенсация, размер которой устанавливается Правительством Тюменской области; а также бесплатный проезд на железнодорожном транспорте в пригородном сообщении и на внутреннем водном транспорте по местным маршрутам [12].

В Челябинской области для ветеранов установлена оплата проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси) и на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) по пригородным маршрутам на территории региона (при условии, что ветераны боевых действий не состоят на военной или приравненной к ней службе) посредством единого социального проездного билета либо суммы, составляющей соответственно 230 и 285 рублей в месяц, которая ежемесячно вносится на персонифицированную социальную электронную карту [13].

Региональным законодательством для ветеранов боевых действий предусмотрены дополнительные меры социальной защиты медицинского характера. Например, в Свердловской области — это сохранение права на получение медицинской помощи в подведомственных исполнительным органам государственной власти Свердловской области медицинских организациях, к ко-

торым ветераны были прикреплены в период работы до выхода на пенсию, а также внеочередное оказание медицинской помощи в соответствии с территориальной программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в медицинских организациях, подведомственных исполнительным органам государственной власти Свердловской области [7].

В ХМАО ветераны имеют право на бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов, за исключением протезов из драгоценных металлов, металлокерамики, безметалловой керамики и облицовочных композитных материалов при наличии медицинских показаний в окружных медицинских организациях государственной системы здравоохранения [14].

В Свердловской и Челябинской областях, ХМАО и ЯНАО согласно региональному законодательству ветераны боевых действий имеют право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи [15; 24; 25; 26; 27].

Примером региональной денежной выплаты может быть пожизненное денежное содержание в размере 1500 рублей для ветеранов боевых действий, установленное в ЯНАО с 2011 г. [16].

Дополнительно нужно сказать про региональную социальную поддержку ветеранов из числа инвалидов боевых действий. Приведем несколько примеров.

В Свердловской области для инвалидов боевых действий предусмотрена ежегодная компенсация эксплуатационных расходов за бензин, ремонт и техническое обслуживание транспортных средств в размере 2137 рублей [7; 23].

В Челябинской области для инвалидов боевых действий I и II групп законодательно закреплена комплексная компенсация расходов на жилищно-коммунальные услуги в размере 50%. Мера распространяется на оплату занимаемой общей площади жилого помещения (в пределах установленной нормы), коммунальных услуг (включая отопление и твердое топливо для домов с печным отоплением), а также взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме. При этом компенсация по последнему виду расходов ограничена 50% от минимального размера взноса, рассчитанного исходя из регионального норматива. Инвалидам боевых действий предоставляется освобождение от оплаты услуг за пользование коллективной телевизионной антенной, компенсационная выплата за пользование услугами местной телефонной связи в размере 280 рублей в месяц, компенсационная выплата за пользование услугами связи для целей проводного радиовещания в размере 55 рублей в месяц [17].

В ХМАО для инвалидов боевых действий предусмотрены такие меры социальной поддержки, как бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов, за исключением протезов из драгоценных металлов, металлокерамики, безметалловой керамики и облицовочных компо-

зитных материалов при наличии медицинских показаний в медицинских организациях по месту жительства; передача в собственность транспортных средств инвалидам, вставшим на очередь до 31 декабря 2004 г. и получившим их в пользование в качестве средств реабилитации в порядке, установленном законодательством; предоставление именных сертификатов на приобретение технических средств реабилитации и оплату услуг по их ремонту с учетом перечня медицинских показаний и противопоказаний, утвержденного в порядке, определенном Правительством ХМАО, и в соответствии с рекомендациями индивидуальных программ реабилитации или абилитации инвалидов.

Еще одна мера социальной поддержки в виде дополнительной единовременной денежной выплаты в размере 90,4 тысяч рублей положена инвалидам (в том числе боевых действий), состоявшим на учете на 1 января 2005 г. в органах социальной защиты населения ХМАО в качестве получателей транспортных средств и не получившим их на день вступления в силу регионального Закона № 115-оз, в случае выделения единовременной денежной компенсации из средств федерального бюджета [14].

В ЯНАО инвалиды боевых действий раз в два года обеспечиваются сертификатом на приобретение путевки на санаторно-курортное лечение номинальной стоимостью из расчета предельной стоимости санаторно-курортной путевки в сутки, устанавливаемой постановлением Правительства автономного округа, и санаторно-курортного лечения продолжительностью 21 календарный день. Им возмещаются расходы в размере 100% стоимости проезда по территории Российской Федерации раз в год на санаторно-курортное лечение на железнодорожном, водном, воздушном, междугородном и личном автомобильном транспорте (кроме такси), а также для них установлена абонентная выплата в размере 370 рублей ежемесячно при наличии квартирного проводного телефона и заключенного договора с оператором связи. Здесь же с 2022 г. ветеранам боевых действий, признанным инвалидами I, II или III группы, инвалидам боевых действий установлено пожизненное денежное содержание — 5000 рублей ежемесячно [16].

В Курганской области с 2003 г. для инвалидов боевых действий предусмотрены выплаты ежемесячной доплаты к пенсии по инвалидности. С 1 июля 2025 г. их размеры составили: для инвалидов I группы — 2302 рубля (до 01.01.2025—481 рубль), для инвалидов II группы — 2114 рублей (до 01.01.2025—374 рубля), для инвалидов III группы — 2000 рублей (до 01.01.2025—267 рублей) [18]. А в качестве примера муниципальной льготы для инвалидов боевых действий в Кургане можно привести право бесплатного проезда на муниципальных маршрутах регулярных перевозок на основании именного бесплатного проездного билета.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о состоянии правового регулирования дополни-

тельных мер социальной поддержки ветеранов боевых действий в субъектах Уральского федерального округа:

- сфера денежных выплат. Выплаты варьируются от пожизненного денежного содержания в 5000 рублей для инвалидов боевых действий, проживающих в ЯНАО, до сравнительно скромных ежемесячных доплат к пенсии в Курганской области;
- сфера обеспечения жильем и коммунальными услугами. В то время как одни регионы (Курганская, Свердловская области) предоставляют земельные участки или выплаты на их приобретение, другие ограничиваются стандартными федеральными компенсациями по оплате жилищно-коммунальных услуг;
- сфера транспортных льгот. Наблюдается широкий спектр моделей льготного проезда в общественном транспорте (денежная выплата, социальный проездной, возмещение расходов).

Подобная региональная мозаичность, с одной стороны, отражает право субъектов РФ на самостоятельное определение приоритетов социальной политики и учет своих бюджетных возможностей. Однако, с другой стороны, она порождает системную проблему, а именно: не-

равенство в уровне социальной защищенности ветеранов боевых действий в зависимости от места их проживания.

Ключевой вывод работы заключается в том, что действующая модель социальной поддержки ветеранов боевых действий, основанная на значительной децентрализации, требует совершенствования.

Выявленная региональная дифференциация создает неравенство в уровне правовой защиты ветеранов боевых действий в зависимости от места их проживания, что не в полной мере соответствует принципу единства правового пространства России и конституционным гарантиям равенства прав граждан [19].

Перспективным направлением совершенствования законодательства представляется установление на федеральном уровне минимального перечня дополнительных мер социальной поддержки, обязательных для реализации во всех субъектах Российской Федерации, что позволит обеспечить единство правового статуса ветеранов боевых действий независимо от места их проживания. Только при таком комплексном подходе можно обеспечить не декларативное, а реальное равенство прав и достойный уровень жизни для всех ветеранов боевых действий, независимо от их места жительства.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 3. — Ст. 168.
2. Закон Курганской области от 26 ноября 2002 г. № 255 «О транспортном налоге на территории Курганской области» (с изменениями на 25 сентября 2024 г.) // Газета «Новый мир» от 29 ноября 2002 г., № 223.
3. Закон Тюменской области от 19 ноября 2002 г. № 93 «О транспортном налоге» (с изменениями на 24 апреля 2025 г.) // Газета «Тюменские известия» от 22 ноября 2002 г., № 228–229 (3085–3086).
4. Закон Челябинской области от 28 ноября 2002 г. № 114-ЗО «О транспортном налоге» (с изменениями на 3 июня 2025 г.) // «Ведомости Законодательного собрания Челябинской области», ноябрь 2002 г., № 12; «Южноуральская панорама», 30 ноября 2002 г., № 134; «Челябинский рабочий», 30 ноября 2002 г., № 223.
5. Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 14 ноября 2002 г. № 62-оз «О транспортном налоге в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (с изменениями на 24 ноября 2022 г.) // «Собрание Законодательства Ханты-Мансийского автономного округа», 18 ноября 2002 г., № 10; «Новости Югры», 26 ноября 2002 г., № 134.
6. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 ноября 2002 г. № 61-ЗАО «О ставках транспортного налога на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (ред. от 25 октября 2024 г.) // «Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа», ноябрь 2002 г., № 9/1; «Красный Север», 30 ноября 2002 г., № 124–126.
7. Закон Свердловской области от 25 ноября 2004 г. № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов в Свердловской области» (ред. от 31.07.2025) // «Областная газета» от 27 ноября 2004 г., № 322–324.
8. Закон Курганской области от 6 октября 2011 г. № 61 «О бесплатном предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного строительства на территории Курганской области» (ред. от 30 декабря 2022 г.) // «Новый мир», 7 октября 2011 г., № 74.
9. Закон Челябинской области от 25 августа 2023 г. № 889-ЗО «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность отдельным категориям граждан в связи с проведением специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины» (ред. от 02 сентября 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru>, номер опубликования: 7400202308250006, дата опубликования: 25.08.2023.
10. Постановление Правительства Свердловской области от 19 ноября 2014 г. № 1014-ПП «О предоставлении бесплатного проезда по территории Свердловской области на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в междугородном сообщении отдельным категориям граждан, оказание мер социальной под-

- держки которым относится к ведению Российской Федерации» (с изм. 04 сентября 2025 г.) // «Областная газета», 26 ноября 2014 г., № 218 (7541).
11. Постановление Правительства Свердловской области от 30 декабря 2008 г. № 1426-ПП «О размере, порядке и условиях назначения и выплаты ежегодного пособия на проезд по территории Свердловской области на всех видах городского пассажирского транспорта и на автомобильном транспорте общего пользования в пригородном сообщении для отдельных категорий граждан, оказание мер социальной поддержки которых относится к ведению Российской Федерации» (с изм. на 04 сентября 2025 г.) // «Областная газета», № 2–4, 01.01.2009, «Собрание законодательства Свердловской области», 17.03.2009, № 12–7 (2008), ст. 2209.
 12. Закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 331 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области» (ред. от 26 сентября 2025 г.) // «Тюменские известия», 29 декабря 2004 г., № 280–281 (3662–3663); «Тюменская область сегодня», 31 декабря 2004 г., № 247 (1375).
 13. Закон Челябинской области от 24.09.2009 № 465-ЗО «О дополнительных мерах социальной поддержки по оплате проезда отдельных категорий граждан, оказание мер социальной поддержки которым осуществляется за счет средств федерального бюджета» (ред. от 5 июня 2024 г.) // Газета «Южноуральская панорама», 29 сентября 2009 г., № 186.
 14. Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 07 ноября 2006 г. № 115-оз «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (ред. от 02 февраля 2024) // «Новости Югры» 16–22 ноября 2006 г., № 129 (подписан в печать 15 ноября 2006 г.), «Собрание Законодательства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», 30 ноября 2006 г., № 11 (часть I).
 15. Закон Свердловской области от 5 октября 2012 г. № 79-ОЗ «О бесплатной юридической помощи в Свердловской области» (ред. от 23 апреля 2025 г.) // «Областная газета», 9 октября 2012 г., № 402–403, с. 6.
 16. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 ноября 2006 г. № 62-ЗАО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Ямало-Ненецком автономном округе» (ред. от 29 октября 2024 г.) // «Красный Север», № 130, 10 ноября 2006 г., № 81–82 (спецвыпуск).
 17. Закон Челябинской области от 14 февраля 1996 г. № 16-ОЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Челябинской области» (ред. от 29 января 2024 г.) // «Хроника» от 29 февраля 1996 г., № 8.
 18. Закон Курганской области от 4 декабря 2003 г. № 358 «Об установлении ежемесячной доплаты к пенсии по инвалидности инвалидам боевых действий, проживающим на территории Курганской области» (ред. от 28 августа 2025 г.) // «Новый мир», 10 декабря 2003 г., № 232.
 19. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 06.10.2022) // «Российская газета», № 237, 25 декабря 1993 г.
 20. «Собрание законодательства Свердловской области» 2004 г., № 11, ст. 1877.
 21. Закон Челябинской области от 03.03.2021 № 318-ЗО «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в связи с установкой внутридомового газового оборудования» (ред. от 26 декабря 2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>, номер опубликования: 7400202103030006, дата опубликования: 03.03.2021.
 22. Закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 331 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области» (ред. от 26 сентября 2025 г.) // «Тюменские известия», 29 декабря 2004 г., № 280–281; газета «Тюменская область сегодня», 31 декабря 2004 г., № 247.
 23. «Собрание законодательства Свердловской области» 2004 г., № 11, ст. 1877.
 24. «Собрание законодательства Свердловской области», 24 декабря 2012 г., № 10–2 (2012), ст. 1708.
 25. Закон Челябинской области «Об оказании бесплатной юридической помощи в Челябинской области» от 6 марта 2012 г. № 279-ЗО (ред. от 03 июня 2025 г.) // «Южноуральская панорама» от 8 марта 2012 г., № 31 (спецвыпуск № 6).
 26. Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 16 декабря 2011 г. № 113-оз «О бесплатной юридической помощи в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (с изменениями на 24 ноября 2022 г.) // «Новости Югры» от 27 декабря 2011 г. № 200, «Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», 31 декабря 2011 г., № 12 (ч. 2), т. 1, ст. 1214.
 27. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 мая 2012 г. № 23-ЗАО «Об обеспечении граждан бесплатной юридической помощью в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 28 мая 2025 г.) // «Красный Север», 29 мая 2012 г., № 45 (спецвыпуск), «Ведомости Законодательного Собрания ЯНАО», май 2012 г., № 4.

Основные направления совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Жайлибаева Жанна Салимжановна, студент магистратуры;

Шинкарецкий Сергей Петрович, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы и ключевые направления трансформации контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Авторы анализируют эволюцию государственного контроля и надзора от репрессивной модели к риск-ориентированному подходу. Особое внимание уделяется таким приоритетным направлениям совершенствования, как цифровизация надзорной деятельности, внедрение концепции проактивного надзора, совершенствование правового регулирования и развитие института собственной оценки соблюдения обязательных требований. Делается вывод о том, что современная реформа контрольно-надзорной деятельности нацелена на создание сбалансированной системы, обеспечивающей как защиту прав граждан и безопасность экономики, так и создание благоприятных условий для предпринимательства.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, государственный контроль, риск-ориентированный подход, проактивный надзор, цифровизация, регуляторная гильотина, бизнес-климат, обязательные требования.

Контрольно-надзорная деятельность является неотъемлемой функцией любого современного государства, обеспечивающей соблюдение установленных норм и стандартов в различных сферах общественной жизни от защиты прав потребителей и охраны окружающей среды до обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и промышленной безопасности [1]. Однако избыточное административное давление со стороны контролирующих органов традиционно рассматривалось как один из ключевых барьеров для экономического развития и предпринимательской инициативы в России [2].

В последнее десятилетие в Российской Федерации начался процесс глубокого реформирования контрольно-надзорной системы, нацеленный на переход от тотального и зачастую непредсказуемого контроля к смарт-надзору — интеллектуальной, гибкой и эффективной модели. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизации и анализа основных векторов этой масштабной реформы, оценки ее промежуточных результатов и выявления перспективных направлений для дальнейшего совершенствования.

Исторически контрольно-надзорная деятельность в России характеризовалась всеобъемлющим характером, высокой частотой плановых проверок и значительным уровнем административной дискреции надзорных органов. Это создавало почву для коррупционных рисков и избыточной нагрузки на добросовестных субъектов.

Кардинальный сдвиг произошел с принятием Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3] и последующим внедрением риск-ориентированного подхода (далее — РОП). Суть РОП заключается в дифференциации субъектов контроля по категориям риска причинения вреда охраняемым законом ценностям [4]. Для объектов высокого риска сохраняется интенсивный

плановый надзор, в то время как для объектов умеренного и низкого риска плановые проверки проводятся реже или не проводятся вовсе.

Внедрение РОП позволило перенаправить ограниченные ресурсы надзорных органов на наиболее опасные объекты, снизив административное давление на добросовестный бизнес. Однако дальнейшее совершенствование требует углубления и детализации критериев категорирования рисков, а также расширения сферы применения данного подхода.

Современная стратегия реформирования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации сфокусирована на нескольких взаимосвязанных направлениях [5]:

1. Цифровая трансформация и использование больших данных (Big Data). Цифровизация является стержнем современной реформы. Ее проявления многогранны:

- внедрение автоматизированных информационных систем (например, «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» Генпрокуратуры РФ), которые обеспечивают прозрачность планирования и проведения проверок;
- развитие дистанционных форм надзора: проведение проверок с использованием средств видеонаблюдения, анализ данных с камер наблюдения, получение необходимой информации в электронном виде без выезда на объект. Это значительно сокращает издержки как для государства, так и для бизнеса;
- внедрение надзора за данными: использование технологий больших данных и искусственного интеллекта для прогнозной аналитики. Система может автоматически выявлять аномалии в отчетности, жалобах потребителей или данных с датчиков, формируя цифровой след объекта и инициируя внеплановую проверку только при наличии веских, алгоритмически выверенных оснований.

2. Внедрение концепции проактивного надзора. Традиционный надзор носил реактивный характер и включал реагирование на уже произошедшее нарушение. Современный тренд — смещение фокуса на предупреждение нарушений. Проактивный надзор предполагает:

- консультирование и информирование субъектов о содержании обязательных требований;
- правовое просвещение и распространение лучших практик;
- внедрение чек-листов — перечней конкретных контрольных вопросов, с которыми предприниматель может ознакомиться до проверки для самопроверки и устранения возможных нарушений.

Это меняет парадигму взаимоотношений «надзорный орган — бизнес» с конфронтационной на партнерскую.

3. Реализация политики «регуляторной гильотины». Одной из фундаментальных проблем была устаревшая и зачастую противоречивая нормативная база. В рамках политики «регуляторной гильотины» была проведена масштабная работа по отмене тысяч устаревших обязательных требований, действовавших еще со времен СССР. Цель — создание нового, понятного, непротиворечивого и технологически современного корпуса обязательных правил, сфокусированных на конечном результате (безопасность, качество), а не на предписывающих методах его достижения.

4. Развитие института собственной оценки соблюдения обязательных требований. Государство стимули-

рует бизнес к внедрению внутренних систем контроля. Добровольный аудит, сертификация, декларирование ответственности — все эти инструменты позволяют переложить часть контрольных функций на самого субъекта. В перспективе наличие эффективной внутренней системы контроля может послужить основанием для снижения категории риска и, как следствие, уменьшения интенсивности планового надзора.

Таким образом, реформирование контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации является сложным и многогранным процессом, направленным на достижение баланса между эффективным обеспечением правопорядка и созданием комфортной деловой среды. Основные направления совершенствования — риск-ориентированный подход, цифровизация, проактивность, оптимизация обязательных требований и развитие института саморегулирования — образуют комплексную систему, синергетический эффект от которой должен привести к качественному изменению всей модели государственного контроля.

Несмотря на значительные успехи, сохраняются вызовы, такие как необходимость преодоления административного консерватизма, обеспечение единообразия практики применения новых правил в регионах и дальнейшее развитие цифровых компетенций в надзорных органах. Дальнейшее движение по выбранному пути будет способствовать не только улучшению инвестиционного климата, но и повышению реальной эффективности в обеспечении безопасности и защите прав граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I), ст. 5007.
2. О снижении административного давления на бизнес при осуществлении контрольно-надзорной деятельности // Официальный сайт Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Кемеровской области — Кузбассу. — URL: <https://42.rosпотrebnadzor.ru/content/1251/117430>.
3. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.; изменения вступают в силу с 1 марта 2026 г.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I), ст. 6249.
4. Ключевская Н. Риск-ориентированный подход: приоритет реформы госконтроля // Аналитические статьи: ГАРАНТ. РУ. — URL: <https://www.garant.ru/article/1406579>.
5. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации» // ГАРАНТ. РУ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408171459>.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Виды лизинга в Российской Федерации: правовые особенности и практика применения

Любанина Елена Дмитриевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Введение

Лизинг в России достиг значительных масштабов и стал важным инструментом финансирования инвестиций в основные средства. Объем нового бизнеса на российском рынке лизинга в 2025 году по мнению экспертов превысит 2,5 триллиона рублей [14], что свидетельствует о роли лизинга как драйвера обновления производственных мощностей и транспортных парков предприятий. Лизинг активно используется во всех отраслях экономики — от промышленности и сельского хозяйства до транспорта и IT-сектора.

При этом правовая природа лизинга остаётся предметом дискуссий [9; 12]. Является ли лизинг разновидностью аренды с особым финансовым компонентом или это самостоятельный финансовый инструмент, лишь внешне напоминающий аренду? Гражданский кодекс РФ помещает лизинг в главу об аренде [1], что указывает на арендную концепцию, но Федеральный закон № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» подчёркивает финансовую составляющую, определяя лизинг как вид инвестиционной деятельности [3]. Этот спор имеет не только теоретическое, но и практическое значение, влияя на толкование норм и разрешение споров.

Российская правовая доктрина традиционно выделяет различные виды лизинга, используя при этом различные основания классификации [9; 12]. Так, по критерию перехода права собственности различают выкупной и операционный лизинг; по составу участников — прямой и возвратный лизинг; по возможности передачи имущества третьим лицам — с правом или без права сублизинга. Каждое из этих оснований классификации отражает различные аспекты лизинговых отношений: экономическую цель операции, структуру сделки, распределение рисков между сторонами. Важно отметить, что эти классификации не являются взаимоисключающими — один и тот же договор может одновременно квалифицироваться как выкупной, прямой лизинг с возможностью сублизинга.

Лизинг балансирует между финансовым рынком и рынком аренды активов, занимая промежуточное положение. С одной стороны, это способ финансирования

приобретения имущества, конкурирующий с банковским кредитом. С другой стороны, это способ получения доступа к активам без необходимости их приобретения в собственность, конкурирующий с арендой. Разные виды лизинга тяготеют к разным полюсам этого спектра: выкупной лизинг ближе к финансовому рынку, операционный — к рынку аренды, возвратный имеет черты обеих моделей, сублизинг добавляет дополнительный уровень сложности.

1. Выкупной лизинг как доминирующая модель российского рынка

Выкупной лизинг безраздельно доминирует на российском рынке, составляя более 90% всех лизинговых операций [13; 14]. Это не просто один из видов лизинга наряду с другими — это фактически стандарт отрасли, модель, под которую выстроено всё регулирование и вся практика.

В российской доктрине выкупной и операционный лизинг традиционно выделяются как основные виды по критерию наличия или отсутствия перехода права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю [9; 12]. Это не просто варианты одной модели, а принципиально разные виды лизинга. Их различие заключается в самой цели операции: при выкупном лизинге имущество изначально предназначено для перехода в собственность лизингополучателя, договор структурируется так, чтобы к концу срока лизингополучатель выкупил имущество за символическую сумму, фактически став его владельцем. При операционном лизинге имущество возвращается лизингодателю, договор рассчитан на временное пользование без намерения приобретения.

Для лизингополучателя выкупной лизинг — это способ приобретения имущества в рассрочку с отсрочкой полной оплаты на несколько лет. Для лизингодателя это финансирование покупки имущества клиентом с получением дохода в виде процентов, встроенных в лизинговые платежи. Такая экономическая логика сближает выкупной лизинг с кредитом под залог приобретаемого имущества [11], что укрепляет финансовую концепцию природы лизинга, рассматривающую его как инструмент финансового рынка, а не рынка аренды.

Превалирование выкупного лизинга в России не случайно, это результат целенаправленной государственной политики. В условиях износа основных фондов, накопившегося за десятилетия недоинвестирования, государство было заинтересовано в стимулировании обновления производственного капитала. Лизинг был выбран как инструмент такого стимулирования, и для него была создана система налоговых льгот, делающих приобретение имущества через лизинг существенно выгоднее прямой покупки или кредита. Эти льготы ориентированы именно на выкупную модель, где имущество в итоге переходит в собственность предприятия и становится частью его основных средств.

Налоговые стимулы для выкупного лизинга включают несколько элементов [2]. Лизингополучатель может применять ускоренную амортизацию с повышающим коэффициентом до 3, что позволяет списать стоимость имущества в три раза быстрее обычного срока полезного использования. Лизинговые платежи полностью относятся на расходы, уменьшая налогооблагаемую прибыль. НДС, уплаченный в составе лизинговых платежей, принимается к вычету. С 2022 года, согласно ФСБУ 25/2018 [5], предмет лизинга учитывается на балансе лизингополучателя, что упрощает применение налоговых льгот и делает структуру активов более прозрачной.

Законодательное регулирование выкупного лизинга закреплено в статье 19 Федерального закона № 164-ФЗ, которая предусматривает возможность выкупа предмета лизинга по окончании или до окончания срока договора [3]. В свою очередь судебная практика развивает концепцию обеспечительной собственности [6; 10], согласно которой право собственности лизингодателя служит главным образом обеспечением исполнения обязательств лизингополучателя. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 54 закрепило, что при изъятии предмета лизинга лизингодатель обязан вернуть лизингополучателю разницу между стоимостью имущества и непогашенной задолженностью [6], что защищает интересы лизингополучателя и признаёт экономическую реальность выкупного лизинга как финансирования покупки.

Выкупной лизинг особенно привлекателен для малого и среднего бизнеса. Лизинговые компании не подпадают под регулирование Центробанка и не обязаны соблюдать нормативы достаточности капитала и резервирования, что даёт им больше свободы в принятии решений о финансировании. Требования к заёмщикам при лизинге мягче, чем при банковском кредитовании, процедура одобрения быстрее, пакет документов меньше. Для предприятий, которым банки отказывают в кредите из-за недостаточной кредитной истории или отсутствия залогов, лизинг становится единственным доступным источником финансирования приобретения оборудования или транспорта.

Крупные корпорации также активно используют выкупной лизинг для оптимизации налогообложения и управления денежными потоками. Распределение пла-

тежей во времени позволяет сохранить ликвидность, ускоренная амортизация снижает налог на прибыль, возможность структурирования сделки под специфические потребности даёт гибкость. Для лизинговых компаний выкупной лизинг — предсказуемый и относительно низкорисковый бизнес с понятной моделью возврата инвестиций и ликвидным залоговым обеспечением в виде права собственности на имущество.

В результате всех этих факторов выкупной лизинг стал в России синонимом лизинга вообще. Когда говорят о лизинге, по умолчанию имеют в виду именно выкупную модель. Все остальные виды лизинга существуют скорее теоретически, упоминаются в учебниках и научных работах, но в реальной практике почти не встречаются. Российский рынок лизинга — это рынок выкупного лизинга, и такая ситуация вряд ли изменится в обозримом будущем, пока сохраняется текущая система стимулов и приоритетов государственной экономической политики.

2. Операционный лизинг и причины его слабого развития в России

Операционный лизинг представляет собой принципиально иную модель по сравнению с выкупным. Как отмечалось выше, российская доктрина выделяет эти два вида по критерию перехода права собственности [9; 12]. Суть операционного лизинга заключается в том, что имущество передаётся лизингополучателю во временное пользование с обязательным возвратом лизингодателю по окончании срока договора. Лизингополучатель не приобретает имущество в собственность, он платит за доступ к активу на определённый период. Срок договора обычно существенно короче срока полезного использования имущества, лизинговые платежи не покрывают полную стоимость актива, лизингодатель рассчитывает на остаточную стоимость и возможность повторного размещения имущества.

Операционный лизинг отличается от обычной аренды несколькими существенными признаками. Во-первых, это трёхсторонняя структура: имущество специально приобретается лизингодателем для передачи конкретному лизингополучателю, а не сдаётся из уже имеющегося парка. Во-вторых, ценообразование учитывает остаточную стоимость и предполагаемую возможность повторного размещения, что делает платежи ниже, чем при аренде аналогичного имущества. В-третьих, лизингодатель часто предоставляет дополнительные услуги — техническое обслуживание, страхование, замену вышедшего из строя оборудования, что превращает лизинг в комплексный сервис, а не просто предоставление доступа к активу.

В международной практике операционный лизинг широко распространён и составляет 20–30% лизингового рынка в развитых странах [15]. Классическим примером является авиализинг, где авиакомпания берет самолёты в операционный лизинг на 5–10 лет, эксплуатируют их, затем возвращают лизингодателю, который размещает их у других авиакомпаний. Такая модель позволяет авиакомпаниям гибко управлять размером флота в зависи-

мости от спроса, не замораживая капитал в покупке самолётов и не неся риски их морального устаревания. Крупные корпорации используют операционный лизинг для автопарков, компьютерной техники, производственного оборудования, получая не только доступ к активам, но и комплексный сервис по их обслуживанию.

В России операционный лизинг практически не развит и составляет лишь 3–5% рынка [14]. Это прямое следствие государственной политики, ориентированной на стимулирование обновления основных фондов предприятий через их приобретение в собственность. Операционный лизинг не вписывался в логику наращивания производственного капитала, поскольку имущество остаётся в собственности лизингодателя и не пополняет основные средства предприятий. Соответственно, для операционного лизинга не было создано специальных стимулов, он оказался в тени выкупной модели.

Правовой статус операционного лизинга в России неопределён и спорен [9]. Федеральный закон № 164-ФЗ не делает различия между видами лизинга, определение лизинга сформулировано так, что формально подходит и для выкупной, и для операционной модели [3]. Статья 665 Гражданского кодекса РФ описывает лизинг как сделку, где арендодатель приобретает в собственность указанное арендатором имущество и предоставляет его арендатору за плату во временное владение и пользование [1], но умалчивает о том, что происходит с имуществом после окончания договора. Это создаёт правовую неопределённость: является ли операционный лизинг лизингом в смысле закона или это обычная аренда, которая не может пользоваться льготами, предусмотренными для лизинга.

Проблема квалификации операционного лизинга имеет практические последствия. Если налоговые органы или суды признают операцию не лизингом, а арендой, лизингополучатель теряет право на ускоренную амортизацию, на определённые налоговые вычеты, на льготный порядок учёта. Лизингодатель может столкнуться с претензиями о неправомерном применении льгот, предусмотренных для лизинговой деятельности. Отсутствие чёткого законодательного разграничения между лизингом и арендой создаёт риски для участников операционного лизинга.

Балансовый учёт также создаёт проблемы. ФСБУ 25/2018 требует учёта предмета лизинга на балансе лизингополучателя [5], если договор подпадает под определение аренды с правом выкупа. Для операционного лизинга, где право выкупа отсутствует, стандарт формально не требует постановки имущества на баланс лизингополучателя, но на практике возникают вопросы о порядке учёта и применении налоговых льгот, связанных с балансовым учётом. Неясность применения ускоренной амортизации при операционном лизинге, где имущество не предназначено для выкупа, дополнительно снижает привлекательность этой модели.

Операционный лизинг требует от лизинговой компании компетенций, которых у большинства россий-

ских лизингодателей нет. Необходимо уметь оценивать остаточную стоимость имущества через несколько лет, прогнозировать спрос на повторное размещение, организовывать техническое обслуживание и ремонт между циклами использования, иметь каналы для поиска новых лизингополучателей. Это требует инвестиций в аналитику, логистику, сервисные службы, что российские лизинговые компании, привыкшие работать по выкупной модели как финансовые посредники, делать не готовы.

Риски операционного лизинга также выше. Лизингодатель несёт риск того, что остаточная стоимость окажется ниже прогнозируемой, что имущество не удастся разместить повторно, что произойдёт моральное устаревание и спрос на актив исчезнет. В выкупном лизинге эти риски переносятся на лизингополучателя, который становится собственником и несёт все последствия изменения стоимости имущества. В операционном лизинге риски остаются на лизингодателе, что требует более высокой маржи и более консервативного подхода к оценке сделок.

Тем не менее появляются первые признаки развития операционного лизинга в России. Некоторые крупные лизинговые компании начинают предлагать автолизинг для корпоративных клиентов с возвратом автомобилей через 2–3 года и их повторным размещением [14]. Спрос на гибкий доступ к активам без необходимости их приобретения постепенно растёт, особенно среди компаний, работающих в быстро меняющихся сегментах рынка. Однако масштабы таких операций пока невелики, юридические вопросы о квалификации договора, споры о состоянии возвращаемого имущества, проблемы с оценкой износа остаются нерешёнными.

Для полноценного развития операционного лизинга в России требуется законодательное разграничение видов лизинга с установлением специальных правил для каждого вида, адаптация налогового законодательства для создания стимулов не только для приобретения активов, но и для их эффективного использования через временный доступ, формирование судебной практики по спорам, связанным с операционным лизингом [9]. До тех пор операционный лизинг будет оставаться зоной правовой неопределённости и незадействованным потенциалом российского рынка.

3. Возвратный лизинг и проблемы его правовой квалификации

Возвратный лизинг занимает особое место в системе лизинговых инструментов. Российская доктрина выделяет этот вид по субъектному составу участников сделки [9; 12]: в отличие от прямого лизинга, где продавец имущества и лизингополучатель являются разными лицами, при возвратном лизинге продавец и лизингополучатель совпадают в одном лице. По своей сути это особая конструкция, где классическая трёхсторонняя структура прямого лизинга видоизменяется — продавец и лизингополучатель сливаются воедино, становясь одним и тем же лицом.

Схема выглядит следующим образом: компания владеет имуществом — оборудованием, транспортом, недвижимостью, затем продаёт это имущество лизинговой компании и сразу же берёт его обратно в лизинг. Имущество физически никуда не перемещается, оно продолжает использоваться той же компанией на том же месте, меняется только юридическая конструкция — право собственности переходит к лизингодателю, а бывший собственник становится лизингополучателем.

Экономическая логика возвратного лизинга может быть различной, и не всегда она очевидна для внешнего наблюдателя. В практике сложилось три основных варианта экономической целесообразности таких сделок, каждый из которых имеет свою специфику и обоснование. Первый вариант — это получение финансирования под оборотные средства, когда компании нужны деньги здесь и сейчас для текущей деятельности, но банковский кредит недоступен или слишком дорог, залогового обеспечения недостаточно. Возвратный лизинг решает эту проблему: компания продаёт имущество лизинговой компании, получает деньги и использует их для пополнения оборотных средств, при этом сохраняя возможность использовать проданное имущество, платя лизинговые платежи.

Второй вариант — это рефинансирование ранее приобретённого имущества, когда лизингополучатель ранее закупил имущество за собственные средства и накопил значительный парк оборудования или транспорта, но деньги оказались заморожены в активах, а компании нужна ликвидность. В такой ситуации она продаёт накопленное имущество лизинговой компании, получает деньги и берёт это же имущество в лизинг, фактически осуществляя рефинансирование собственных инвестиций и высвобождение капитала, вложенного в основные средства.

Третий вариант — наиболее сложный и специфический — возникает, когда компания ведёт два бизнеса одновременно, например, дилерский бизнес и бизнес по сдаче имущества в аренду или субаренду. У такого лизингополучателя налажены связи с зарубежными поставщиками, он может закупать имущество за границей на выгодных условиях, но ему нужны деньги на эти закупки. Формально он продаёт лизинговой компании имущество, которое планирует закупить, лизингодатель финансирует закупку, имущество поступает лизингополучателю, который использует его в своём бизнесе — сдаёт в аренду третьим лицам или эксплуатирует сам. По сути в такой конструкции лизингодатель выступает финансирующей организацией для закупки, а лизингополучатель — операционной компанией с налаженными каналами поставок и рынками сбыта.

Возвратный лизинг идеально сочетается с выкупной моделью, образуя конструкцию возвратного выкупного лизинга, при которой по окончании срока имущество выкупается обратно первоначальным собственником.

В России возвратный лизинг вызывает устойчивую настороженность множества регуляторов и государ-

ственных органов, поскольку конструкция создаёт широкие возможности для злоупотреблений. Формально легальная схема может использоваться для достижения целей, далёких от заявленных, и регуляторы это понимают, реагируя соответственно.

Суды анализируют возвратный лизинг через призму действительных намерений сторон [6; 11], задаваясь вопросом: если имущество продаётся и тут же берётся в лизинг, действительно ли стороны хотели передать право собственности, или это просто способ оформить заём под залог имущества. Судебная практика показывает [7; 8], что при определённых обстоятельствах возвратный лизинг может быть переквалифицирован — вместо договора лизинга суд может увидеть договор займа, обеспеченный залогом, что влечёт серьёзные правовые последствия: меняется порядок исчисления налогов, изменяется статус имущества при банкротстве, лизингодатель теряет преимущества, которые даёт право собственности.

Росфинмониторинг осуществляет постоянный контроль всех сделок возвратного лизинга, рассматривая их как потенциальный канал легализации доходов, полученных преступным путём, и вывода активов [17]. Схема выглядит подозрительно: компания продаёт своё имущество, получает деньги, затем берёт это же имущество обратно, и если цена продажи существенно отличается от рыночной, это красный флаг — деньги могут происходить из сомнительных источников и через цепочку сделок легализоваться, или наоборот, активы выводятся из компании перед банкротством. Формально имущество продано, фактически оно остаётся под контролем тех же лиц, что делает все операции возвратного лизинга объектом пристального мониторинга со стороны финансовой разведки.

Центральный банк проявляет настороженность к возвратному лизингу в части финансирования таких сделок банками. Когда банк предоставляет кредит лизинговой компании специально для финансирования возвратного лизинга, возникают вопросы о реальной экономической сущности операции и о том, не является ли вся конструкция способом обхода нормативов кредитования и требований к оценке кредитных рисков. Фактически банк кредитует компанию через посредника — лизинговую компанию, при этом формально кредит выдан не конечному получателю средств, а лизинговой компании. Это может использоваться для обхода ограничений на кредитование отдельных заёмщиков или секторов экономики. ЦБ видит такие схемы и может потребовать от банков дополнительного резервирования или признать кредиты более рискованными, что увеличивает стоимость финансирования и снижает привлекательность таких операций.

Налоговые органы анализируют возвратный лизинг с точки зрения получения необоснованной налоговой выгоды [2]. Компания продаёт имущество и получает вычет НДС, затем берёт имущество в лизинг, получает вычет НДС по лизинговым платежам, относит лизинговые платежи на расходы и уменьшает налог на при-

быль, применяет ускоренную амортизацию. Возвратный лизинг практически всегда привлекает внимание налоговых органов и становится предметом углублённой налоговой проверки.

Существует набор признаков, которые настораживают регуляторов — так называемые красные флаги. Сделка совершена между взаимозависимыми лицами, когда лизинговая компания аффилирована с лизингополучателем. Лизингополучателем выступает физическое лицо, что создаёт дополнительные риски использования схемы для личного обогащения или вывода активов из бизнеса. Цена продажи существенно отличается от рыночной — завышена или занижена. Лизинговые платежи структурированы нерыночным образом и не соответствуют обычной практике. Отсутствует деловая цель, нет разумного экономического обоснования, кроме налоговой экономии. Наличие одного-двух таких признаков не обязательно означает злоупотребление, но их совокупность создаёт высокий риск того, что суд или регулятор внимательно изучит сделку и может признать её недействительной или переqualифицировать.

Особенно остро проблемы возвратного лизинга проявляются при банкротстве [4]. Компания продала имущество лизинговой компании, затем взяла его в лизинг, а через некоторое время началась процедура банкротства, и арбитражный управляющий заявляет, что сделка по продаже имущества подозрительная, совершена для вывода активов, цена была занижена, лизингодатель — аффилированное лицо, и имущество должно быть возвращено в конкурсную массу.

Статья 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» даёт арбитражному управляющему мощный инструмент [4]: сделка, совершённая в течение года до принятия заявления о банкротстве, может быть оспорена, если она совершена в целях причинения вреда кредиторам или если цена была явно занижена. Возвратный лизинг часто попадает под эти критерии, и лизингодатель, формально являющийся собственником имущества и рассчитывающий забрать его при банкротстве лизингополучателя, может потерять это преимущество — если суд признает сделку недействительной, имущество возвращается в конкурсную массу, а лизингодатель становится обычным кредитором, чьи требования удовлетворяются в общем порядке.

Концепция обеспечительной собственности, закреплённая Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 54 [6; 10], в контексте возвратного лизинга приобретает особое значение и специфическое применение. Если право собственности лизингодателя на имущество, ранее принадлежавшее лизингополучателю, служит главным образом обеспечением возврата денежных средств, фактически предоставленных в долг, суд вправе квалифицировать такую сделку как заём под залог, а не как классический лизинг. В этом случае лизингодатель при изъятии предмета лизинга обязан вернуть лизингополучателю разницу между рыночной стоимостью имущества и суммой непогашенной

задолженности, что существенно снижает привлекательность возвратного лизинга для лизингодателей. Они теряют возможность просто забрать имущество при неисполнении обязательств — требуется проводить оценку, рассчитывать разницу и возвращать её должнику, что увеличивает риски и издержки, делая такие операции менее выгодными с точки зрения защиты интересов кредитора.

Всё вышесказанное не означает, что возвратный лизинг в России нелегитимен. Статья 4 Федерального закона № 164-ФЗ прямо допускает, что продавец и лизингополучатель могут быть одним лицом [3], так что возвратный лизинг легален, но его применение требует особой осторожности.

На сегодняшний день возвратный лизинг остаётся инструментом, балансирующим на грани легитимности — формально разрешённым, практически опасным, используемым лишь в исключительных случаях при тщательной подготовке, с пониманием всех рисков и готовностью защищать сделку в суде, если потребуются. Возможно, ситуация изменится, если законодатель установит более чёткие критерии легитимного возвратного лизинга, если суды выработают единообразную практику и если регуляторы сформулируют понятные красные линии, которые нельзя пересекать [9]. Пока этого нет, возвратный лизинг остаётся в серой зоне — не запрещённый, но и не поощряемый, вызывающий вопросы и требующий оправданий.

4. Сублизинг как неурегулированный вид лизинга

Сублизинг представляет собой трёхуровневую конструкцию, где лизингополучатель, получив имущество от лизингодателя, передаёт его дальше третьему лицу — сублизингополучателю. Российская доктрина традиционно выделяет сублизинг как особый вид лизинга по критерию возможности передачи предмета лизинга в пользование третьим лицам [9; 12]. Цепочка выглядит следующим образом: лизингодатель передаёт имущество лизингополучателю, который одновременно становится сублизингодателем и передаёт это же имущество сублизингополучателю. Формально это напоминает субаренду в классических арендных отношениях, но со спецификой, присущей лизингу как особому правовому институту.

В международной практике сублизинг в рамках операционного лизинга получил наибольшее развитие, поскольку именно здесь схема раскрывает свой потенциал наиболее полно [15]. Экономический смысл таких операций заключается в разделении функций между участниками: основной лизингодатель обеспечивает финансирование и владеет имуществом, сублизингодатель берёт на себя технические вопросы и вопросы обслуживания, работая непосредственно с конечными пользователями, а основной лизингодатель не тратит ресурсы на эксплуатационное сопровождение активов. Крупные лизинговые компании работают через сеть региональных партнёров, которые выступают как лизингополучатели по основному договору и одновременно как сублизингодатели для местных клиентов, лучше зная местный рынок и имея налаженные отношения с конечными сублизингополучателями. Компании, накопившие избыточный

парк оборудования или транспорта, могут передать часть его в сублизинг вместо того, чтобы держать простаивающие активы, при этом оставаясь лизингополучателями по основному договору и становясь сублизингодателями для других пользователей.

Авиационная отрасль представляет собой классический пример использования сублизинга, где авиакомпания как лизингополучатель берёт самолёты в лизинг у крупной лизинговой компании, но в низкий сезон или при изменении маршрутной сети временно передаёт часть парка в сублизинг другим перевозчикам, выступая сублизингодателем. Это позволяет оптимизировать использование дорогостоящих активов, не разрывая основной договор лизинга. В Европе и США сублизинг грузовиков, строительной техники, контейнеров является распространённой практикой — первоначальный лизингополучатель выступает как промежуточное звено в роли сублизингодателя, перераспределяющее имущество между конечными сублизингополучателями в зависимости от спроса.

Операторы операционного лизинга используют сублизинг для расширения географии бизнеса без создания собственной инфраструктуры во всех регионах. Головная лизинговая компания как лизингодатель приобретает имущество, передаёт его региональным партнёрам на условиях лизинга, которые становятся лизингополучателями, а те уже размещают его у конечных клиентов через сублизинг, выступая сублизингодателями. Так создаются цепочки размещения, позволяющие эффективно использовать активы и снижать риски за счёт диверсификации клиентской базы сублизингополучателей.

Российское законодательство признаёт существование сублизинга, но не регулирует его, что создаёт правовой вакуум, в котором участникам приходится действовать на свой страх и риск. Статья 8 Федерального закона № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» содержит краткое упоминание: лизингополучатель вправе с согласия лизингодателя передать предмет лизинга в сублизинг [3], и на этом законодательное регулирование заканчивается — никаких норм о правах и обязанностях сублизингополучателя, об ответственности за сохранность имущества, о порядке расчётов, о последствиях прекращения основного договора лизинга закон не содержит.

Ключевая проблема заключается в неопределённости юридического статуса лизингополучателя, выступающего сублизингодателем, и правового режима имущества в цепочке сублизинга [9]. Лизингополучатель не является собственником имущества, собственником остаётся лизингодатель, и передавая имущество в сублизинг, лизингополучатель в качестве сублизингодателя передаёт право владения и пользования, которое само по себе является производным. Возникают фундаментальные нерешённые вопросы о природе прав сублизингополучателя: является ли это владением и использованием второго порядка, как защищаются эти права против третьих лиц и против самого лизингодателя, что происходит с договором сублизинга при досрочном прекращении основного договора

лизинга — автоматически ли прекращается сублизинг или сублизингополучатель сохраняет права на имущество до окончания срока.

Гражданский кодекс РФ в статье 615, регулирующей субаренду, предусматривает, что при прекращении договора аренды прекращаются заключённые в соответствии с ним договоры субаренды [1], и по аналогии можно предположить, что при прекращении лизинга прекращается и сублизинг, но прямой нормы нет, и применимость аналогии закона в такой специфической сфере остаётся под вопросом. Неурегулированным остаётся распределение ответственности: формально за сохранность имущества и его надлежащее использование перед лизингодателем отвечает лизингополучатель как сторона основного договора лизинга, но фактически имуществом владеет и пользуется сублизингополучатель, и неясно, может ли лизингодатель предъявлять требования напрямую к сублизингополучателю или он связан только договором с лизингополучателем. Если имущество повреждено по вине сублизингополучателя, механизм построения цепочки ответственности между лизингодателем, лизингополучателем в роли сублизингодателя и сублизингополучателем законодательно не определён.

Проблемы возникают и с правом на предъявление претензий к продавцу имущества. По общему правилу лизинга, предусмотренному статьёй 670 ГК РФ [1], требования к продавцу по качеству имущества предъявляет лизингополучатель, но если имущество находится в сублизинге и сублизингополучатель обнаруживает недостатки, остаётся неясным, может ли он предъявлять требования к продавцу или должен действовать через сублизингодателя, который действует через лизингодателя, который предъявляет требования продавцу. Такая многоуровневая конструкция делает защиту прав практически невозможной.

Особенно острыми становятся вопросы при банкротстве одного из участников цепочки [4]. При банкротстве лизингополучателя, выступающего сублизингодателем, остаётся неопределённым статус имущества: принадлежит ли оно лизингодателю как собственнику или включается в конкурсную массу лизингополучателя, хотя фактически находится у сублизингополучателя, который добросовестно исполняет свои обязательства. Не установлено, может ли лизингодатель требовать возврата напрямую от сублизингополучателя. Законодательство не даёт ответа на вопрос о сохранении прав сублизингополучателя на пользование имуществом или об обязанности немедленного возврата.

Налоговые последствия сублизинга также остаются неясными [2]. Не определено, кто начисляет амортизацию — лизингодатель как собственник, лизингополучатель в роли сублизингодателя как балансодержатель по основному договору или сублизингополучатель как фактический пользователь. Остаётся открытым вопрос об учёте платежей по сублизингу и возможности их отнесения на расходы в полном объёме. Существуют риски претензий налоговых органов о дроблении биз-

неса или необоснованной налоговой выгоде при использовании цепочки лизинг-сублизинг.

В результате правовой неопределённости сублизинг в России практически не используется. Лизингодатели крайне неохотно дают согласие на передачу имущества лизингополучателям для последующего сублизинга, опасаясь потери контроля над активами и возникновения неразрешимых правовых споров. Существует небольшая практика, когда лизинговые компании при излишке ликвидности пробуют реализовать схему сублизинга, передавая имущество лизингополучателям с правом дальнейшей передачи сублизингополучателям, однако большинство участников рынка не хотят работать с этой схемой из-за высоких правовых рисков. Потенциальные лизингополучатели, даже если у них есть экономическая потребность выступить сублизингодателями, предпочитают не связываться с непрогнозируемыми рисками, а потенциальные сублизингополучатели не могут быть уверены в защите своих прав и предпочитают заключать прямые договоры с лизинговыми компаниями, минуя промежуточные звенья.

Сублизинг мог бы способствовать развитию операционного лизинга в России, поскольку цепочки размещения, когда имущество последовательно или параллельно передаётся от лизингодателя через лизингополучателей-сублизингодателей разным сублизингополучателям, позволяют эффективнее использовать активы и снижать стоимость для конечных клиентов. Региональные партнёры могли бы выступать лизингополучателями и одновременно сублизингодателями, работая с местными предприятиями в роли сублизингополучателей под зонтичным финансированием крупных лизинговых компаний, но без правового регулирования эти возможности остаются нереализованными.

Статья 8 Федерального закона № 164-ФЗ, упоминающая сублизинг, фактически является мёртвой нормой [3] — она декларирует возможность лизингополучателя передать имущество в сублизинг, но не создаёт правовой механизм её реализации, что служит примером того, как отсутствие детального регулирования превращает потенциально полезный инструмент в теоретическую абстракцию, не применимую на практике.

Для развития сублизинга в России требуется комплексное законодательное регулирование [9]. Необходимо определить правовой статус сублизингополучателя, установить объём его прав на имущество, прописать механизм защиты этих прав. Урегулировать последствия прекращения основного договора лизинга для договора сублизинга — должен ли сублизингополучатель иметь право на продолжение пользования имуществом на условиях прямого лизинга с лизингодателем или обязан немедленно вернуть имущество. Определить порядок распределения ответственности за сохранность и надлежащее использование имущества между лизингодателем, лизингополучателем в роли сублизингодателя и сублизингополучателем, установить правила предъявления претензий к продавцу имущества через цепочку участников, пропи-

сать налоговые последствия сублизинга, включая правила начисления амортизации и учёта платежей.

Возможно, потребуется даже выделение сублизинга в отдельный договорной тип с собственным регулированием, а не попытка применить по аналогии нормы об аренде, субаренде и лизинге, поскольку специфика сублизинга — множественность участников, сложность правоотношений, необходимость баланса интересов собственника-лизингодателя, промежуточного звена лизингополучателя-сублизингодателя и конечного пользователя-сублизингополучателя — делает его уникальной конструкцией, нуждающейся в особом подходе.

Пока такого регулирования нет, сублизинг остаётся правовым вакуумом — признанным законом, но нереализуемым на практике, обладающим потенциалом, но лишённым инструментов для его раскрытия.

5. Иные виды лизинга в международной практике и причины их отсутствия в России

Помимо рассмотренных выше основных видов лизинга — выкупного, операционного, возвратного и сублизинга — в международной практике активно используются и другие разновидности этого института, которые в России практически не применяются. Многообразие видов лизинга отражает гибкость этого финансового инструмента и его способность адаптироваться к различным потребностям бизнеса. Важно отметить, что международная практика выделяет эти виды по различным основаниям: по характеру использования имущества, по способу финансирования, по источнику приобретения имущества, по составу участников [15; 16].

Повторный лизинг представляет собой конструкцию, при которой имущество после завершения одного договора лизинга передаётся в лизинг повторно, либо тому же лизингополучателю на новых условиях, либо другому лизингополучателю. Экономический смысл заключается в максимальном использовании остаточной стоимости имущества через несколько последовательных циклов размещения. В международной практике повторный лизинг широко используется для дорогостоящих активов с длительным сроком службы — самолётов, морских судов, железнодорожного подвижного состава, крупного производственного оборудования [15]. Самолёт может последовательно работать у трёх-четырёх авиакомпаний на протяжении своего жизненного цикла, строительная техника размещается у разных клиентов в зависимости от сезонности и проектных потребностей, автомобили после первого договора проходят подготовку и размещаются у новых клиентов с пониженными платежами.

В России повторный лизинг сталкивается с фундаментальной правовой проблемой: статья 665 Гражданского кодекса РФ требует, чтобы имущество приобреталось лизингодателем по заявке лизингополучателя у продавца специально для конкретного договора лизинга [1]. При повторном лизинге нет покупки имущества — оно уже находится в собственности лизингодателя, что формально выводит такую операцию за рамки определения лизинга и превращает её в обычную аренду

без налоговых льгот и преференций. Таким образом, правовая конструкция российского лизинга изначально исключает возможность повторного размещения имущества.

Револьверный лизинг, или лизинг с обновлением, предусматривает постоянное обновление предмета лизинга в рамках долгосрочных отношений между лизингодателем и лизингополучателем. Суть конструкции заключается в том, что лизингополучатель заключает с лизингодателем рамочный договор, по которому обязуется поддерживать определённый уровень лизинговых платежей, а лизингодатель обязуется регулярно обновлять предмет лизинга, заменяя устаревшее или изношенное имущество на новое. Например, компания может заключить револьверный лизинг автопарка с условием, что каждые два года все автомобили заменяются на новые модели, при этом размер ежемесячных платежей остаётся стабильным или корректируется по заранее определённой формуле.

Экономический смысл револьверного лизинга для лизингополучателя очевиден — возможность постоянно использовать актуальное оборудование или транспорт без морального устаревания, предсказуемость расходов, отсутствие необходимости заботиться о продаже или утилизации старого имущества. Для лизингодателя револьверный лизинг означает долгосрочные отношения с клиентом, стабильный денежный поток, возможность планировать закупки нового имущества и размещение возвращённого. В международной практике крупные корпорации активно используют револьверный лизинг для управления корпоративным автопарком, компьютерной техникой, производственным оборудованием [16]. Технологические компании в Европе и США заключают с лизинговыми компаниями долгосрочные контракты на поставку и обновление компьютеров и серверов с циклом замены каждые три-четыре года. Логистические компании используют револьверный лизинг для постоянного обновления парка грузовиков, поддерживая его в актуальном состоянии и соответствии экологическим стандартам.

Полносервисный лизинг, в международной практике называемый также мокрым лизингом, представляет собой разновидность операционного лизинга, при которой лизингодатель предоставляет не только само имущество, но и полный комплекс сопутствующих услуг — техническое обслуживание, ремонт, страхование, а в некоторых случаях даже поставку необходимого сырья, обучение персонала, маркетинговую поддержку. Противоположностью мокрому лизингу является сухой лизинг, где лизингодатель предоставляет только само имущество, а лизингополучатель самостоятельно несёт все расходы по его обслуживанию и эксплуатации. Полносервисный лизинг особенно распространён в авиационной отрасли, где мокрый лизинг самолётов включает не только предоставление воздушного судна, но и экипаж, техническое обслуживание, страхование. В автомобильном лизинге пол-

носервисные пакеты включают регулярное техническое обслуживание, замену шин, страхование, иногда даже топливные карты и услуги эвакуатора [16].

Преимущество полносервисного лизинга для лизингополучателя заключается в предсказуемости расходов и отсутствии необходимости организовывать собственную инфраструктуру для обслуживания имущества. Лизингополучатель платит фиксированный лизинговый платеж и получает полностью готовое к эксплуатации имущество со всеми необходимыми услугами. Для лизингодателя полносервисный лизинг означает более высокую маржинальность за счёт оказания дополнительных услуг и более тесные отношения с клиентом, что снижает риск досрочного расторжения договора.

Лизинг с привлечением заёмных средств, в международной практике называемый *leveraged lease*, представляет собой сложную трёхстороннюю конструкцию с участием лизингодателя, лизингополучателя и кредитора-финансиста. В отличие от классического лизинга, где лизингодатель полностью финансирует приобретение имущества за счёт собственных средств, при *leveraged lease* значительная часть стоимости имущества финансируется за счёт заёмных средств, предоставленных банком или другим кредитором. Лизингодатель вкладывает собственные средства в размере 20–40% от стоимости имущества, остальное финансируется кредитором, который получает залог на имущество и право на получение части лизинговых платежей в счёт погашения кредита. Такая схема позволяет лизингодателю совершать крупные сделки без полного отвлечения собственного капитала, используя эффект финансового рычага.

Leveraged lease широко используется в международной практике для финансирования дорогостоящих активов — самолётов, морских судов, крупных производственных комплексов, энергетических объектов [15]. Транзакции могут достигать сотен миллионов долларов, и без привлечения заёмного финансирования такие сделки были бы недоступны большинству лизинговых компаний. Структура *leveraged lease* сложна и требует участия юристов, финансовых консультантов, оценщиков, часто сделка оформляется через специально созданную трастовую структуру, которая управляет денежными потоками между всеми участниками.

Международный лизинг представляет собой лизинговые операции, в которых одна из сторон является нерезидентом страны, где заключается договор. Различают экспортный лизинг, когда лизингодатель и продавец находятся в одной стране, а лизингополучатель в другой, импортный лизинг, когда лизингодатель и лизингополучатель находятся в одной стране, а продавец в другой, и транзитный лизинг, когда все три стороны находятся в разных странах. Международный лизинг часто связан с производителями оборудования, которые создают аффилированные лизинговые компании для продвижения своей продукции на зарубежных рынках. Немецкие, японские, американские производители активно используют

международный лизинг для размещения своего оборудования у клиентов по всему миру, предоставляя не только финансирование, но и гарантии качества, техническую поддержку, обучение персонала.

Консорциальный лизинг, или групповой лизинг, представляет собой схему, при которой несколько лизингополучателей совместно берут в лизинг крупный производственный объект или комплекс оборудования. Такая конструкция используется для финансирования особо дорогостоящих активов, которые невозможно или нецелесообразно приобретать одной компании. Например, несколько нефтедобывающих компаний могут совместно взять в лизинг буровую платформу, несколько промышленных предприятий — крупную производственную линию или энергетический объект, несколько транспортных компаний — терминальный комплекс. Консорциальный лизинг требует тщательной проработки взаимоотношений между лизингополучателями — определения порядка использования имущества, распределения лизинговых платежей, ответственности за сохранность, механизма выхода одного из участников. В международной практике консорциальный лизинг используется для реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов, где объединение ресурсов нескольких компаний позволяет профинансировать приобретение имущества и распределить риски.

В России из всего этого многообразия видов лизинга практически ничего не используется. Повторный лизинг невозможен без развитого операционного лизинга, которого в России нет. Револьверный лизинг требует от лизинговых компаний логистических компетенций и развитой инфраструктуры управления жизненным циклом активов, чего российские лизинговые компании не имеют. Полносервисный лизинг встречается эпизодически в автомобильном сегменте, когда крупные лизинговые компании предлагают корпоративным клиентам пакеты с включённым техническим обслуживанием [14], но это скорее исключение, чем правило.

Leveraged lease практически отсутствует в России не из-за недоступности кредитования лизинговых компаний — российские лизинговые компании активно работают на заёмных средствах банков, привлекая кредиты как под залог приобретаемого имущества, так и под залог портфеля лизинговых договоров или на условиях необеспеченного кредитования. Причина не востребоваемости leveraged lease иная: эта схема предполагает прямые отношения между кредитором и лизингополучателем с правом кредитора на получение части лизинговых платежей напрямую, минуя лизингодателя, что создаёт сложную трёхстороннюю конструкцию с разделением денежных потоков. В российской практике банки предпочитают либо кредитовать лизинговую компанию напрямую, сохраняя двусторонние отношения, либо кредитовать непосредственно конечного заёмщика, избегая усложнения структуры сделки. Кроме того, leveraged lease требует создания трастовых структур для управления денежными

потоками между всеми участниками, а институт траста в России развит слабо и вызывает недоверие участников рынка.

Международный лизинг встречается редко, в основном, когда иностранные производители оборудования предоставляют финансирование через свои аффилированные лизинговые компании российским клиентам, но объёмы таких операций невелики [14]. Консорциальный лизинг в России практически неизвестен, хотя потребность в совместном финансировании крупных производственных объектов существует — компании предпочитают создавать совместные предприятия или использовать другие формы кооперации, минуя лизинговые схемы.

Причины невостребованности этих видов лизинга в России те же, что и для операционного лизинга и сублизинга — ориентация законодательства и налоговых стимулов исключительно на выкупную модель, отсутствие развитых компетенций у лизинговых компаний, правовая неопределённость, консервативность бизнес-культуры [9; 14]. Российский рынок лизинга остаётся одномомерным, сосредоточенным на единственной модели — выкупном лизинге как форме приобретения основных средств в рассрочку. Всё богатство и разнообразие лизинговых инструментов, выработанных мировой практикой, остаётся за пределами российской реальности, существуя лишь в теоретических описаниях и редких попытках отдельных компаний внедрить что-то новое, которые обычно заканчиваются неудачей из-за отсутствия правовой базы, спроса и понимания со стороны клиентов.

Заключение

Общий вывод исследования заключается в том, что лизинг в России, будучи важным инструментом финансирования инвестиций в реальный сектор, всё ещё не получил окончательного и непротиворечивого регулирования, особенно в части различных видов этого института. Различия между выкупным, операционным, возвратным лизингом и сублизингом настолько фундаментальны, что эти конструкции вполне могли бы регулироваться как отдельные договорные типы с учётом их специфики. Текущая ситуация, когда законодательство и правоприменительная практика фактически ориентированы исключительно на выкупной лизинг, а все остальные виды существуют в правовой полутени или вакууме, не способствует развитию лизинговой отрасли и использованию всего потенциала этого финансового инструмента.

Развитие рынка лизинга в России требует не только поддержания существующих стимулов для выкупного лизинга, но и создания благоприятных условий для других видов этого института, каждый из которых отвечает определённым потребностям экономики и бизнеса. Только комплексный подход к регулированию, учитывающий специфику каждого вида лизинга, позволит российскому лизинговому рынку достичь зрелости и многообразия, характерных для развитых экономик [15; 16].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (ред. от 16.10.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Федеральный стандарт бухгалтерского учёта ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учёт аренды», утв. Приказом Минфина России от 16.10.2018 № 208н // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 12.11.2018.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17389/10 по делу № А70–8274/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.
8. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга): информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 85 // Вестник ВАС РФ. 2005. № 1.
9. Витрянский В. В. Договор финансовой аренды (лизинга): проблемы квалификации и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 12–38.
10. Габов А. В., Гутников О. В. Обеспечительная собственность в гражданском праве: современные тенденции // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 7–45.
11. Карапетов А. Г. Проблемы квалификации лизинговых отношений в свете концепции обеспечительной собственности // Вестник экономического правосудия. 2023. № 4. С. 98–126.
12. Суханов Е. А. Договор лизинга в системе гражданско-правовых договоров // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 18–35.
13. Рейтинг лизинговых компаний России 2024 // Эксперт РА. URL: <https://raexpert.ru/ratings/leasing/2024> (дата обращения: 24.11.2025).
14. Российский лизинг: итоги 2024 года и прогноз на 2025 год // Аналитическое агентство «РА Эксперт». 2025.
15. Leaseurope Annual Statistical Enquiry 2023. Brussels: Leaseurope, 2023.
16. Europe Car Leasing Market Size, Share & Trends Analysis Report 2024–2032 // GM Insights, 2024.
17. Методические рекомендации по выявлению признаков подозрительных операций (сделок) в деятельности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом // Росфинмониторинг. URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/recommendations> (дата обращения: 24.11.2025).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Договор финансовой аренды (лизинга) в системе договоров предпринимательской деятельности

Лазарева Анастасия Максимовна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет

В статье анализируются основные научные концепции в части квалификации договора финансовой аренды (лизинга): арендная теория, теория кредитования под обеспечение и теория о самостоятельности лизинга. Проводится детальное сравнение лизинга с классической арендой, выявляются их существенные различия. Рассматривается инвестиционная составляющая лизинга и его сходство с кредитными отношениями. На основе анализа делается вывод о комплексном характере данного договора, сочетающего элементы аренды, финансирования и купли-продажи. Автор обосновывает позицию, что лизинг представляет собой самостоятельную договорную конструкцию, требующую специального правового регулирования.

Ключевые слова: лизинг, финансовая аренда, лизингополучатель, заемный капитал, предмет лизинга, аренда, кредитование, инвестиционная деятельность

Предпринимательский договор представляет собой вид гражданско-правовой сделки, заключенной в соответствии с основополагающим принципом гражданских правоотношений — принципом свободы договора, на добровольной и взаимовыгодной основе. Договоры предпринимательской деятельности классифицируются по различным признакам.

В зависимости от степени свободы и ответственности предпринимательские договоры можно разделить на следующие виды:

- заключенные между субъектами предпринимательской деятельности;
- заключенные между субъектами предпринимательской деятельности и субъектами, не являющимися предпринимателями;
- заключенные между субъектами предпринимательской деятельности и публичными образованиями.

В зависимости от установленной цели договоры предпринимательской деятельности можно разделить на следующие виды:

- ориентированные на передачу имущества в собственность;
- ориентированные на передачу имущества во временное пользование;
- ориентированные на выполнение работ и оказание услуг;
- ориентированные на предоставление отсрочки возврата имущества или отсрочки оплаты товара.

Рассматривая договор финансовой аренды в системе договоров предпринимательской деятельности, можно

заметить наличие в нем признаков всех вышеупомянутых видов.

Точки зрения относительно места договора финансовой аренды (лизинга) в системе договоров предпринимательской деятельности могут быть сгруппированы следующим образом:

- финансовая аренда рассматривается как разновидность договора аренды, имеющая определенные отличительные элементы;
- финансовая аренда рассматривается в одной системе с договорами купли-продажи, кредита и займа;
- финансовая аренда рассматривается как отдельный и самостоятельный вид договорных отношений.

Последователи арендной теории лизинга указывают на его сходство с договором аренды. В. В. Стадник и О. В. Цуканов в своем исследовании подчеркивают, что лизинговый договор с другими видами аренды объединяет тот факт, что имущество передается арендатору арендодателем за плату во временное использование [6].

По определению А. Б. Алексеева, «лизинг — это аренда технических средств и сооружений производственного назначения, которая осуществляется на основе договора между лизингодателем, приобретающим имущество за свой счет и сдающим его в аренду лизингополучателю, который постепенно вносит арендную плату за использование лизингового имущества» [1]. С этой точки зрения договор лизинга трактуется как разновидность договора аренды с обременением. Сторонники данного видения не допускают выделение договора финансовой аренды в самостоятельный вид, аргументируя тем, что договор

лизинга и договор аренды идентичны по предмету, субъектному составу и содержанию. В связи с этим нет необходимости выделения договора лизинга в качестве самостоятельного вида.

Остановимся на отличительных чертах договора аренды и договора финансовой аренды:

- по договору лизинга, в отличие от аренды, передается специально приобретаемый предмет лизинга по просьбе лизингополучателя;
- в договоре аренды не учитывается амортизация арендуемого имущества;
- лизингополучатель платит за пользование предметом аренды и оплачивает финансовые услуги лизингодателя;
- по договору лизинга лизингополучатель имеет возможность выкупить арендуемое имущество, чего не предусматривает договор аренды;
- лизингодатель, в отличие от арендодателя, не несет каких-либо обязанностей по содержанию сдаваемого в аренду имущества, что подчеркивает преимущественно его финансовую роль;
- на лизингополучателя же, наоборот, возлагаются обязанности, связанные с содержанием и эксплуатацией предмета лизинга.

Приверженцы кредитно-посреднической теории смотрят на лизинг как на сложный комплексный институт, который включает в себя элементы купли-продажи, займа и кредита. А. В. Егоров в работе «Лизинг: аренда или финансирование?» настаивает на кредитно-посреднической теории лизинга, говоря, что «по своей экономической природе лизинговые отношения являются кредитными, а не арендными», «лизинговая операция очень похожа на посреднические договоры, в которых имеет значение возмещение расходов на договоры поручения, комиссии и агентирования» [3].

Договор лизинга базируется на заключении двух различных договоров — договора купли-продажи лизингового имущества между продавцом и лизингодателем и договора передачи предмета лизинга лизингополучателю в пользование, а не в собственность. Согласно этой теории, лизинг считается трехсторонней сделкой, но с этим утверждением можно не согласиться. Лизингодатель, являясь связующим элементом между продавцом и лизингополучателем, вступает с каждым из них в договорные отношения, не зависящие друг от друга. Договор купли-продажи лизингового имущества между продавцом и лизингодателем заключается в интересах лизингополучателя (третьей стороны), но не в его пользу. Лизингодатель заключает договор лизинга с лизингополучателем только после возникновения у него права собственности на предмет лизинга, то есть после заключения договора купли-продажи с продавцом имущества.

Основополагающей базой для понимания инвестиционной природы лизинга является Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», который гласит, что «лизинговая деятельность — вид ин-

вестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг» [8].

Придерживаясь этого же мнения, в своей работе «Лизинг как вид инвестиционной деятельности» Р. Р. Доюнов пишет, что лизинг является важным инструментом инвестиционной деятельности, который позволяет лизингодателю получать доход от сдачи в аренду имущества, а лизингополучателю получать доступ к активам без необходимости их приобретения в полной стоимости [2]. Исследователь считает, что ключевым ориентиром в определении лизинга как формы инвестиционной деятельности можно считать распределение прав собственности, особенно в части возможности реализации права на доход, поскольку именно данное правомочие является основным условием определения инвестиционной деятельности [2].

А. В. Терешонок считает, что лизинг можно трактовать с позиции одной из самых значимых форм инвестиционной деятельности государства. Лизинговые сделки могут иметь значительное экономическое воздействие и способствовать развитию различных отраслей и секторов экономики [7].

В пользу кредитно-посреднической теории финансовой аренды (лизинга) говорит факт создания банковской структурой своих дочерних лизинговых компаний, таких как АО «Сбербанк Лизинг», АО «ВТБ Лизинг». Этому вопросу уделяет большое внимание А. А. Хашаев в своей работе «Трансформация взаимодействия банков и лизинговых компаний в Российской Федерации». Автор предлагает использовать дополнительные источники получения процентных и комиссионных доходов банков при финансировании лизинговой деятельности, подчеркивая тем самым кредитную основу финансовой аренды [9].

Учредителями лизинговых компаний почти в полном объеме являются государство и банки. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» определяет в финансовой аренде кредитную специфичность. При рассмотрении лизинга как разновидности кредитных отношений следует согласиться с тем, что финансовая аренда (лизинг) является прежде всего финансовой услугой для лизингополучателя, с помощью которой возникает право пользования предметом лизинга.

К. С. Енгоян в работе «Лизинг как метод финансирования: проблемы и пути их решения» пишет, что «лизинг является одним из финансовых инструментов, позволяющих взять в кредит имущество на долгосрочной основе с возможностью его дальнейшего выкупа» [4].

В отличие от банков, для которых имеет значение кредитная история заемщика, его активы и капитал, лизинговые компании прежде всего интересуют способность пользователя лизинговым имуществом осуществлять арендную плату. При этом обеспечением сделки является само лизинговое имущество. Такие условия особенно удобны новым, малым или средним, предприятиям.

У лизинга и кредита есть как сходство, так и различие. Сходство заключается в том, что за свои финансовые

услуги банки и лизинговые компании начисляют проценты, договор лизинга и кредита заключается на определенный срок. Различие состоит в том, что кредит выдается в форме денег, а в лизинг можно взять только имущество. Главной отличительной особенностью договора лизинга является отделение юридической собственности, которая принадлежит лизинговой компании, от экономического использования актива, находящегося у лизингополучателя.

Сторонники взгляда на лизинг как на самостоятельный вид гражданско-правового договора, требующего специальной новой нормативной регламентации, акцентируют внимание на уникальности лизинговых отношений, специфике субъектного состава договора финансовой аренды, что отличает лизинг от иных договоров в предпринимательской деятельности [10]. И это, по их мнению, требует внесения изменений в законодательство.

Договор лизинга действительно имеет сходство с договором аренды и кредитованием, но, несмотря на это, договор финансовой аренды (лизинга) в системе предпринимательских договоров имеет свою обособленность и обладает рядом преимуществ. Лизинговая сделка, в отличие от кредитной, более гибкая, первый лизинговый платеж, помимо авансового платежа, вносится лизингополучателем после того, как предмет лизинга поступает в его распоряжение. Предмет лизинга — залоговое имущество, что обеспечивает безопасность сделки. Преимуществом лизинга является снижение налогооблагаемой базы, так как платежи по сделке относятся к себестоимости. На балансе лизингополучателя предмет лизинга не числится, соответственно имущественный налог на него не начисляется. Исходя из выше сказанного, лизинг можно считать комплексной моделью предпринимательского договора.

Важным вопросом в настоящее время для юридической науки и практики является вопрос о целесообразности выделения договора лизинга в самостоятельный тип гражданско-правового договора, так как договор финансовой аренды содержит в себе структурные

элементы, различные по своему правовому происхождению, такие как элементы аренды, купли-продажи и кредитования.

В процессе работы над статьей были подробно проанализированы основные научные концепции в части квалификации договора лизинга — арендная теория и теория кредитования под обеспечение. Рассмотрение указанных подходов во взаимосвязи с анализом практики лизинговых отношений доказывает самостоятельный характер договора лизинга как особой договорной конструкции, призванной опосредовать отношения финансирования приобретения определенного имущества с сохранением за финансирующей стороной права собственности в целях обеспечения своих имущественных интересов. Договор лизинга, хотя и тяготеет к модели кредитования, не может быть всецело к ней сведен, поскольку обладает существенной экономической и организационной спецификой. По сути, это долгосрочная аренда имущества с последующим правом выкупа, при которой арендатор (лизингополучатель) обязуется вносить регулярные платежи в соответствии с установленным графиком. Договор лизинга представляет собой самостоятельную договорную конструкцию в системе предпринимательских договоров, призванную оформлять отношения финансирования приобретения определенного имущества в предпринимательских целях с использованием механизма временного закрепления права собственности за финансирующей стороной (лизингодателем) в целях обеспечения ее имущественных интересов. Данная конструкция имеет комплексный характер, органично сочетая в себе элементы обязательственного и вещно-правового регулирования, а также включает в себя отдельные черты аренды, купли-продажи и кредитного договора. Такое понимание правовой природы лизинга предопределяет обособленное место договора финансовой аренды в системе предпринимательских договоров, особенности установления его субъектного состава, содержательной структуры, существенных условий, что требует адекватного отражения в положениях действующего законодательства.

Литература:

1. Алексеев, А. Б. Лизинг на практике. Пособие по работе с лизинговыми компаниями / А. Б. Алексеев. — СПб.: Лучшее решение, 2023. — 88 с.
2. Доюнов, Р. Р. Лизинг как вид инвестиционной деятельности / Р. Р. Доюнов // Аллея науки. — 2023. — № 5 (80), т. 1. — С. 314–317.
3. Егоров, А. В. Лизинг: аренда или финансирование? / А. В. Егоров // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. — 2012. — № 3. — С. 36–60.
4. Енгоян, К. С. Лизинг как метод финансирования: проблемы и пути их решения / К. С. Енгоян // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сб. науч. ст. 3-й Всерос. науч. конф. перспективных работников, Курск, 1 дек. 2022 г.: в 4 т. Т. 1. — Курск: Юго-Зап. гос. ун-т. — 2022. — С. 141–144.
5. Курбанов, Р. А. Гражданское право. Общая и особенная части / Р. А. Курбанов. — М.: Проспект, 2020. — 736 с.
6. Стадник, В. В. Лизинг: анализ взглядов на правовую природу / В. В. Стадник, О. В. Цуканов // Заметки ученого. — 2022. — № 6 — С. 361–364.
7. Терешонок, А. В. О понятии договора финансовой аренды (лизинга) / А. В. Терешонок // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы XII Междунар. науч. — практ. конф. — Минск: БИП Ун-т права и соц.-информ. технологий, 2022. — С. 131–132.

8. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 № 164-ФЗ (послед. ред.): (принят Гос. Думой 11.09.1998, одобрен Советом Федерации 14.10.1998) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/
9. Хашаев, А. А. Трансформация взаимодействия банков и лизинговых компаний в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук / Хашаев Альви Адланович. — СПб., 2022. — 164 с.
10. Шеколенко, Т. В. Понятие и правовая природа договора финансовой аренды (лизинга), его место в системе гражданско-правовых договоров / Т. В. Шеколенко // Правовая позиция. — 2021. — № 5 (17). — С. 41–50.
11. Шибайло, О. Н. Лизинговая деятельность: понятие, сущность, классификация / О. Н. Шибайло // Аллея науки. — 2022. — Т. 1, № 1 (64). — С. 903–906.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Проблематика эффективности создания кассационных судов общей юрисдикции

Кравец Нателла Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Нохрин Дмитрий Герольдович, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Правовая оценка преобразований кассационного производства в системе судов общей юрисдикции требует комплексного анализа всех аспектов реформы — как положительных, так и отрицательных. Среди положительных следует отметить тот факт, что специализация судебных органов кассационной инстанции существенно повышает качество рассмотрения дел и способствует формированию единообразной практики применения законодательства. В то же время, значительный объем гражданских дел, поступающих на рассмотрение кассационных судов, ставит под сомнение обоснованность установленной численности судебных составов и эффективность территориального распределения судебных округов. Обосновывается идея неполного соответствия действующего правового регулирования принципу правовой определенности: двухэтапная кассация и надзор создают ситуацию, когда уже вступившие в законную силу решения подвергаются многократному пересмотру, что нарушает принцип правовой определенности. Таким образом, судебная практика показывает необходимость дальнейшей разработки четких критериев и процедур кассационного пересмотра, обеспечивающих баланс между защитой прав и стабильностью правовых актов.

Ключевые слова: кассационное производство по гражданским делам, кассационные суды общей юрисдикции, доступность правосудия, эффективность, результативность, автономность судебной власти, рост судебной нагрузки.

The problem of the effectiveness of the creation of cassation courts of general jurisdiction

Kravets Natella Alexandrovna, graduate student

Northwest Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Saint Petersburg)

The legal assessment of the transformations of cassation proceedings in the system of courts of general jurisdiction requires a comprehensive analysis of all aspects of the reform, both positive and negative. Among the positive aspects, it should be noted that the specialization of the judicial authorities of the cassation instance significantly improves the quality of the consideration of cases and contributes to the formation of a uniform practice of applying legislation. At the same time, the significant volume of civil cases submitted to the cassation courts casts doubt on the validity of the established number of judicial structures and the effectiveness of the territorial distribution of judicial districts. The idea that current regulation is not well consistent with the principle of legal certainty is substantiated: two-stage cassation and supervision create a situation where decisions that have already entered into force are subject to repeated review, which violates the principle of legal certainty.

Thus, judicial practice shows the need for further development of clear criteria and procedures for cassation review, ensuring a balance between the protection of rights and the stability of legal acts.

Keywords: cassation proceedings in civil cases, cassation courts of general jurisdiction, accessibility of justice, efficiency, effectiveness, judicial autonomy, increased judicial burden.

Эволюционные процессы современного социума обуславливают фундаментальные изменения государственных и правовых институтов, что непосредственно отражается на архитектуре национальной судебной системы. Динамичная трансформация общественных отношений создает предпосылки для модернизации правоохрани-

тельных механизмов, обеспечивающих справедливое разрешение споров.

Масштабные социальные преобразования требуют адаптации судебных органов к новым реалиям через совершенствование процессуальных норм и правоприменительной практики.

Безусловно, разумным подходом к построению стабильной и гармоничной судебной системы является эволюционный путь, а не революционный. В этом случае поэтапная модернизация административных механизмов и процессуальных компонентов судопроизводства обеспечивает органичную интеграцию инновационных элементов в существующую правовую архитектуру. Современная судебная система России, выступая ключевым звеном государственного управления, непрерывно адаптируется к динамично меняющимся социально-экономическим условиям и правовым тенденциям, сохраняя преемственность правосудия при внедрении прогрессивных методов его отправления.

Вопрос о выделении кассационных судов из областных судов в отдельное звено судебной системы общей юрисдикции носил достаточно массовый характер в среде теоретиков и практиков гражданского процесса. По мнению А. В. Шабалина, радикальное преобразование судебной системы общей юрисдикции в свое время потребовало создания автономных кассационных органов, что было обусловлено множественными факторами современной правовой действительности:

1) существующая на тот момент практика демонстрировала существенную перегруженность областных судов делами первой инстанции различных категорий — гражданскими, административными, уголовными. Данное обстоятельство значительно снижало эффективность отправления правосудия;

2) апелляционное производство создавало дополнительную нагрузку на судебные органы регионального уровня. Отсутствие механизма передачи дел в районные суды для повторного рассмотрения усложняло ситуацию. Необходимость детального изучения материалов, прове-

дения экспертиз, анализа доказательств при строгих процессуальных ограничениях существенно затрудняла работу судей;

3) рассмотрение кассационных жалоб президиумами областных судов значительно усугубляло сложившуюся ситуацию, создавая ситуацию загруженности и препятствуя эффективному функционированию системы правосудия [14].

Как справедливо отмечает Т. В. Даутия, тенденции создания апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, организационно обособленных от нижестоящих судов, уже дана положительная оценка юридическим сообществом [6]. С позиций Н. А. Колоколова, учреждение новых, экстерриториальных кассационных инстанций следует назвать одним из важнейших этапов реформирования судебной системы России [7].

В соответствии с нормами ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» в стране действуют девять кассационных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных кассационных округов — с Первого по Девятый кассационный суд общей юрисдикции. Обращаясь к официальной статистике судебного департамента при Верховном Суде стране о рассмотрении кассационными судами общей юрисдикции жалоб и представлений по гражданским делам, следует вести речь о следующей статистике (рис. 1) [11].

Принимая во внимание изложенные статистические данные, можно констатировать, что ежегодно наблюдается стабильный прирост обращений в рассматриваемую кассационную инстанцию (не менее 10% за каждый год), что, несомненно, свидетельствует о высокой нагрузке, прежде всего, на самих судей. Данный фактор весьма негативно влияет на качество рассматриваемых дел.

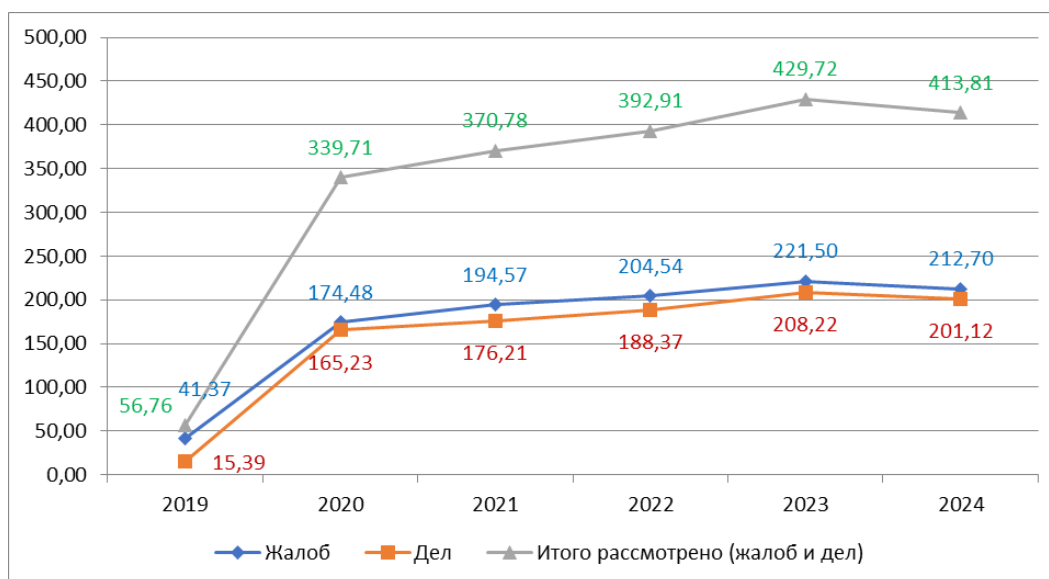

Рис. 1. Динамика количества рассмотрений жалоб и представлений по гражданским делам в кассационных судах. Составлено автором на основе [11]

Е. А. Борисова, еще в 2022 г., ссылаясь на сравнительный анализ количества дел, рассматриваемых кассационной инстанцией арбитражных судов и количества

дел, рассматриваемых кассационными судами общей юрисдикции, отмечает значительно меньшее количество дел в первом случае. Исходя из этого, данный автор счи-

тает справедливым и необходимым увеличение числа кассационных судов общей юрисдикции [4].

Не менее важным вопросом в рамках обеспечения деятельности кассационных судов общей юрисдикции является их доступность для граждан. Так, географическая удаленность кассационных судов создает существенные препятствия для реализации права граждан на судебную защиту. Законодательное решение об организации постоянных судебных присутствий кассационных судов в отдаленных регионах существенно расширяет возможности доступа населения к правосудию. В этом смысле формирование системы территориально приближенных судебных присутствий эффективно устраняет барьеры для обращения граждан в кассационную инстанцию судов общей юрисдикции.

С данной позицией выражает свое согласие и П. В. Крашенинников, который также отмечает и возможность по обеспечению доступности правосудия посредством использования в судах видео-конференц-связи [10]. К сожалению, техническая сложность организации видеоконференцсвязи между судебными органами и участниками процесса существенно ограничивает доступность правосудия для граждан. В этой связи, Ю. А. Коршунов выдвинул рациональное предложение о проведении выездных заседаний кассационных судов непосредственно в отдаленных населенных пунктах по месту нахождения заявителей, что позволит обеспечить полноценную реализацию конституционных прав граждан на судебную защиту [8].

Однако, экономическая нецелесообразность выездных судебных заседаний обусловлена существенными финансовыми затратами на организацию процесса и логистическими сложностями, связанными с транспортировкой судебной коллегии к месту разбирательства, несмотря на потенциальные преимущества для участвующих сторон.

Как нам представляется, в целях повышения доступности правосудия целесообразно организовать транспортировку заявителей из удаленных районов к местам, оборудованным системами видео-конференц-связи, либо непосредственно в здания кассационных судов. Материально-техническое обеспечение выездных заседаний кассационных судов общей юрисдикции требует особого внимания со стороны законодательных органов. Процедура командирования судей предусматривает создание надлежащих условий для их перемещения к месту жительства заявителей, а также организацию полноценных рабочих мест для осуществления профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что созданная система кассационных судов общей юрисдикции осуществляет проверочные функции над федеральными и мировыми судами в границах установленного кассационного округа, реализуя полномочия вышестоящей инстанции. Федеральное конституционное законодательство Российской Федерации детально регламентирует процессуальные аспекты функционирования кассационных

судов, закрепляя правовой статус и организационную структуру данных судебных органов.

Правовая оценка преобразований кассационного производства в системе судов общей юрисдикции требует комплексного анализа всех аспектов реформы — как положительных, так и отрицательных. Среди положительных следует отметить тот факт, что специализация судебных органов кассационной инстанции существенно повышает качество рассмотрения дел и способствует формированию единообразной практики применения законодательства. В то же время, значительный объем гражданских дел, поступающих на рассмотрение кассационных судов, ставит под сомнение обоснованность установленной численности судебных составов и эффективность территориального распределения судебных округов [9].

Стоит отметить, что антикоррупционная направленность судебной реформы получила широкое признание среди экспертного сообщества, подтверждающего эффективность принятых мер по обеспечению прозрачности судопроизводства [13]. Так, территориальное разделение судебных инстанций обеспечивает значительное снижение коррупционных рисков в системе судопроизводства. Формирование кассационных судов общей юрисдикции как самостоятельных структурных единиц существенно минимизирует возможности установления неформальных связей между судьями разных инстанций. По мнению автора статьи, географическая удаленность кассационных судов от региональных судебных органов создает дополнительные барьеры для развития коррупционных схем на межрегиональном уровне.

Научное сообщество, включая Л. И. Гайсина, А. Р. Латыпову и П. И. Спиридонову, подтверждает эффективность территориального разделения судебных инстанций. Профессиональные контакты между судьями различных инстанций внутри одного региона зачастую трансформируются в личностные взаимоотношения, создавая предпосылки для необъективного рассмотрения дел при вынесении процессуальных решений [5].

Также достаточно дискуссионным является вопрос о количестве единиц образованных кассационных судов общей юрисдикции. Географическое распределение кассационных судов общей юрисдикции на территории Российской Федерации требует пересмотра с учетом актуальной судебной нагрузки. Результаты анализа статистических данных судопроизводства свидетельствуют о необходимости увеличения числа кассационных инстанций для обеспечения надлежащего доступа граждан к правосудию. Современная структура кассационных судов не соответствует растущим потребностям судебной системы и нуждается в расширении для полноценной реализации конституционных прав граждан на судебную защиту [15]. Возросшая нагрузка на кассационные суды общей юрисдикции, значительная географическая разобщенность регионов и расширение территориального состава Российской Федерации за счет включения новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской

Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей — обуславливают целесообразность расширения системы кассационных судов до двенадцати единиц для оптимизации судебной нагрузки.

В целом, научная общественность выражает разнообразные мнения относительно модернизации судебной системы, включая аспекты формирования кассационных судов общей юрисдикции. Ведущие исследователи, среди которых Т. Т. Алиев и А. О. Яценко, подчеркивают позитивное значение структурных преобразований, акцентируя внимание на необходимости тщательного анализа существующих недочетов для обеспечения эффективного функционирования нового звена судебной системы [2].

Оценив правовую основу проведенной судебной реформы, в рамках создания системы кассационных судов общей юрисдикции можно констатировать следующее:

- 1) создание обособленных кассационных структур существенно повысило эффективность функционирования всей судебной системы Российской Федерации;
- 2) судебные постановления новых кассационных инстанций демонстрируют повышенную степень объективности благодаря углубленной специализации судебных органов, что отвечает интересам всех участников судопроизводства;
- 3) антикоррупционная направленность проведенной судебной реформы служит фундаментальным элементом формирования результативного правосудия;
- 4) учреждение кассационных судов общей юрисдикции значительно усилило автономность судебной власти, обеспечивая надлежащее качество выносимых решений при одновременном соблюдении законных прав физических и юридических лиц.

Таким образом, комплексный анализ механизма функционирования кассационных судов общей юрисдикции свидетельствует об успешности проведенной судебной реформы и прогрессивном развитии национальной системы правосудия. Результативность работы кассационных судов обеспечивается соблюдением фундаментальных принципов судебной реформы, включающих автономность судебных органов, борьбу с коррупционными проявлениями, обеспечение доступа к правосудию физических и юридических лиц, а также координированную деятельность структурных элементов судебной системы.

Количественные показатели подтверждают существенное улучшение качества российского судопроизводства после внедрения кассационных судов общей юрисдикции. Модернизация судебной системы способствовала достижению значимых результатов. Применение экстерриториального подхода при создании новых судебных органов минимизировало региональное воздействие на отправление правосудия. Реализованная Верховным Судом России концепция «один суд — одна инстанция» укрепила независимость судебной власти.

В целом, структурные преобразования кассационной системы российского судопроизводства привели к существенному повышению эффективности правосудия и расширению возможностей защиты законных интересов населения.

Одновременно, формирование кассационных судов общей юрисдикции сталкивается с комплексными организационными трудностями.

Реализация контрольно-надзорных полномочий кассационной инстанции направлена на проверку правомерности вступивших в законную силу судебных актов, прошедших апелляционное рассмотрение, при этом исключается дублирование юрисдикционных функций различных звеньев судебной системы. На данную инстанцию возлагается императивная обязанность по осуществлению надлежащего судебного контроля за решениями нижестоящих судов в рамках установленной компетенции.

Согласимся с тем, что право на сплошную кассацию связано с активной реализацией права на апелляционное обжалование [12, с. 62]. Это прямо вытекает из норм закона, устанавливающих, что кассационные жалоба, представление могут быть поданы в кассационный суд общей юрисдикции при условии, что лицами, указанными в абзаце первом настоящей части, были исчерпаны иные установленные Гражданским процессуальным кодексом РФ способы обжалования судебного постановления до дня вступления его в законную силу, включая апелляционный способ обжалования (абзац второй части первой статьи 376).

Кассационная инстанция обладает расширенными возможностями судебного контроля, поскольку её полномочия по проверке судебных актов не лимитируются аргументацией сторон. Существенное значение приобретает автономность кассационного пересмотра от предшествующих стадий обжалования. При этом оспаривание вступивших в законную силу решений утрачивает процессуальную значимость при неиспользовании стороной права апелляционного обжалования, что обуславливает необходимость акцентированной оценки материалов дела на апелляционном этапе ввиду его непосредственного влияния на кассационное производство. Данный аспект предопределяет экстенсивную интерпретацию компетенции кассационного суда, позволяющую осуществлять пересмотр актов нижестоящих инстанций вне зависимости от содержания жалобы.

Проблематичным остается вопрос определения оснований для кассационного пересмотра судебных актов. В отличие от апелляционной инстанции, где действуют широко интерпретируемые критерии «незаконности и необоснованности», законодательная концепция кассационного пересмотра характеризуется неопределенностью. Наблюдается частичное совпадение оснований, в частности, при проверке законности судебных актов, однако в первой кассации законодатель дополнительно включает критерий «несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой

и апелляционной инстанций» (ч. 1 ст. 379.7 ГПК РФ). При этом проверка вступивших в законную силу решений осуществляется исключительно с позиции их законности, исключая оценку фактической обоснованности [3].

Доктринальное толкование категории «существенные нарушения» в контексте второй кассации представляет определенную сложность. Критерий существенности нарушения законности приобретает квалифицирующее значение, поскольку основанием для отмены судебного акта выступают не любые процессуальные нарушения, а исключительно те, которые повлекли конкретные негативные последствия. Данный подход предполагает градацию существенных нарушений закона на две категории: влекущие и не влекущие отмену судебного постановления, в зависимости от характера наступивших процессуальных последствий [1].

Полагаем, что многоуровневая система пересмотра вступивших в законную силу судебных актов через механизмы двухэтапной кассации и надзора вступает в противоречие с фундаментальным принципом правовой определенности, поскольку неоднократно ставит под сомнение юридическую силу принятых решений вышестоящими судебными инстанциями.

Особую озабоченность вызывает нормативное ограничение полномочий кассационных судов общей юрисдикции при проверке обоснованности судебных актов. Предоставленное им право оценки соответствия выводов нижестоящих судов фактическим обстоятельствам дела демонстрирует непоследовательность законодательного подхода. Редуцирование оснований пересмотра в кассации по сравнению с апелляционным производством не способствует эффективной судебной защите нарушенных прав. Более того, наличие множественных инстанций обжалования с дублирующимися полномочиями и неоднозначными критериями пересмотра приводит к циклическому возвращению дел на повторное рассмотрение [16].

Также полагаем, что обеспечение права на кассационное обжалование не должно ставиться в зависимость от предшествующего апелляционного производства. Доступ к кассационному механизму пересмотра судебных решений целесообразно предоставить всем участникам процесса вне зависимости от инициатора обжалования, поскольку реализация права на судебную защиту не может быть обусловлена факультативными процессуальными действиями.

Сложившаяся практика необоснованного возвращения дел на повторное рассмотрение в нижестоящие инстанции при отсутствии законных оснований и четкого понимания допущенных ошибок противоречит базовым принципам судопроизводства. Подобный подход нивелирует ключевую функцию вышестоящих судебных инстанций по устранению судебных ошибок в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства.

Региональные суды, сталкиваясь с правовыми проблемами, формируют собственную практику разрешения спорных ситуаций. При этом наблюдается тенденция

к интеграции местной судебной практики с разъяснениями вышестоящих органов, которым придается директивное значение наравне с постановлениями Пленума. Данный процесс отражает стремление судебной системы к выработке единообразных подходов в обеспечении законности и справедливости судопроизводства.

В процессе правоприменения нижестоящие суды руководствуются степенью правовой определенности конкретных норм, установленной законодательством и существующей судебной практикой. При отсутствии достаточной определенности правоприменители обращаются к разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума и обзорах практики Верховного Суда РФ. По данной причине формирование прецедентного характера региональной судебной практики требует детального доктринального исследования и выработки соответствующих правовых позиций в деятельности высшей судебной инстанции.

Таким образом, практическое применение полномочий кассационного суда выявляет некоторые трудности:

- особенности подхода кассационных судов: кассационные суды нередко применяют позицию, согласно которой реализация права на кассационную жалобу связана с активностью сторон на стадии апелляционного обжалования. Возможность самостоятельной оценки судом обстоятельств дела позволяет обеспечивать полную проверку судебных актов, вне зависимости от доводов сторон;
- независимость кассационного пересмотра: полномочия кассационной инстанции позволяют проверять судебное решение независимо от аргументов, представленных сторонами, что усиливает контроль над актами нижестоящих судов. Однако, особое внимание уделяется реализации права на апелляцию, так как оно существенно влияет на последующее кассационное рассмотрение;
- вопросы оснований для пересмотра: основания для пересмотра в кассации менее ясны и шире трактуются, чем в апелляции («незаконность и необоснованность»). Первая кассация предусматривает проверку соответствия выводов суда установленным обстоятельствам дела, что вызывает сомнения относительно идеи законодателя. Вторая кассация вводит категорию «существенных нарушений», которую также сложно интерпретировать однозначно;
- противоречие принципу правовой определенности: двухэтапная кассация и надзор создают ситуацию, когда уже вступившие в законную силу решения подвергаются многократному пересмотру, что нарушает принцип правовой определенности.

Таким образом, судебная практика показывает необходимость дальнейшей разработки четких критериев и процедур кассационного пересмотра, обеспечивающих баланс между защитой прав и стабильностью правовых актов.

Литература:

1. Алехина С. А. Качество гражданского процессуального законодательства как необходимая предпосылка доступности и эффективности правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 27–35.
2. Алиев Т. Т., Яценко А. О., Золотухин А. Д. Реформа гражданского процесса: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 573–580.
3. Бобров В. К. Новая кассация: какая она? // Мировой судья. 2020. № 6. С. 32–38.
4. Борисова Е. А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 9, № 5. С. 21–41.
5. Гайсин Л. И., Латыпова А. Р., Спиридонова П. И. Новая судебная система: положительные стороны, проблемы и возможные пути их решения // Образование и право. 2020. № 1. С. 188–192.
6. Даутия Т. В. Проблемные аспекты апелляционного и кассационного судопроизводства в рамках проводимой судебной реформы 2019 года // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=121028#BERc8OTMyGYUahsG1> (дата обращения: 27.10.2025).
7. Колоколов Н. А. «Новая кассация»: реформа продолжается // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 3–6.
8. Коршунов Ю. А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75.
9. Краснолуцкий М. Н. Суды кассационной инстанции // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). С. 122–124.
10. Мнения о новой судебной системе // Адвокатская газета: сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mneniya-o-novoy-sudebnoy-sisteme/> (дата обращения: 27.10.2025).
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.sdep.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).
12. Спиридонов М. С., Сурmeneва С. В. О новых правилах доступа к сплошной кассации // Уголовное право. 2023. № 8. С. 57–65.
13. Судебная реформа в России: плюсы и минусы создания апелляционных и кассационных судов // LiveJournal: сайт. URL: <https://chestniy-yurist.livejournal.com/617454.html> (дата обращения: 27.10.2025).
14. Шабалин А. В. К вопросу о формировании самостоятельной кассационной инстанции в системе судов общей юрисдикции // Российский судья. 2018. № 3. С. 61–64.
15. Шокумов Ю. Ж. Понятие и система судов общей юрисдикции и арбитражных судов в Российской Федерации // Право и управление. 2021. № 4. С. 49–58.
16. Юлбердина Л. Р., Малинский Ю. В. Отдельные проблемы кассационного пересмотра в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 284–286. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_10_284.

Толкование гражданско-правового договора как процесс распределения между контрагентами интерпретационных рисков

Сергачев Леонид Сергеевич, магистр юриспруденции (г. Москва)

В статье рассмотрен процесс толкования договора при разрешении судебных споров. Установлено, что толкование договора заключается прежде всего в распределении между сторонами интерпретационных рисков. Автором проанализированы риски негативных последствий для сторон толкуемого договора в зависимости от применения судом того или иного приёма толкования.

Ключевые слова: толкование договора, приёмы толкования, воля сторон, интерпретационный риск, распределение рисков.

В ходе исполнения договора у сторон может возникнуть неодинаковое понимание его текста. Даже безупречный, на первый взгляд, текст в конкретных обстоятельствах отношений сторон может оказаться неясен (недостаточная определённость условия, противоречие условий друг другу, неполнота).

Неопределённость значения [1, с. 495–500] («uncertainty about the meaning [2, с. 6]») не позволяет однозначно

решить вопрос о смысле условия, относительно которого спорят стороны. Преодолеть такую неопределённость призваны нормы статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ) о толковании договора судом.

Интересы сторон не обязательно совпадают, и спор о толковании договора означает, что каждая из сторон будет отстаивать перед судом свою версию понимания

спорного условия как правильный вариант толкования.

Решение суда не может быть вынесено в пользу всех сторон спора, и итог толкования договора судом не будет одинаково выгоден всем сторонам. Поэтому разрешение неопределённости договора судом несёт в себе риск негативных последствий для каждого из контрагентов.

Как указывается в доктрине, возможность толкования сама по себе является риском сторон [4, с. 8]. Результат толкования (за редким исключением) для одной стороны положителен, для другой — отрицателен. На распределение рисков (risk allocation) в процессе толкования указывается и в иностранной доктрине [5, с. 78]. А возложение риска влечёт за собой возмещение причинённых убытков, ущерба [6, с. 40]. В случае толкования это выражается в победе стороны спора, чью версию понимания договора суд посчитает истинной.

Общая характеристика процесса толкования

Процесс толкования договора предполагает последовательное прохождение судом нескольких стадий.

Причём стадийность характерна и законам иностранных государств, что говорит о неслучайности такого построения норм о толковании и в ГК РФ.

Например, согласно Гражданскому Кодексу Франции [7] (далее — ГК Франции) на первой стадии суд ограничивается буквальным пониманием текста: не подлежат толкованию ясные и точные (*claires et précises*) условия, поскольку это может привести к искажению (*dénaturation*) договора. Поиск воли сторон недопустим, если неопределённости договора нет.

Если условия договора не ясны, на второй стадии толкования поиску подлежит общее намерение сторон («*commune intention*»), получающее приоритет над буквальным смыслом слов: часть 1 статьи 1188 ГК Франции.

На третьей стадии, при невозможности найти общее намерение, договор толкуется в соответствии со значением, которое придадо бы ему разумное лицо в той же ситуации, что и стороны: часть 2 статьи 1188 ГК Франции.

На четвёртой стадии, при неразрешимом сомнении («*dans le doute*») договор толкуется в пользу должника против кредитора или против автора договора присоединения: статья 1190.

Архитектура толкования в ГК РФ концептуально похожа на толкование по ГК Франции, что может указывать на целесообразность стадийности.

Первая стадия — буквальное толкование, в котором можно выделить два подэтапа. Сначала — буквальное понимание слов и выражений. Затем, при их неясности — системное толкование всего текста договора.

Ко второй стадии толкования — поиску общей воли сторон с учётом цели договора — суд переходит при обнаружении неопределённости текста, что напоминает правило ГК Франции о недопустимости искажения (*dénaturation*) ясных условий договора.

На второй стадии судом принимается во внимание контекст отношений сторон, в том числе — их волеизъявления (переписка и т. п.).

На третьей стадии — применение иных приёмов, таких как *contra proferentem*, в силу указаний пункта 11 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» [8] и пунктов 45, 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [9] (далее — Постановление № 49).

Установив приоритет буквального толкования, законодатель возложил интерпретационные риски на ту сторону, которая понимает договор вопреки его буквальному тексту, имеет нетипичную версию понимания.

От приоритета буквального толкования выигрывает сторона, которая полагалась на ясный и недвусмысленный текст договора. Буквальное значение слов определяется с учётом их общепринятого употребления любым разумным и добросовестным участником оборота: абзац 2 пункта 43 Постановления № 49. Следовательно, законодатель «поощрил» разумность стороны, полагающейся в договоре на ясные общепринятые выражения.

Однако, как справедливо указывается в доктрине, спорное условие может быть ясным для несведущего лица, но иметь специфическое значение для определённой отрасли [2, с. 63–64]. К тому же ясное для профессионала условие не всегда ясно непрофессионалу, например, потребителю.

Немецкая доктрина предложила термин «горизонт понимания» (*Empfängerhorizont*), означающий, что суд может принять именно точку зрения одной из сторон. Важно, что горизонт понимания определяется без учёта ошибок стороны и её субъективной неразумности, а на основе объективных («*objective perspective of the recipient of the declaration* [10, с. 128]») знаний и опыта.

Поэтому, как представляется, ясность условия справедливо оценивать именно с точки зрения более слабой стороны. Например, если условие для потребителя объективно не является достаточно определённым, суд должен перейти к толкованию по части 2 статьи 431 ГК РФ.

Установить, что действительно имели в виду стороны при заключении договора, позволяет контекст отношений сторон, контекстуальное толкование. Контекстуальное толкование (*contextualism*) — в противоположность буквальному (*literalism* [11, с. 297]) — предполагает анализ текста договора с учётом иных, помимо договора, обстоятельств. Прежде всего это волеизъявления сторон: переговоры, переписка, практика взаимных отношений, обычаи, поведение. Под поведением можно понимать конклюдентные действия сторон [12] (например, принятие исполнения).

Является ли круг обстоятельств, которые суд вправе принять во внимание, ограниченным? Думается, что нет.

Косвенно это подтверждает пункт 46 Постановления № 49, в силу которого суды вправе применить приёмы толкования, вытекающие из обычаев и деловой практики, а также собственные подходы к толкованию. Если суд не ограничен в выборе приёмов толкования, то не огра-

ничен он и в выборе допустимых и относимых доказательств воли сторон. А процесс толкования подчинён процессуальным правилам доказывания [13, с. 71].

Суд учитывает не только волеизъявления сторон, но и иные фактические обстоятельства, например авторство спорного условия.

Цель контекстуального толкования в силу части 2 статьи 431 ГК РФ — выяснение «действительной общей воли сторон с учётом цели договора». Контекст отношений сторон, их встречные волеизъявления ценны для суда тем, что проясняют волю сторон.

Однако упоминание общей воли сторон в части 2 статьи 431 ГК РФ вызывает вопрос: как поступить суду, если стороны понимают цель договора по-разному и если у сторон общей воли не сложилось. Нельзя говорить о наличии общей воли и в ситуации, если стороной спора выступает третье лицо, которое не подписывало спорный договор, но приобрело по нему права и обязанности [14].

Поэтому представляется, что суд вправе определить смысл договора таким образом, что он заведомо будет соответствовать воле только одной из сторон и не соответствовать воле проигравшей стороны.

В некоторых судебных актах можно найти указания на волю одной из сторон, например, «воля заказчика при заключении договора имела направленность» на демонтаж объекта полностью до «верха фундаментов» [15].

То есть, озвученное выше утверждение о том, что результат толкования — поиск не общей воли, а воли только одной из сторон, фактически является констатацией уже сложившегося в практике положения вещей.

Толкование договора при отсутствии общей воли сторон

Неудивительно, что как в отечественной, так и зарубежной доктрине нет чёткой определённости, имеют ли стороны договора каждый индивидуальные воли или же единую общую волю.

Есть исследователи, согласные с законодателем, отмечающие, что общий для сторон результат договорных отношений требует «согласованного единства воли» [16]. А. В. Костикова особо указывает, что в толковании «установлению подлежит ... общая воля сторон, а не воля каждой из них» [17].

Такое понимание не противоречит классике цивилистической науки.

Так, Ф. К. Савиньи рассматривал договор как выражение общей воли [18, с. 374].

Н. Л. Дювернуа характеризовал договор как единство двух воли и единство двух волеизъявлений [19, с. 45]. Ю. С. Гамбаров считал, что стороны договора имеют новую, единую волю, которая в договоре получает «объективное бытие» (совпадение интересов и единение воли является необходимой предпосылкой договора) [20, с. 680]. В советской доктрине указывалось на общую волю [21, с. 416].

Того же мнения придерживается и Н. В. Степанюк, сформулировавшая позицию, что договор является со-

глашением, поэтому цель толкования — общая воля [22], а «точнее говоря — общее намерение» [23, с. 55].

Е. А. Суханов определил договор как согласование воли и указал на согласованную волю [24, с. 191], что можно понимать как единую волю.

Впрочем, во французской, например, доктрине указывается иное: в основе договора лежат различные воли сторон. Классик французской цивилистики Р-Ж. Потье писал о волях сторон во множественном числе [25, с. 81].

И современная французская доктрина не считает волю сторон единой. Договор — встреча односторонних воли (rencontre de deux volontés unilatérales), направленных на достижение единого результата [26, с. 7].

ГК Франции договор понимает как согласование воли, «accord de volontés» (статья 1101), и при толковании вопрос об общей воле не ставится. Так, в статье 1188 говорится о нахождении общего намерения («commune intention»), что можно трактовать и как общее волеизъявление. В свою очередь, признаётся, что намерение и воля не являются одним и тем же. Об этой говорит, в частности, Ренар, используя следующие термины: воля реальная и воля провозглашённая («réelle et déclarée» [27, с. 160]).

То есть, во французской доктрине и в законе последовательно понимание того, что воля у каждого из контрагентов может быть разная. А «встреча» этих воли в договоре приводит к образованию общего намерения («commune intention»), что следует рассматривать как волеизъявление.

И в некоторых определениях Верховного Суда РФ указывается, что при толковании устанавливается «согласованное волеизъявление сторон». И что «правовые последствия сделки устанавливаются на основании **намерений сторон** достигнуть соответствующий практический, в том числе экономический результат [28]» («намерений» — во множественном числе).

К сожалению, такая позиция не является доминирующей в практике, но уже сам факт её существования указывает на то, что договор является лишь общим волеизъявлением. Искать общую волю в процессе толкования не всегда имеет смысл, потому что таковой у сторон может и не быть.

В отечественной доктрине также есть высказывания в пользу того, что намерения контрагентов не образуют единой воли.

В. И. Синайский называл договор волеизъявлением сторон и отмечал, что, если бы теория единства воли была верна, у сторон не было бы возможности расторгнуть договор [29, с. 22].

А. К. Байрамкулов полагает, что действительная воля сторон — воля стороны-заявителя, ограниченная теми значениями, которые были доступны для понимания стороны-адресатом [13, с. 65–66]. Под заявителем и адресатом А. К. Байрамкуловым понимаются именно стороны договора (например, как оферент и акцептант).

Приведённой дефиниции важно уделить внимание. Хотя в ней и говорится об общей воле сторон, эту общую

волю следует воспринимать с определённой долей условности.

По такой логике потребитель объективно может не воспринять смысл адресованной ему оферты на том профессиональном уровне, на каком её понимает субъект предпринимательской деятельности (который с выгодой для себя использует неискущённость контрагентов). В такой ситуации общей волей может считаться понимание договора, какое возникло у потребителя как менее опытного контрагента.

Итак, стороны придерживаются разных версий понимания договора. Причём разница бывает настолько фундаментальна (правовая квалификация договора, например), что общей воли не прослеживается.

Так, общество «Венский бал» полагало, что заключило с обществом «Жюль Верн» договор купли-продажи билетов, которые последний обязался перепродать посетителям бала. Бал не состоялся, и общество «Венский бал» потребовало во встречном иске возместить стоимость билетов [30].

Общество же «Жюль Верн» верно квалифицировало договор как агентский, по которому оно обязалось, будучи агентом, распродать билеты по заданию общества «Венский бал».

Президиум ВАС квалифицировал договор как агентский, не усмотрев элементов купли-продажи. Обществу «Венский бал» во встречном иске в части взыскания задолженности за билеты отказано: билеты не признаны товаром.

Дело «Венского бала» чрезвычайно важно для понимания специфики толкования договора. Ведь сам факт того, что стороны заявили о разной квалификации ими договора, свидетельствует о несовпадении их намерений и отсутствии общей воли.

Поэтому и автор настоящей статьи придерживается позиции, что «общая воля сторон» — **фикция**, которая не должна быть самоцелью для справедливого процесса толкования договора. Воля у каждого контрагента **разная**, и каждая сторона пытается в суде доказать, что именно её воля подлежит защите как действительная и общая для обеих сторон.

Характерно, что в принципах УНИДРУА общее намерение сторон выступает не как цель толкования, а как одно из средств для установления верного смысла условия [31, с. 148]: часть 2 статьи 4.8.

Если суд придёт к выводу, что воля одной стороны противоречила при заключении договора воле другой стороны, часть 2 статьи 431 ГК РФ молчаливо допускает установление воли каждого из контрагентов. При их несовпадении — допускает выбор воли одной стороны в качестве подлежащей защите.

В таком положении указание на общую волю в части 2 статьи 431 ГК РФ выглядит декларативным. Более правильным является доктринальное осмысление общей воли как некоего «желаемого», которое в действительности вовсе и не нужно для успешного толкования.

Толкование не является сугубо логическим процессом поиска истины: если общей воли не сложилось, то и найти её невозможно. Поэтому нуждается в уточнении точка зрения Н. В. Степанюк о том, что сила толкования должна заключаться не столько в авторитетности суда, «сколько в логической убедительности [22, с. 17]» процесса толкования.

Если текст договора настолько неясен, что логическими средствами его истолковать нельзя (суды в таких случаях могут указать: ни один из вариантов толкования нельзя признать безупречным [32]), то суд вынужден искать критерии распределения между сторонами интерпретационных рисков.

Думается, что распределение рисков должно быть справедливым, что риски должны возлагаться на ту сторону, поведение которой в фактических обстоятельствах отношений с контрагентом может быть признано более предосудительным. Столкнувшись с неразрешимой неясностью договора, суд вправе выбрать сторону, чья правота обусловлена её более добросовестным поведением или презюмируется из иных обстоятельств отношений сторон.

Типична ситуация, когда автор проекта договора закладывает в договор недостаточно полное условие, чтобы в дальнейшем уклоняться от исполнения обязательств. Такой оппортунизм приводит к возложению на эту сторону интерпретационных рисков (и проигрышу в судебном процессе).

Равным образом, недобросовестным является и поведение стороны, которая в ходе исполнения договора в своём поведении придерживается одного значения спорных условий, а в судебном процессе — иного.

Учёт волеизъявлений по части 2 статьи 431 ГК РФ позволяет понять, какая сторона более виновна в неразрешимой неопределённости договора. Или какая сторона своим непоследовательным поведением пыталась извлечь для себя необоснованную выгоду из неопределённого условия.

В волеизъявлениях воля каждого из контрагентов выражается вовне, на основании чего суд может сделать вывод о том, какова была воля этой стороны.

Например, сделанное сторонами заявление о зачёте взаимных требований может прояснить понимание договора каждой из сторон [14]. Впоследствии акт зачёта может по правилам об эстоппеле опровергнуть версию значения договора, отстаиваемую непоследовательным контрагентом.

Отметим, что намерения (потребности, ожидания) стороны, по смыслу части 2 статьи 431 ГК РФ, интересуют суд лишь постольку, поскольку они были выражены вовне в переписке, переговорах, конклюдентных действиях. Речь идёт не об установлении глубинной воли стороны, судом исследуются именно волеизъявления стороны, адресованные контрагенту.

Поэтому сторонам выгодно вести переговоры или переписку для прояснения спорных вопросов и для раскрытия своих намерений. А. К. Байрамкулов справедливо

указывает [13, с. 63], что суд не может защищать волю только автора волеизъявления в ущерб интересам адресата волеизъявления.

Так, суды взыскали с ответчика штраф за односторонний отказ от заявок, направленный менее, чем за сутки до предполагаемой погрузки [33]. По смыслу заявки отказ допустим, если он сделан более чем за сутки до поставки. Истец утверждал, что односторонний отказ от заявок сделан ответчиком в нерабочее время в 17:59 вечера и получен истцом на следующий день. Ответчик же считал, что отказ сделан им более, чем за сутки до погрузки, и оснований для взыскания штрафа нет. Судами истолкованы заявки истца на перевозку, согласованные сторонами в «WhatsApp».

Суды пришли к выводу о том, что ответчик знал, что рабочий день истца заканчивается в 17:00. Было учтено, что информация о рабочем времени истца размещена на его официальном сайте в сети интернет и ответчику известна.

Вывод: доведя до ответчика информацию о рабочем времени в своей организации, истец заложил фундамент для разрешения спора в его пользу.

Если сторона настаивает на версии понимания договора, её доводы могут быть отклонены, если своим предшествующим поведением она создавала видимость другого понимания договора.

Во-первых, при проявленном оппортунизме существование общей воли сторон вызывает дополнительные сомнения. И более справедливым выглядит выбор судом воли более последовательной стороны.

Во-вторых, противоречивое поведение стороны вводит её контрагента в заблуждение и, как показывает практика, поэтому оно «наказуемо».

Принципиальная возможность «наказывать» сторону за её противоречивое поведение и толковать договор в пользу её контрагента заложена в абзаце 3 пункта 43 Постановления № 49: толкование договора не должно позволить какой-либо стороне извлекать преимущество из её незаконного или недобросовестного поведения.

Противоречивым поведением первая, непоследовательная, сторона дезавуирует то понимание договора, на котором сама же настаивает. Вторая сторона вынуждена доверять одной из версий договора первой стороны (так называемый эстоппель на доверии [34]). И если перед судом первая сторона начинает отстаивать новую версию понимания договора, она может быть лишена права отрицать ту версию, на истинность которой полагалась вторая сторона.

В судебной практике встречаются ситуации, когда суды, применяя принцип эстоппель, отдают предпочтение версии понимания договора более последовательной и добросовестной стороны и отвергают вариант толкования, предлагаемый стороной, ведущей себя непоследовательно. Эта сторона несёт интерпретационные риски из-за своего непоследовательного поведения.

Так, истцом (субисполнитель) и ответчиком (исполнитель) заключен договор с обязанностью субисполни-

теля по техническому обслуживанию газового оборудования. Истец полагал, что услуги оказаны, но ответчиком не оплачены. Суд апелляционной инстанции путём толкования договора пришёл к выводу о том, что акт оказанных услуг не направлен по согласованным в договоре каналам связи, то есть результат услуг не сдан [35]. В иске отказано.

Суд кассационной инстанции [36] отменил постановление апелляции. Ссылаясь на статью 431 ГК РФ, он сформулировал позицию: толкование договора не должно происходить в отрыве от фактических обстоятельств его исполнения. Длительная практика **взаимодействия** сторон, систематическая оплата ответчиком услуг по документам, представляемым истцом, свидетельствует о согласии с установленным порядком документооборота.

Судом учтены конклюдентные действия по согласованию ответчиком того порядка документооборота, правильность которого ответчик, со ссылкой на условия договора, впоследствии стал отрицать. Ответчик принятием исполнения по представляемым истцом документам дезавуировал собственное понимание условий договора о порядке сдачи работ.

Сослался суд и на эстоппель как механизм «обеспечения последовательного поведения» сторон.

Учёт противоречивого поведения является лишь частным случаем разрешения спора в пользу более добросовестной стороны. Так, общепринято указание на необходимость толкования договора в соответствии с принципом добросовестности, что предполагает оценку поведения сторон («apprécier le comportement des parties [37, с. 151]»), что предполагает не только эстоппель.

Так, судами апелляционной и кассационной инстанций отказано в иске об оплате задолженности за выполненные работы по договору о демонтаже сооружения с извлечением металлического лома [15].

В ходе исполнения договора обнаружен металлический лом в большем объёме, чем предполагалось сторонами при заключении договора. В результате заказчиком и подрядчиком заключены дополнительные соглашения к договору, во исполнение которых подрядчик демонтировал дополнительно обнаруженный лом, а заказчик продал подрядчику весь лом (всего на сумму 6,3 миллиона рублей), зачтя его цену в счёт оплаты работ по демонтажу. Истец (подрядчик) потребовал оплаты работ по последней денежной оценке лома (6,3 миллиона рублей), полагая, что последним дополнительным соглашением согласованы дополнительные работы по демонтажу лома.

Ответчик (заказчик) полагал, что при заключении договора стороны не могли определить точное количество подлежащего демонтажу и передаче лома и потому в договоре согласовали только ориентировочную оценку стоимости лома, а сам лом передавался в качестве оплаты работ.

Суды поддержали заказчика, указав следующее: «по договору подрядчик принял на себя обязательства осуществить демонтаж объекта и извлечение ... лома **в целом**, то есть выполнить **весь комплекс работ** для достижения необходимого заказчику результата (от-

существование на его площадке списанных конструкций)». И именно в этом деле суды указали не на общую волю, а на волю одного лишь заказчика, которая имела направленность на демонтаж объекта полностью до верха фундаментов.

То есть, цель договора — снос всего объекта и демонтаж всего лома, какой окажется. Демонтаж выявившегося объема лома не является дополнительной работой, так как изначально он в договоре учтён.

К тому же договор является смешанным. Оплата работ (подряд) осуществляется путём передачи заказчиком лома подрядчику (купля-продажа) с зачётом цены переданного лома в счёт оплаты работ. Как следует из подписанного сторонами зачёта взаимных обязательств, заказчик передал лом в натуре, чем прекращены его обязательства по оплате работ.

Суды провели контекстуальное толкование по части 2 статьи 431 ГК РФ, так как приняли во внимание обстоятельства взаимоотношений сторон: заключая договор, стороны определённо осознавали объём работ, им **заранее были известны габариты** подлежащего демонтажу объекта.

При толковании договора суды применили указание Постановления № 49 о том, что договор подлежит толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне извлекать преимущество из её недобросовестного поведения. Судами указано, что именно подрядчик является стороной профессиональной, что он должен был предложить такую цену за работы, которая была бы соразмерна производимым трудозатратам.

Развёрнутая мотивировка кассационной инстанции радует: суд сначала провёл системное толкование всего договора и дополнительных соглашений к нему. Учёл волю каждого из контрагентов, которые не совпали между собой. Принял во внимание коммерческий опыт сторон и обстоятельства заключения договора и возложил риски неопределённости договора на подрядчика как сторону, более осведомлённую об объёмах работ, их технологии и затратах. Учтён и зачёт встречных требований сторон, согласно которому обязательства ответчика по оплате исполнены передачей лома подрядчику (хотя на эстоппель суды не посчитали нужным сослаться).

Но некоторые выводы суда остаются дискуссионными. Спорно, что именно подрядчик должен был знать об объёме работ. Напротив, металлоконструкции зачастую относятся к конструкциям, скрываемым под другими конструкциями, и до фактического сноса сооружения их объём не очевиден; скорее, об этом объёме мог знать только заказчик.

Учёт судами контекста договорных отношений и добросовестности сторон достаточно непредсказуем, так как некую степень недобросовестности и неосмотрительности может проявить как одна, так и другая сторона. И нельзя заранее предугадать, чью сторону примет суд.

В актуальной практике существуют приёмы толкования, в которых презюмируется возложение интерпретационных рисков на одну из сторон (например, *contra*

proferentem). Достоинством таких приёмов является предсказуемость критериев возложения рисков.

При этом, следует сразу оговорить, что применение таких презумпций в толковании является крайней мерой, применяемой в случае невозможности успешно осуществить толкование иным образом.

Contra proferentem u contra creditorem как средства выхода из интерпретационного тупика

При невозможности для суда преодолеть неопределённость договора и найти его смысл возникает так называемый «интерпретационный тупик», для выхода из которого и рекомендуется приём *contra proferentem* [38]. *Contra proferentem* законом не предусмотрен и применяется после того, как инструментарий части 2 статьи 431 ГК РФ не приведёт к результату — при «невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом»: пункт 45 Постановления № 49.

Употреблённые Пленумом Верховного Суда слова об установлении общей воли «иным образом» указывают на то, что *contra proferentem* рассматривается как последнее средство именно поиска общей воли. Представляется, что такой подход не совсем верен и судебной практикой фактически корректируется.

Например, профессиональный участник рынка, предлагая потребителю проект договора, фактически навязывает последнему свою волю, и общей единой воли у сторон нет.

Представляется, что приём *contra proferentem* если и можно назвать толкованием, то с большой долей условности: применение этого приёма приводит не к нахождению подлинного смысла договора, а к конструированию его предполагаемого значения. *Contra proferentem* выступает не как средство поиска смысла договора, а как средство возложения негативных последствий неопределённости договора на одну из сторон. Это скорее чисто юридический инструмент распределения интерпретационных рисков.

Существование *contra proferentem* состоит в том, что этот приём указывает логику распределения рисков заранее, и *proferentem* заранее знает, что в его интересах создание ясного и недвусмысленного проекта договора.

Применение приёма *contra proferentem* видится справедливым, так как возлагает риски неразрешимой неопределённости договора на сторону, которая созданием двусмысленного или пробельного проекта договора создала для себя возможности лавирования в таких условиях. Верно и то, что именно эта сторона сэкономила на трансакционных издержках при создании проекта договора [39] и её вина в пороках договора выше. Применением *contra proferentem* автор проекта договора стимулируется к созданию более ясного проекта.

Например, участником корпоративного договора подан иск о привлечении остальных участников к ответственности. Из условия о неустойке не следует, нужны ли два обстоятельства для привлечения к ответственности одновременно или достаточно одного из них. Суды установили, что автором был истец. Суд

кассационной инстанции указав, что *contra proferentem* «стимулирует сторону, которая разрабатывает проект договора, выразаться яснее», поддержал отказ в иске *proferentem*'у (сторона, предложившая редакцию спорного договора) [32].

Обстоятельства применения *contra proferentem* могут быть двух видов. При первом установлено авторство проекта, как в примере выше. При втором достоверно неизвестно, кто разработал проект договора, и авторство **вменяется** профессионалу, бремя опровержения авторства лежит на нём.

Презумпция авторства часто применяется судами, возлагающими риски неразрешимой неопределённости договора на профессионала в требующей специальных познаний сфере (банк, лизингодатель, страховщик).

Эта презумпция имеет потенциал для развития и дополнения. Указано, например, что при заключении договора по результатам конкурсной процедуры *proferentem*'ом, как правило, выступает организатор торгов [40].

Так, возражая против удовлетворения кассационной жалобы, ответчик, являющийся арендатором, отстаивал позицию, что арендодатель-истец (он же кассатор) не доказал, что был лишён возможности участвовать в переговорах об изменении условий договора аренды, возможности подавать свои предложения; не доказал и намерения внести изменения в договор.

Соглашаясь с озвученной точкой зрения и отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, суд отказал в применении *contra proferentem*.

Суд кассационной инстанции [41] сформулировал позицию о том, что профессиональные участники не вправе извлекать преимущество из двусмысленности предложенных им условий в ущерб **слабой стороне**; они должны стремиться к тому, чтобы несправедливые договорные условия изначально не включались в разработанные ими проекты договоров, в том числе **стандартные формы**; не выполнив эту обязанность, они несут **риск** того, что такого рода условия не будут применяться судом.

Здесь следует выделить ключевые идеи:

Во-первых, *contra proferentem* применяется против сильной стороны договорных отношений в пользу слабой. Если же стороны равны по силе и возможностям, *contra proferentem* может быть не применён. Желаящая его применения сторона несёт риски того, что не возразила против предложенного ей проекта договора, как мы наблюдали в вышеприведённом примере.

Во-вторых, подчёркнуто применение *contra proferentem* к договорам, составленным в стандартных формах. Для равных по силе сторон это может означать, что, если условия договора согласовываются индивидуально, а не в стандартных формах, *contra proferentem* может быть не применён.

При таких обстоятельствах слабой стороне приходится доказывать, что она действительно являлась слабой. В противном случае суды вправе «распылить» контроль за формулированием спорного условия между

обеими сторонами и разрешить спор без приёма *contra proferentem*.

В-третьих, указано, что *contra proferentem* является именно средством распределения рисков. Причём возложение на *proferentem*'а риска выражается в неприменении спорного условия. О риске неприменения предложенного *proferentem*'ом условия говорит и Верховный Суд [42].

Представляется, что позиция Верховного Суда дополнительно подтверждает, что *contra proferentem* — это не средство поиска общей воли (не существующей), а юридико-технический **инструмент распределения рисков** между контрагентами.

Contra proferentem — далеко не единственный в своём роде приём. Его логике подчиняются и другие известные доктрине и практике приёмы, например, толкование против кредитора в пользу должника (*contra creditorem*).

Так, в силу статьи 1190 ГК Франции, в случае сомнения возмездный договор толкуется в пользу должника. По аналогии с *contra proferentem* можно назвать этот приём *contra creditorem*.

Российскими судами толкование в пользу должника применяется в ограниченном варианте — в пользу ограничения договорной ответственности.

Так, при толковании договора подряда Верховный Суд обратил внимание на условие о неустойке [43]: штраф за каждый факт неисполнения субподрядчиком обязательств, не имеющих стоимостного выражения. Субподрядчик не сдал исполнительную документацию. Подрядчик разделил этот факт на 193 нарушения за несдачу отдельных документов.

Верховный Суд указал: условие о юридической ответственности должно «определённо указывать на признаки состава правонарушения и не допускать двоякого толкования». Верховный Суд сослался и на приём *contra proferentem*, предположив, что автором условия о неустойке был кредитор: «должно толковаться в пользу лица, привлекаемого к ответственности, в том числе потому, что противоположная сторона, **как правило**, является профессионалом ... и подготавливает проект договора». В результате в удовлетворении требования о взыскании 193 штрафов отказано.

Слово «как правило» указывает на то, что развёрнутой аргументации в пользу *contra creditorem* в российском праве не сложилось. Приходится прибегать к проверенному приёму *contra proferentem*.

Как исключение может рассматриваться дело, где Верховный Суд не сослался на *contra proferentem* (хотя договор заключён с использованием конкурсной процедуры по правилам Федерального закона № 223, и для *contra proferentem* были основания).

Заказчик требовал с подрядчика штраф за нарушение последним обязанности по соблюдению конфиденциальности информации — привлечение к проектированию третьего лица и передачу ему проектной документации.

Суды трёх инстанций удовлетворили иск, а Верховный Суд в иске отказал, сославшись на неясность условий договора. По мнению Верховного Суда, условие о привле-

чении к ответственности «должно быть чётко выражено с указанием размера и вида штрафных санкций, порядка их определения, оснований для применения [44]».

В другом деле отклонён довод заказчика о том, что дополнительным соглашением сторонами продлён срок действия контракта, а не срок выполнения работ. Признано, что продление срока выполнения работ сторонами согласовано, следовательно, подрядчик не нарушил сроков и не мог быть привлечён к ответственности [45]. Указано, что договор должен определённо указывать на признаки состава правонарушения и не допускать двоякого толкования.

То есть, приём *contra creditorem* обладает собственной ценностью как средство возложения риска на кредитора, не позаботившегося о ясности и полноте условия об ответственности независимо от авторства договора.

Ведь именно кредитор заинтересован во внесении в договор условия о мерах ответственности. И именно кредитор может извлекать необоснованную выгоду из двусмысленных условий (например, требовать взыскания 193 штрафов вместо одного).

С учётом изложенного можно предположить, что *contra creditorem* может выйти «из тени» приёма *contra proferentem*, хотя на сегодня достаточной самостоятельности этого приёма толкования не наблюдается.

Заключение

Толкование договора в российском праве не следует рассматривать как сугубо познавательную деятельность. Иногда предмет поиска, такой как общая воля сторон, не существует и, соответственно, найден быть не может.

Поэтому более корректно рассматривать толкование как средство распределения между сторонами интерпретационных рисков, заключающихся в непреодолимой неясности текста договора.

Стоит признать, что, говоря в части 2 статьи 431 ГК РФ об «общей воле», законодатель выдаёт желаемое за дей-

ствительное. Общей воли сторон, спорящих о смысле договора, может и не сложиться. Результат толкования заведомо противоречит воле проигравшей стороны, так как фактически у каждой из сторон воля разная.

Как показывает анализ актуальной судебной практики, суды фактически не ищут общую волю сторон. При неразрешимой неопределённости договора суды ограничиваются защитой воли только одной стороны договора. Проводя анализ текста договора, поведения сторон, обстоятельств их взаимоотношений, суды разработали приёмы распределения между сторонами интерпретационных рисков. И поступают оптимально в создающемся положении.

В наибольшей степени отсутствие общей воли проявляется на стадии толкования, когда средства части 2 статьи 431 ГК РФ оказываются недостаточны (например, *contra proferentem*, *contra creditorem*). Применение таких приёмов толкования заранее ориентирует суд на выбор стороны, на которую ложатся риски неразрешимой неопределённости договора.

Противоречивое и непоследовательное поведение стороны также может привести к тому, что суд не примет её версию понимания договора. Попытка непоследовательной стороны ввести в заблуждение контрагента и извлечь тем самым для себя пользу из неясности договора позволяет суду применить против этой стороны принцип эстоппель и руководствоваться волей более добросовестного контрагента.

Поэтому толкование договора — процесс не только установления истинного смысла договора, но и — юридический инструмент **распределения рисков** неопределённости спорных условий договора между сторонами.

Риски несёт тот из контрагентов, который во вред противоположной стороне мог извлечь из неясности условия неоправданную пользу. Такой подход к толкованию видится логичным и справедливым.

Литература:

1. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. // М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
2. Mitchell C. Interpretation of Contracts. — Routledge-Cavendish, 2007. 160 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994.
4. Александров Денис Владимирович. Интерпретационный риск в юридической деятельности в правореализующей практике: дис. канд. юр. наук: 12.00.01. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, 2007. 160 с.
5. Kostitsky J. P. Interpretive Risk and Contract Interpretation: A Suggested Approach for Maximizing Value // Case Western Reserve University. 2010, December. 93 с.
6. Лубягина Д. В. Риск в гражданском праве: монография. — М.: Проспект, 2016. 64 с.
7. Code civil des Français. Journal officiel de la République française, URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // «Вестник ВАС РФ», N 5, май, 2014.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2019.

10. Vogenauer S. Interpretation of Contracts: Concluding Comparative Observations — Oxford University Press, 2007, May. С. 123–150.
11. Hutchison A. Relational theory, context and commercial common sense: views on contract interpretation and adjudication // The South African Law Journal, 2017, 134. С. 296–326.
12. Жмаева Е. С. Некоторые проблемы судебной практики при толковании условий предварительного договора // «Российский судья», 2019, N 6. С. 22–25.
13. Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, 2015. 242 с.
14. Определение ВС РФ № 305-ЭС19–27017 от 17.06.2020 по делу № А40–71817/2016 // КАД «Мой Арбитр».
15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.10.2025 по делу № А45–32792/2024 // КАД «Мой Арбитр».
16. Щетинкина М. Ю. Толкование судом гражданско-правовых договоров как основа реализации принципа свободы договора: некоторые проблемные аспекты // Юрист, 2009, N 2. С. 23–27.
17. Костикова А. В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // Арбитражные споры, 2006, № 2. // СПС Консультант-Плюс.
18. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. — СПб. Юридический центр Пресс», 2004. 576 с.
19. Дювернуа Н. Л. Пособие к лекциям по гражданскому праву. Выпуск 2. Обязательства. Часть общая (Отдел I) (в связи с замечаниями на Проект книги V Гражданского уложения). 149 с.
20. Гамбаров Ю. С. Курсъ гражданского права. Том I. Часть общая. — С-Пб. Типография М. М. Стасюлевича. 1911. 780 с.
21. Новицкий И. Б., Лунц, Л. А. Общее учение об обязательстве. — М.: Госюриздат, 1950. 416 с.
22. Степанюк Н. В. Принцип добросовестности при толковании гражданско-правового договора. // Законы России: опыт, анализ, практика, N 9, сентябрь 2010 // СПС «Гарант».
23. Степанюк Н. В. Толкование гражданско-правового договора. Проблемы теории и практики: монография. — М.: ИНФРА-М, 2022. 136 с.
24. Гражданское право: учебник. В 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., переработ. и дополн. Т. 3: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование — М.: Статут, 2011. 479 с.
25. Pothier R-J. Traité des obligations. T I. — Paris, 1821. 473 с.
26. Foriers P. A. La volonté unilatérale dans le contrat — Éditions du jeune barreau de Bruxelles, 2008. 499 с.
27. Renard C., Vieujean E., Hannequart Y. Théorie générale des obligations. La notion d'obligation la formation des contrats et la capacité des parties contractantes. Tome IV. — Bruxelles, 1957. 806 с.
28. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС24–24318 от 02.06.2025 по делу № А40–206328/2023 // КАД «Мой Арбитр».
29. Синайский В. И. Русское гражданское право. / В. И. Синайский. — Киев. 442 с.
30. Постановление Президиума ВАС РФ № 16378/08 от 09.04.2009 по делу № А40–13945/2006 // «КАД Арбитр».
31. UNIDROIT Principles of international commercial contracts 2016. International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). — Rome, 2016. 460 с.
32. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.01.2022 по делу № А51–11121/2020 // «КАД Арбитр».
33. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.01.2022 по делу № А60–16092/2021 // «КАД Арбитр».
34. Роор К. А. Виды эстоппелей в российском праве и праве стран англосаксонской правовой семьи // Журнал «Законодательство», 2018, N 1. // СПС «Гарант».
35. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.06.2025 по делу № А41–107978/2024 // «КАД Арбитр».
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2025 по делу № А41–107978/2024 // «КАД Арбитр».
37. Mehanna M. La prise en compte de l'intérêt du cocontractant. Thèse de doctorat en droit soutenue le 13 décembre 2014. — Université Panthéon-Assas école doctorale de droit privé. 540 с.
38. Бевзенко Р. С. Прекращение обязательства путем передачи отступного, момент возникновения права на недвижимость и толкование contra proferentem: Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ № 2504/14 от 10.06.14 // Закон. ру: Интернет-ресурс URL: https://zakon.ru/blog/2014/8/11/prekrashhenie_obyazatelstva_putem_peredachi_otstupnogomoment_vozniknoveniya_prava_na_nedvizhimost_i
39. Карапетов А. Г. Contra Proferentem как метод толкования договора // Вестник ВАС РФ, 2013, № 7. С. 6–35.
40. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.09.2025 по делу № А75–14070/2024 // «КАД Арбитр».

41. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2025 по делу № А45–42693/2024 // «КАД Арбитр».
42. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23–8962 от 18.10.2023 по делу № А40–33927/2022 // «КАД Арбитр».
43. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС21–22419 от 24.02.2022 по делу № А40–94872/2020 // «КАД Арбитр».
44. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС19–8124 от 29.08.2019 по делу № А40–199887/2018 // «КАД Арбитр».
45. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2020 по делу N А40–25358/2019 // «КАД Арбитр».

Проблемы банкротства физических лиц

Чаус Федор Юрьевич, студент магистратуры

Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих в процессе признания физического лица банкротом.

Рассматриваются правовые основы процедуры банкротства, экономические последствия для должника и кредиторов, а также психологические аспекты принятия решения о банкротстве. Анализируются основные причины возникновения задолженности среди населения и предлагаются меры по предотвращению кризисных ситуаций. Особое внимание уделяется российским реалиям и специфическим проблемам, характерным именно для нашей страны.

Введение

Банкротство физического лица является важной процедурой в правовой системе большинства стран мира. Она позволяет должнику избавиться от непосильных долговых обязательств, восстановить финансовую стабильность и начать новую жизнь. Однако процесс признания гражданина банкротом сопровождается рядом серьезных правовых, экономических и социальных трудностей, которые требуют детального изучения и анализа.

Согласно российскому законодательству, физическое лицо признается банкротом в случае невозможности исполнения денежных обязательств перед кредиторами. Процедура регулируется Федеральным законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и предусматривает ряд этапов: признание обоснованности требований кредитора, назначение арбитражного управляющего, реструктуризацию долгов либо реализацию имущества должника.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении основных проблем, препятствующих эффективному проведению процедур банкротства физических лиц, и разработке предложений по улучшению ситуации.

Правовые проблемы

Недостаточная информированность граждан

Одной из ключевых проблем является недостаточный уровень осведомленности населения о возможности признать себя банкротом. Многие граждане даже не подозревают о существовании подобной процедуры или боятся обращаться в суд из-за опасений негативных последствий. Между тем своевременное обращение за признанием банкротства может существенно облегчить финансовое положение должника и предотвратить дальнейшие негативные сценарии развития событий.

Сложность процесса подачи документов

Процедура подачи заявления о признании физического лица банкротом достаточно сложная и требует соблюдения множества формальных условий. Это создает дополнительные трудности для граждан, особенно тех, кто ранее не сталкивался с юридическими процедурами подобного уровня. Некоторые требования настолько запутаны, что вызывают сомнения относительно справедливости самого института банкротства.

Несовершенство судебной практики

Еще одной проблемой является отсутствие единообразия в судебной практике рассмотрения дел о банкротстве физических лиц. Различные суды применяют нормы закона неодинаково, что приводит к возникновению противоречивых решений и ухудшению качества правосудия.

Экономические проблемы

Высокая стоимость услуг юристов и арбитражных управляющих

Одним из препятствий на пути реализации права на банкротство являются высокие расходы на оплату юридических консультаций и услуги арбитражных управляющих. Для многих граждан сумма расходов становится неподъемной, вынуждая отказываться от обращения в суд. Таким образом, институт банкротства фактически оказывается доступным лишь ограниченному кругу лиц.

Отсутствие механизмов поддержки социально уязвимых групп населения

В России практически отсутствуют специальные программы помощи гражданам, находящимся в сложной финансовой ситуации. Государственные органы редко оказывают поддержку таким лицам, а общественные организации зачастую недостаточно эффективны. В ре-

зультате многие россияне оказываются предоставлены сами себе и вынуждены самостоятельно искать выход из кризиса.

Психологические проблемы

Признание собственного банкротства часто воспринимается гражданами негативно, вызывая чувство стыда и страха общественного осуждения. Люди предпочитают скрывать свое тяжелое материальное положение, надеясь на улучшение обстоятельств. Такое поведение приводит к усугублению финансового положения и увеличению общей суммы долга.

Кроме того, длительная судебная тяжба оказывает негативное влияние на психическое здоровье граждан, способствует развитию депрессии и тревожных расстройств. Необходимо создавать условия для снижения стресса и оказания психологической поддержки людям, столкнувшимся с финансовыми трудностями.

Предложения по совершенствованию системы банкротства физических лиц

Для повышения эффективности функционирования института банкротства физических лиц предлагается реализовать комплекс мер, направленных на устранение существующих недостатков:

1. Повышение информационной доступности — создание общедоступных ресурсов с подробными разъяснениями порядка подачи заявлений о банкротстве и особенностей самой процедуры.

2. Упрощение процессуальных норм — сокращение числа обязательных документов и упрощение порядка взаимодействия граждан с судом.

3. Поддержка финансово слабых слоев населения — разработка государственных программ субсидирования оплаты юридических услуг и привлечение волонтерских организаций для консультирования нуждающихся граждан.

4. Обучение судей и адвокатов — проведение регулярных семинаров и тренингов для повышения квалификации работников суда и представителей адвокатского сообщества.

5. Психологическая поддержка граждан — организация бесплатных консультационных центров и горячих линий для предоставления психологической помощи людям, оказавшимся в тяжелой финансовой ситуации.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие нормативно-правового акта, регулирующего процедуру банкротства физических лиц, практика показывает необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Совершенствование института банкротства позволит снизить социальную напряженность, уменьшить количество невозвратных кредитов и повысить доверие граждан к финансовым учреждениям. Важно помнить, что решение проблемы лежит не только в плоскости правового регулирования, но и в области социальной защиты и просвещения населения.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».
3. Давлетова Г. Р., Красильникова Е. В. Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя в рамках Федерального закона № 127-ФЗ // Юридический вестник Поволжского университета управления. 2020. Т. 8. № 2. С. 103–108.
4. Марков А. А. Банкротство физических лиц: проблемы и перспективы // Современное право. 2019. № 10. С. 56–61.
5. Скобелкин В. Н. Социальные и экономические последствия банкротства граждан // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1023–1035.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Громкие коррупционные дела XXI века: чем это обернулось для законодательства Российской Федерации

Байбародова Малика Сергеевна, студент

Научный руководитель: Шпак Алёна Алексеевна, преподаватель

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

В статье рассматриваются наиболее резонансные коррупционные дела XXI века в России и анализируется их воздействие на развитие антикоррупционного законодательства. Особое внимание уделено изменениям в правовых нормах и механизмах предотвращения коррупции, которые были инициированы в ответ на выявленные случаи.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, правовые реформы, Российская Федерация, борьба с коррупцией, правоприменение.

Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идёт в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела.

Шарль Луи де Монтескьё «О духе законов»

Коррупция неизменно остается одной из самых острых и социально опасных проблем для российского общества и государства. За первые десятилетия XXI века в России были раскрыты и получили широкий общественный резонанс несколько громких коррупционных дел, связанных с представителями высших органов власти и управленческого аппарата.

Данные преступления не только потрясли общественное мнение, но и показали необходимость реформирования правовых механизмов борьбы с коррупцией. Анализ судебных процессов и расследование выявил многочисленные пробелы и слабые места действующего законодательства, что в свою очередь стало стимулом к разработке и принятию новых норм и комплексных антикоррупционных мер. Настоящая статья направлена на рассмотрение и систематизацию последствий громких коррупционных дел XXI века для российского антикоррупционного законодательства, с акцентом на изменения, произошедшие в нормативной базе и практике применения.

За последние два десятилетия Россия стала свидетелем нескольких резонансных коррупционных дел, которые породил системные изменения в антикоррупционном законодательстве. В этой части рассмотрим конкретные дела и их влияние на правовую систему.

Дело В. Г. (2015–2019) губернатор Республики Коми В. Г. был обвинен в создании преступного сообщества и крупном мошенничестве при хищении государственного имущества, в частности акций ОАО «Птицефабрика Зеленецкая», получение взятки и отмывание денег. Масштаб по данному делу оценивается в причинении

ущерба региональному бюджету в 4,5 млрд рублей. Дело В. Г. продемонстрировало недостатки в контроле за региональными должностными лицами и послужило толчком к ужесточению требований к госслужащим, включая расширения антикоррупционных обязанностей и ответственности по Федеральному закону № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (2015 г.). Законодатели усилили контроль за доходами чиновников и механизмами конфликта интересов.

В момент совершения преступления В. Г. контроль за доходами и имуществом государственных служащих в России был основан преимущественно на их декларациях [9].

Конкретные изменения по контролю за доходами и имуществом государственных служащих в федеральном законодательстве РФ получили отражения в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» с дополнением статьей 8.2, введенной в 2024 году. Статья закрепляет контроль за законностью получения денежных средств должностными лицами и предусматривает обязательства по раскрытию всех источников доходов и активов [1].

Ранее, как уже отмечалось, контроль основывался на добровольных декларациях о доходах и имуществе, подаваемых чиновниками (статья 8 ФЗ-273), при этом возможности проверяющих органов были ограничены, отсутствовали прямые доступы к финансовой информации. Новая редакция закона (статья 8.2) установила, что уполномоченные органы имеют право получить достоверную информацию из банков, налоговых служб, депозитариев и иных структур, что позволяет проверить полноту

и своевременность представленных сведений и устанавливая законность источников доходов.

Также были введены механизмы ужесточения ответственности за предоставление недостоверных данных и усилены требований по выставлению и предотвращению конфликта интересов [1]. В частности, чиновники обязаны информировать органы прокуратуры о попытках коррупционного давления в срок до 5 рабочих дней, что фиксируется законодателем в Федеральном законе № 258-ФЗ от 13.06.2023 [3].

Изменения дополняют нормы статьи 19.7.3 КоАП РФ, предусматривающей взыскание за недостоверное декларирование имущества и доходов. Таким образом, законодательство прошло существенную эволюцию от декларативного контроля к системному, основанному на межведомственном обмене информацией и усиленной ответственности чиновников [4].

Следующим значимым примером в борьбе с коррупцией стало дело полковника МВД З., который возглавлял подразделение по борьбе с экономической преступностью. Его обвинили в систематическом получении взяток на общую сумму свыше 1,4 млрд рублей, что стало одним из крупнейших коррупционных скандалов в правоохранительной системе России за последние годы. Преступление с полковником Д. З. наглядно показало, что даже в структурах, предназначенных для борьбы с преступностью, могут существовать масштабные коррупционные схемы. Сам факт задержания высокопоставленного сотрудника антикоррупционного подразделения и последовавшая уголовная проверка с большим перечнем изъятых активов резко усилили общественный запрос на прозрачность расследований и механизмы контроля за силовыми структурами. По итогам расследования значительная часть конфискованных средств была перечислена в бюджет, что подчёркивало практический эффект таких дел.

Судебные решения по делу, включая приговор 2019 года, а также последовавшие разбирательства по обращению в доход государства имущества, стимулировали активное обсуждение правоприменительных инструментов — от практики изъятия и обращения имущества до вопросов процессуальной защиты и проверки легитимности источников доходов близких фигурантов. В частности, правоприменительная практика вокруг конфискации у близких лиц вызвала обращение в Конституционный суд и ряд юридических разъяснений, которые в дальнейшем стали ориентироваться для судов и следственных органов при рассмотрении похожих дел.

Так, жалобы в Конституционный суд по делу З. касались прежде всего законности и порядка изъятия и обращения в доход государства имущества, обнаруженного у родственников и знакомых фигуранта, а также соответствия примененных норм Конституции РФ.

Ключевые мотивы, приведённые Конституционным Судом при отказе в принятии жалоб к рассмотрению, формулируются однозначно: оспариваемые нормы рас-

сматриваются Судом как часть нормативного механизма государственного контроля за имущественным положением лиц, выполняющих публичные функции, и как законодательство установленные специальные меры, направленные на профилактику коррупции. Оценка же законности и обоснованности конкретных правоприменительных решений (включая установление фактических обстоятельств дела и проверку выводов судов нижестоящих инстанций) не входит в предмет конституционно-правовой проверки при процедуре приёма жалобы. В решениях подчёркнуто, что формальные процессуальные основания для отказа соблюдены.

В совокупности дело полковника МВД З. послужило катализатором не столько для принятия одной отдельной федеральной нормы, сколько для корректировок практики контроля, усиления внутренней дисциплины в правоохранительных органах и для законопроектных инициатив, нацеленных на совершенствование механизмов выявления незаконного обращения конфискованного имущества. Громкие коррупционные процессы способны менять не только публичные восприятия, но и правоприменительные приоритеты, порождая запрос на системные изменения в антикоррупционной системе.

В заключении следует подчеркнуть, что громкие антикоррупционные процессы XXI века выступили не столько источником одномоментных, новел законодателя, сколько мощным толчком к системным изменениям в правоприменительной практике, в институциональном поведении контролёров и в общественно-политическом запросе на прозрачность и ответственность. Параллельно укреплялись механизмы регулирования закупочной деятельности и учёта распоряжений государственным имуществом. Цифровизация закупок и обязательное размещение данных в ЕИС сделали возможным более оперативный и документально обоснованный надзор.

Следует так же отметить, что резонансные антикоррупционные процессы оказали заметное воздействие не только на юридическую систему, но и на общественное сознание, эффект, часто недооцениваемый при часто юридическом анализе. Публичность дел, демонстративность изъятий и громкие судебные слушания трансформировали частные правоприменительные процедуры в предмет широкого общественного обсуждения: СМИ и социальные сети выступили не только ретрансляторами фактов, но и площадками для моральной оценки действий власти. В общественном дискурсе такие процессы фиксировались как символы «борьбы с бедностью», способствовали усилению требований к прозрачности и подотчётности, а также формировали высокий запрос на институциональные изменения.

Одновременно эффект «прецедента» проявился и в поведенческой плоскости чиновничьего сообщества: страх публичного разоблачения и риск репетиционных потерь подталкивали многих должностных лиц к более осторожному, документированному принятию решений и к избежанию сомнительных сделок. Наблюдаемое сдер-

живание носит как положительный аспект, такой как, повышение уровня осторожности и формализации процедур, так и риск парадоксального «удушения» управленческой инициативы, когда чрезмерная осторожность препятствует оперативному принятию решений [10].

Подводя итог можно сказать про то, что важнейшими выводами для законодателя и практики остаются следующие:

- дальнейшей кодификации и упрощения процедур конфискации и обращения имущества с ясными стандартами доказанности;
- улучшение межведомственной кооперации при анализе сложных имущественных схем;

- развитие аналитических и цифровых инструментов для превентивного контроля и эффективного прослеживания цепочек распоряжений;
- гарантирование процессуальных прав при принятии мер, затрагивающих имущественные права третьих лиц.

Общество, в свою очередь, должно сохранить требовательность к открытости и независимому контролю, не допуская при этом политизации правосудия. Только комплексный, взвешенный подход позволит превратить уроки резонансных дел их эпизодических шоков в долгосрочное укрепление правовой культуры и государственного управления.

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — Ст. 8.
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.04.2013.
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарченко Дмитрия Викторовича», «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц их доходам» и «О прокуратуре Российской Федерации» от 24.10.2019 № 2949-О // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Уголовное дело Александра Хорошавина // Российская газета URL: <https://rg.ru/sujet/5784> (дата обращения: 27.10.2025).
7. «Полковник-миллиардер» Захарченко получил 13 лет колонии // РБК URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 25.10.2025).
8. Дело Вячеслава Гайзера // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/story/180> (дата обращения: 24.10.2025).
9. Волков П. С Коррупционные дела XXI века: анализ и правовые последствия. — 1-е изд. — М.: Юридическая литература, 2018. — 320 с.
10. Морозов К. Л Законодательное обеспечение противодействия коррупции. — 1-е изд. — М.: КонсультантПлюс, 2019. — 240 с.

Коррупция в сфере высшего образования

Паньшина Ульяна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Шпак Алёна Алексеевна, преподаватель

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

В представленной статье рассматривается феномен коррупции, выступающий барьером для развития образовательной сферы и общества в целом. Проводится анализ детерминантов, способствующих распространению коррупционных практик в академической среде, и формулируются предложения по минимизации данных рисков.

Ключевые слова: коррупция, высшее образование, взятка.

Коррупционные проявления в системе высшего образования — серьезный вызов для современного общества, разрушающий фундаментальные основы интеллектуального и социально-экономического развития

страны. Исследование таких проявлений актуально ввиду ключевой роли образования в формировании личности. Коррупционные механизмы, действующие в системе высшего учебного звена искажают правосознание студентов,

развивают готовность к противоправным действиям ради мгновенной личной выгоды. Наиболее опасным последствием является нормализация коррупционного поведения, его интеграция в повседневность. В результате образование утрачивает основное предназначение, выпускная специализация с сомнительным уровнем знаний и навыков, что сказывается на качестве труда, инновационном потенциале и международной конкурентоспособности государства. Как справедливо отмечает И. П. Воронцова, пройдя «школу коррупции» в стенах учебного заведения, студент транслирует приобретенный опыт во «взрослую» жизнь, воспроизводя коррупционную среду на макроуровне [1, с. 18].

В примечании к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации раскрывается понятие должностного лица, к которому могут быть отнесены руководители образовательных организаций [2]. Именно они часто становятся фигурантами уголовных дел о получении взятки.

Ярким примером выступает дело ректора Уральского государственного университета физической культуры в Челябинской области. С сентября 2023 по апрель 2024 года он получил от студента 20 тысяч рублей за фиктивное занесение отметок в ведомость. В июне 2024 года ректор вступил в сговор с ещё одним студентом, пообещав поставить «отлично» за экзамены, несмотря на отсутствие факта сдачи материалов и посещение лекций, что должно было продолжаться до завершения обучения последнего в вузе. Взятка уже составляла 200 тысяч рублей [3].

Резонансным случаем стало обвинение Генпрокуратурой бывшего ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в растрате свыше 74 миллионов рублей бюджетных средств, которые направлялись на аренду элитного жилья и зарубежные поездки. Было установлено, что ректор брал кредиты на сумму около 813,6 миллиона рублей, используя имущество университета в качестве залога, а полученные средства использовал для приобретения недвижимости в Монако и Эстонии. Ректор занимал должность с 1991 года и был отстранен 25 сентября 2025 года [4].

Ещё одним примером коррупции в сфере высшего образования служит ситуация против преподавателя одного из вузов Омска. По данным следствия, обвиняемый в период с октября 2021 по октябрь 2022 года получил от студентов около 330 тысяч рублей за выставление положительных оценок при их фактическом отсутствии на экзамене. Обвинение выдвинуто по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за получение взятки должностным лицом (статья 290 УК РФ) и мелкое взяточничество (статья 291.2 УК РФ) [5].

Помимо уголовного законодательства, ответственность за коррупционную деятельность предусмотрена и другими отраслями права. Административное право предполагает привлечение юридических лиц, включая сами учебные заведения, к ответственности по статье 19.28 Кодекса об административных правонарушениях

Российской Федерации (Незаконное вознаграждение от имени юридического лица) [6].

Статья 575 Гражданского кодекса Российской Федерации запрещает подарки стоимостью больше трёх тысяч рублей работникам образовательных учреждений [7]. Сложившаяся традиция дарения преподавателям цветов, конфет или алкоголя воспринимается обществом как норма, однако грань между подарком и взяткой определяется наличием корыстной цели. Как подчеркивает адвокат Ирина Литвинова, взятка — материальные или нематериальные ценности, полученные за действия или бездействие, которые взяткополучатель не должен совершать в силу закона и служебного положения [8].

Трудовое законодательство предусматривает дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения за утрату доверия (пункт 7.1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации) [9].

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ раскрывает понятие «противодействие коррупции» как комплексную деятельность, которая осуществляется широким кругом субъектов — от федеральных органов власти до организаций и частных лиц — в рамках установленных полномочий. Сущность деятельности заключается в профилактике коррупции, активной борьбе с ней, минимизации последствий и устранении ущерба коррупционных деяний [10].

Предупреждение коррупции подразумевает исследование предпосылок её возникновения. Низкие заработные платы преподавателей, не отвечающие их ответственности и нагрузке, создают соблазн искать незаконные доходы и ширмой для преступлений становится слабый внутренний контроль. Разрушение устоев классического образования ведет к формированию у населения равнодушия относительно качества самого образовательного процесса. Цель студента смещается с освоения профессии на формальное получение диплома. По мнению А. В. Сычевой, именно безразличие является основным катализатором распространения коррупции в высшей школе [11].

С 1 января 2013 года образовательные организации обязаны активно противодействовать коррупции, следуя требованиям статьи 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» [10]. Обязанность реализуется через совокупность мероприятий по назначению ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, формированию кодексов этики и служебного поведения, разрешению конфликтов интересов и недопущению использования поддельных документов.

Коррупционный риск — вероятность возникновения коррупционных отношений и наступления связанных с ними негативных последствий [1, с. 63]. Уникальность каждой образовательной структуры порождает специфические риски. Следовательно, эффективная антикоррупционная работа требует не шаблонных решений, а гибкой, персонализированной стратегии, нацеленной

как на предупреждение, так и на быстрое устранение последствий правонарушений. В числе действенных мер можно предложить:

- 1) разработку карты коррупционных рисков, которая позволит провести внутренний аудит и сформировать адресную программу профилактики;
- 2) повышение прозрачности процедур поступления, сессии, распределения финансовых ресурсов за счет создания открытых электронных рейтингов преподавателей и учебных программ, публикации детальной финансовой отчетности, онлайн-трансляций защиты дипломных работ и диссертаций;

- 3) организацию просветительских мероприятий для осведомленности общественности, студентов, преподавателей и персонала о мерах противодействия коррупции;
- 4) создание независимого пункта приема сообщений или горячей линии о случаях противоправной деятельности, которые будут гарантировать полную конфиденциальность информаторов.

Только совместными усилиями государства, общества и самих образовательных учреждений можно искоренить коррупцию и обеспечить высокое качество образования для будущих поколений.

Литература:

1. Воронцова, И. П. Методика разработки коррупциогенной карты рабочего места руководителя образовательной организации / И. П. Воронцова, С. Д. Красноусов, В. В. Терешкова, Н. В. Хлонова. — Красноярск, 2015.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63 — ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891%20&page=all&ysclid=mh3p88va6o224336350> (дата обращения: 4.10.2025).
3. В Челябинске суд продлил домашний арест и. о. ректора университета [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20250925/sud-2044290542.html?ysclid=mgkavcp0yu13263924> (дата обращения: 6.10.2025).
4. Суд изъят университет профсоюзов из-за обогащения ректора Запесоцкого [Электронный ресурс] // Радио РБК URL: <https://clck.ru/3PuNmW> (дата обращения: 19.10.2025).
5. Платные пятёрки. Пожилого педагога ОмГТУ обвинили в получении взяток на 300 тысяч [Электронный ресурс] // Город55 URL: <https://clck.ru/3PuNtM> (дата обращения: 5.10.2025).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51 — ФЗ // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. «Родители подарили члену комиссии частный вертолет»: реальные истории о взятках в вузах [Электронный ресурс] // МЕЛ URL: <https://clck.ru/3PuNyx> (дата обращения: 5.10.2025).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 N 197-ФЗ // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ URL: <https://clck.ru/3PuP3R> (дата обращения: 10.10.2025).
10. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <https://clck.ru/3PuNaX> (дата обращения: 4.10.2025).
11. Сычева А. В. Коррупция в сфере высшего образования: коррозия правосознания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 4. URL: <https://clck.ru/3PuP6p> (дата обращения: 21.10.2025).

Защита конституционных прав гражданина мерами уголовно-правового характера

Ринская Юлия Дмитриевна, студент

Московский университет «Синергия»

В статье рассмотрим цели и механизмы уголовно-правовой защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Проведен анализ норм главы 19 УК РФ, отдельные положения Конституции РФ и позиции высших судов. Показано, что уголовное право выполняет «охранительную» функцию не только через установление составов преступлений, но и через процессуальные гарантии (право на защиту, судебный контроль за ограничением прав), что подтверждается правовыми позициями Конституционного Суда РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Приведены ориентиры квалификации по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни, жилища, тайны связи, а также об ограничении избирательных и трудовых прав.

Введение

Статья 2 Конституции РФ закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанность государства. Уголовное право выступает одной из ключевых гарантий такой защиты: оно криминализует наиболее опасные посягательства на свободы личности, а уголовный процесс обеспечивает баланс публичных интересов и индивидуальных прав (ст. 45, 46, 52 Конституции РФ). Материальная и процессуальная функции находят выражение, во-первых, в специальных составах преступлений против конституционных прав и свобод (гл. 19 УК РФ), а во-вторых, в правовых позициях высших судов, устанавливающих стандарты допустимого ограничения прав при расследовании и рассмотрении уголовных дел (пример: системный перечень статей гл. 19 УК РФ: ст. 136–149.1 (в т. ч. ст. 137, 138, 139, 140, 141, 145, 145.1 и др.) consultant.ru

1. Материальные основания уголовно-правовой защиты: глава 19 УК РФ

Глава 19 УК РФ конструирует особую группу деяний, прямо направленных против конституционных прав личности: неприкосновенность частной жизни (ст. 137), тайна переписки и иных сообщений (ст. 138), неприкосновенность жилища (ст. 139), право на информацию (ст. 140), избирательные права (ст. 141, 142.1), свобода совести и вероисповедания (ст. 148), трудовые права (ст. 145, 145.1), и др. Их выделение в отдельную главу отражает приоритет конституционных ценностей и служит ориентиром для дифференциации уголовной ответственности. Научные обзоры подчёркивают, что объектом посягательства здесь выступают именно конституционные блага, что обуславливает более строгие требования к доказыванию «противоправности» вмешательства и отсутствия законных оснований для ограничения права.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 25.12.2018 № 46 дал системные разъяснения по применению норм главы 19 УК РФ и сделал акцент на критерии разграничения смежных составов, вопросы соучастия, квалифицирующие признаки, а также требования к доказательствам по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни, тайны связи и жилища.

Например, по ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища). Верховный Суд разъяснил, что уголовная ответственность наступает за **любое** незаконное проникновение в жилище, совершенное **против воли** проживающего лица при отсутствии законных оснований для ограничения права (п. 10–11 Постановления № 46). Судебные подборки и разъяснения указывают и на охват встроенных и вспомогательных помещений (веранда, чердак, встроенный гараж). [7]

2. Процессуальные гарантии как элемент уголовно-правовой защиты

Охрана конституционных прав в уголовном праве невозможна без процессуальных гарантий. Особое и важное значение имеет правовая позиция Конституционного

Суда РФ в «деле Маслова»: **Постановление КС РФ от 27.06.2000 № 11-П** признало, что лицо, в отношении которого проводятся процессуальные действия, имеет право на защитника **с момента фактического возникновения угрозы обвинения**, а не только с формального статуса подозреваемого/обвиняемого (ч. 1 ст. 47, ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР — в проверке; позиция сохраняет значение и для действующего УПК). Это решение заложило стандарт реальной, а не формальной обеспеченности права на защиту. [3]

Другой фундаментальный блок касается судебного контроля за ограничением прав. **Постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П** подтвердило требования законности, соразмерности и судебной проверки при применении мер процессуального принуждения, подчеркивая исключительность содержания под стражей и необходимость строгого соблюдения сроков задержания (в связке со ст. 22, 46 Конституции РФ).

Эти подходы связываются с материальными нормами: незаконное вмешательство органов власти в жилище, частную жизнь, тайну связи или трудовую сферу при отсутствии должного судебного контроля и процессуальных гарантий не только влечёт недопустимость доказательств, но и само по себе может образовывать состав преступления (например, превышение полномочий, незаконное ограничение прав). Системное толкование подтверждается и обзорами практики, где подчёркивается обязанность государства защищать права как участников процесса, так и иных лиц, чьи права затрагиваются действиями по проверке сообщений о преступлении (право знакомиться с материалами проверки и обжаловать решения об отказе в возбуждении дела).

3. Ориентиры квалификации и доказывания (на примерах)

3.1. Неприкосновенность жилища (ст. 139 УК РФ)

Для состава требуется **факт незаконного проникновения** (включая вход в жилые и некоторые вспомогательные помещения), **действие против воли** проживающего и отсутствие законных оснований (судебного решения, процессуальной санкции и т. п.). Суды кассационных инстанций стабильно поддерживают приговоры, если доказано осознание виновным нарушения права и игнорирование требований покинуть жилище. Практика показывает допустимость необходимой обороны жилища против «незваного гостя».

3.2. Тайна связи и частная жизнь (ст. 138, 137 УК РФ)

По делам о ст. 138 УК РФ квалификационно значимы способы получения и использования сведений, а также наличие/отсутствие согласия лица и законных оснований (оперативно-розыскные мероприятия, судебные санкции). Пленум № 46 уточнил рамки охраны тайны **всех** сообщений (телефонные переговоры, электронные письма, мессенджеры и т. п.), что особенно важно при оценке цифровых доказательств и технологических средств. По ст. 137 УК РФ суды обращают внимание на объём сведений о личной жизни, режим их охраны и последствия разглашения. [5]

3.3. Избирательные и трудовые права (ст. 141, 145, 145.1 УК РФ)

По спорам о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав (ст. 141) судам надлежит проверять публичную опасность и целенаправленность ограничений, а по делам о невыплате заработной платы (ст. 145.1) — реальность задолженности, форму вины руководителя и меры по восстановлению права. Общие методические ориентиры даёт **Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19** о гуманизме и справедливости при освобождении от уголовной ответственности, применимое и к составам гл. 19 (например, при активном заглаживании вреда и добровольном восстановлении нарушенного права). [9]

4. Баланс частного и публичного интереса: пределы допустимого вмешательства

Защищая права потенциальных потерпевших от преступлений, государство обязано **строго ограничивать** вмешательство в права лиц, вовлечённых в уголовное преследование. Отсюда — ключевые «предохранители»: своевременный доступ к защитнику (стандарт № 11-П), судебный контроль за мерами принуждения (стандарт № 13-П), соблюдение сроков задержания (48 часов) и не-

обходимость судебного решения для ареста, что прямо вытекает из конституционных положений и разъясняется в официальных материалах КС РФ. Нарушение этих требований влечёт как процессуальные последствия (признание доказательств недопустимыми), так и материально-правовые риски (ответственность за превышение полномочий и незаконное ограничение прав). [4,11]

Заключение

Уголовно-правовая защита конституционных прав гражданина в РФ опирается на тесную связку **материальных** норм (глава 19 УК РФ) и **процессуальных** гарантий (конституционные стандарты и судебный контроль). Позиции Конституционного Суда РФ (№ 11-П от 27.06.2000; № 13-П от 29.06.2004) и Пленума Верховного Суда РФ (№ 46 от 25.12.2018; № 19 от 27.06.2013) формируют устойчивые ориентиры для правоохранительной и судебной практики: реальность права на защиту, строгая соразмерность ограничений, приоритет охраны частной жизни, жилища и тайны связи, а также восстановление нарушенных трудовых и избирательных прав. Эти ориентиры следует учитывать и при совершенствовании законодательства, и при повседневной правоприменительной деятельности.

Литература:

1. Конституция РФ (основы гарантий прав: ст. 2, 17–19, 21–23, 45–46, 52).
2. УК РФ, глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»: системный перечень статей. consultant.ru
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П (дело Маслова) — о праве на защитника с момента фактического возникновения угрозы обвинения. consultant.ru+2base.garant.ru+2
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П — о конституционных стандартах мер процессуального принуждения и судебного контроля. Официальные публикации. consultant.ru+1
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» — ключевые разъяснения по квалификации ст. 137, 138, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ. consultant.ru
6. Подборки и разъяснения по ст. 139 УК РФ: незаконное проникновение в жилище (в т. ч. охват вспомогательных помещений); примеры практики кассационных судов. consultant.ru+1
7. Обзор и новостные разъяснения Верховного Суда по делам о защите неприкосновенности жилища и частной жизни (по материалам адвокатского сообщества). advgazeta.ru
8. Обзор и аналитические материалы КС РФ/официальные разъяснения по правам на свободу и личную неприкосновенность, в т. ч. пределы задержания (48 часов) и судебный контроль. ksrf.ru
9. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» — общие гуманистические ориентиры. vsrf.ru+2base.garant.ru+2
10. Дополнительные научные публикации по главе 19 УК РФ (для углублённого анализа): Ростокинский А. В. и др.; Хохлова О. М.
11. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Медиация и восстановительное правосудие в делах, связанных с домашним насилием

Бачурина Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сундуrowa Оксана Федоровна, кандидат юридических наук, доцент

Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань)

В статье рассматриваются правовые, этические и виктимологические аспекты применения процедур медиации и восстановительного правосудия в делах, связанных с домашним насилием. Раскрываются теоретические основы этих институтов, анализируется их соотношение с уголовно-процессуальными механизмами примирения сторон, выявляются риски и ограничения.

Особое внимание уделено зарубежному опыту и возможностям его адаптации в российскую практику, а также формулируется концепция безопасной восстановительной медиации, включающая оценку рисков, участие специалистов и постконтроль исполнения соглашений.

Автор приходит к выводу, что внедрение восстановительных практик в сферу борьбы с домашним насилием возможно лишь при наличии законодательных гарантий защиты жертв, профессиональной подготовки медиаторов и системной государственной политики профилактики.

Ключевые слова: медиация, восстановительное правосудие, домашнее насилие, виктимология, защита жертв, гуманизация уголовного права.

Mediation and restorative justice in domestic violence cases

The article examines the theoretical and legal foundations of mediation and restorative justice in domestic violence cases. It analyzes the legal framework, victimological limitations, and the risks associated with applying restorative practices in criminal proceedings. The paper emphasizes that mediation in such cases should be possible only under strict guarantees of safety and voluntariness. International experience (Canada, New Zealand, Norway) demonstrates that restorative approaches may be effective if they prioritize victim protection and are carried out by specially trained professionals. The author proposes a model of «safe restorative mediation,» which includes risk assessment, psychological support, and post-agreement supervision.

The implementation of restorative justice in Russia aligns with the goals of criminal policy humanization and the protection of human rights, fostering social rehabilitation and preventing recidivism.

Keywords: mediation, restorative justice, domestic violence, reconciliation, victim protection, criminal law.

Введение

Проблема домашнего насилия остаётся одной из наиболее сложных и острых для современного российского общества. Несмотря на растущее внимание государства и общественности, в российском законодательстве до сих пор отсутствует чёткое определение понятия «домашнее насилие», а механизм защиты жертв фрагментарен.

В условиях гуманизации уголовной политики, а также поиска альтернативных форм разрешения конфликтов, возрастающий интерес вызывает применение **восстановительного правосудия и процедур медиации**. Эти институты направлены не только на урегулирование

конфликта, но и на восстановление справедливости, возмещение причинённого вреда и предотвращение новых актов насилия.

Тем не менее использование медиации в делах о домашнем насилии вызывает дискуссии в научных и правоприменительных кругах, требуя глубокого анализа как с правовой, так и с этической точки зрения.

1. Теоретические основы медиации и восстановительного правосудия

Медиация — это добровольная и конфиденциальная процедура урегулирования спора при содействии независимого посредника (медиатора), цель которой — достижение взаимоприемлемого решения. Восстановительное

правосудие, в свою очередь, представляет собой систему, направленную на **восстановление нарушенных социальных связей**, возмещение вреда и примирение сторон.

Главное отличие восстановительного подхода от традиционного уголовного заключается в том, что он рассматривает преступление не как простое нарушение закона, а как **ущерб, нанесённый конкретной личности и обществу**. При этом ключевыми элементами становятся признание ответственности правонарушителем, активное участие жертвы и восстановление социальной справедливости.

2. Правовой анализ и противоречия законодательства

Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» регулирует медиацию в гражданско-правовой и арбитражной сферах, не предусматривая её применение в уголовном процессе.

В то же время статьи 25 УПК РФ и 76 УК РФ позволяют прекращение уголовных дел за примирением сторон, что по сути является упрощённой формой восстановительного подхода, но без участия профессионального медиатора и без психологической защиты жертвы.

Основная проблема заключается в отсутствии правового механизма, позволяющего применять медиацию **в уголовных делах, связанных с насилием**, где требуется особая оценка рисков и баланс интересов сторон. Отсутствие определения «домашнего насилия» в Уголовном кодексе также затрудняет единообразное применение норм и снижает эффективность профилактики.

3. Эмпирические данные и судебная практика

Согласно материалам порталов sudact.ru и ГАС «Правосудие», по делам о побоях и угрозах убийством (ст. 116.1, 119 УК РФ) более 30% дел прекращаются за примирением сторон. Однако, по данным общественных организаций, в ряде случаев примирение происходит под давлением семьи или самого агрессора, что делает его **формальным актом**, а не проявлением осознанного согласия.

Таким образом, практика показывает, что существующий механизм примирения без участия независимого посредника не обеспечивает безопасности жертвы и не способствует реальному восстановлению справедливости. Это подтверждает необходимость институционализации восстановительного подхода с соблюдением специальных гарантий.

4. Виктимологические ограничения применения восстановительных практик

Виктимологический аспект играет решающую роль при анализе допустимости медиации в делах о домашнем насилии. Потерпевшие часто находятся в состоянии эмоциональной зависимости, испытывают чувство страха и вины, что делает невозможным подлинно добровольное участие.

Кроме того, проведение примирительных процедур может вызвать **вторичную виктимизацию** — повторное

травмирование жертвы, особенно при отсутствии поддержки со стороны специалистов.

В этой связи обязательным условием проведения медиации должно быть:

- участие **психолога и виктимолога**, оценивающих психологическое состояние жертвы;
- обеспечение **права на отказ от процедуры** в любой момент;
- **конфиденциальность** и гарантия отсутствия давления со стороны агрессора или его окружения.

5. Международный опыт и правовые стандарты

В зарубежной практике восстановительное правосудие активно применяется, но строго ограничено в делах, связанных с насилием.

В Канаде, Норвегии и Новой Зеландии действуют программы *Restorative Circles* и *Family Group Conferences*, где участие жертвы является полностью добровольным и обеспечивается присутствием психологов и социальных работников.

Стамбульская конвенция Совета Европы (2011 г.) провозглашает принцип «первенства безопасности жертвы» (*victim safety first*), согласно которому любые восстановительные процедуры возможны лишь при полном исключении риска повторного насилия.

Эти принципы могут служить ориентиром для формирования российской модели безопасной медиации.

6. Концепция безопасной восстановительной медиации

На основе анализа правовых и практических аспектов автор предлагает **концепцию безопасной восстановительной медиации**, включающую следующие элементы:

1. **Предварительная оценка рисков** специалистами (психолог, медиатор, сотрудник соцслужбы).
2. **Письменное информированное согласие** жертвы на участие.
3. **Участие только сертифицированных медиаторов**, прошедших подготовку по вопросам насилия и виктимологии.
4. **Присутствие независимого психолога** во время процедуры.
5. **Постконтроль** за исполнением соглашения со стороны суда и органов профилактики.
6. **Гарантированное право на отказ** от участия на любом этапе.

Такая модель сочетает гуманистические цели восстановительного правосудия с приоритетом безопасности личности и защиты прав потерпевшего.

7. Перспективы развития законодательства и практики

Для внедрения восстановительного подхода в российскую правовую систему необходимо:

- принять **федеральный закон о профилактике семейно-бытового насилия**;
- развивать **региональные центры восстановительного правосудия**;
- внедрить **систему сертификации медиаторов** и программ профессиональной переподготовки;

- обеспечить **межведомственное взаимодействие** органов внутренних дел, социальной защиты и судебных структур;
- развивать **научно-методическое сопровождение** медиации при семейных конфликтах.

Эти шаги позволят адаптировать международные стандарты к российским условиям и создать устойчивый механизм профилактики домашнего насилия.

8. Роль восстановительного правосудия в гуманизации уголовной политики

Восстановительное правосудие соответствует принципам российского уголовного закона — справедливости, гуманизма, индивидуализации ответственности. Его применение в делах о домашнем насилии может способствовать:

- укреплению доверия к судебной системе;
- снижению рецидивной преступности;
- социальной реабилитации правонарушителей;
- восстановлению общественных связей и профилактике конфликтов.

Таким образом, восстановительное правосудие выступает не как альтернатива наказанию, а как его **человекоориентированное дополнение**, направленное на восстановление разрушенных отношений и предотвращение дальнейшего насилия.

Заключение

Медиация и восстановительное правосудие представляют собой перспективные направления развития уголовно-правовой политики России. Однако их внедрение в делах, связанных с домашним насилием, требует особых гарантий безопасности, профессиональной подготовки медиаторов и законодательного закрепления процедур.

Главная цель восстановительного подхода — не примирение любой ценой, а **восстановление справедливости, защита жертвы и предотвращение повторного насилия**. Развитие таких практик станет шагом к построению правового государства, в котором ценность человеческой жизни и достоинства стоит выше формального наказания.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Конвенция Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия (Стамбульская конвенция), Стамбул, 11 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rm.coe.int/1680462543>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Положения Конституции Сингапура 1963 года о правительстве страны (общий обзор)

Шаханин Владислав Александрович, преподаватель

Анапский сельскохозяйственный техникум (Краснодарский край)

В данной статье рассматриваются наиболее важные положения Конституции Сингапура 1963 г. о Правительстве страны. Дополнительная информация к основному тексту статьи содержит перечисление президентов и премьер-министров Сингапура в форме двух таблиц.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Сингапур, конституционное право, конституция, высшие органы государственной власти, исполнительная власть, глава государства, президент, правительство, кабинет, премьер-министр, министры.

Исходя из положений Конституции Сингапура 1963 г. [2], Правительство включает в себя две составные части:

- 1) Президента — главу государства;
- 2) Исполнительную власть, носителем которой является Президент; однако осуществлять исполнительную власть могут не только Президент, но и Кабинет, уполномоченные министры и другие лица по указанию Легислатуры.

Президент. Президент Сингапура является главой государства. Кроме того, его функцией является сохранение резервов Сингапура и целостности публичных служб Сингапура. Президент может осуществлять такие другие полномочия и выполнять такие другие функции, какие возложены на него Конституцией и любым другим писаным законом (ст. 17).

Выборы Президента. Президент избирается гражданами Сингапура в соответствии с любым законом, принятым Легислатурой (п. 1 ст. 17А).

Срок полномочий. Президент занимает должность в течение 6 лет со дня вступления в должность (п. 1 ст. 20).

Порядок выполнения функций Президента. За исключением того, что предусмотрено Конституцией, Президент, при осуществлении функций согласно Конституции или любого другого письменного закона, действует в соответствии с рекомендацией Кабинета или министра, действующего согласно общей власти Кабинета. Президент может действовать по своему усмотрению при выполнении следующих функций (в дополнение к тому, что указано в других положениях Конституции):

- назначение премьер-министра в соответствии со ст. 25;
- отказ в даче согласия на запрос о роспуске Парламента (п. 1, 2 ст. 21).

Назначение публичных служащих. Несмотря на любое другое положение Конституции, Президент, действуя по своему усмотрению, может отказаться провозвести назначение на любую из следующих должностей или отозвать любое такое назначение, если он не согласен с советом или рекомендацией органа, по совету или рекомендации которого он, в силу такого другого положения Конституции или любого другого писаного закона, действует:

- главный судья, судьи Верховного суда, а также судебные уполномоченные, старшие судьи и международные судьи Верховного суда;
- Генеральный прокурор;
- председатель и члены Президентского совета по правам меньшинств;
- председатель и члены Президентского совета по религиозной гармонии, учрежденного на основании Закона о поддержании религиозной гармонии (глава 167А);
- председатель и члены консультативного совета, учрежденного в целях ст. 151;
- председатель и члены Комиссии по публичной службе, а также члены органа по персоналу, учрежденного на основании ст. 110D для осуществления любого полномочия в отношении должностных лиц Дивизиона I;
- член Комиссии по юридической службе, кроме назначенного по должности члена, указанного в пп. (а), (b), (с) п. 2 ст. 111, а также члены органа по персоналу, учрежденного на основании ст. 111АА;
- Главный оценщик;
- Генеральный аудитор;
- Генеральный бухгалтер;
- Глава Оборонительных сил;
- главы Воздушных сил, Армии и Флота;

- член (кроме члена по должности) Совета Вооруженных сил, учрежденного на основании Закона о Вооруженных силах Сингапура (глава 295);
- Уполномоченный полиции;
- Директор Бюро по расследованию коррупционной деятельности (п. 1 ст. 22).

Право Президента отказаться от одобрения некоторых законопроектов. Президент может, действуя по своему усмотрению, в письменной форме отказаться одобрить любой законопроект (кроме законопроекта, содержащего поправку к Конституции), если законопроект или любое положение его предусматривает, прямо или косвенно, обход или ограничение дискреционных полномочий, предоставленных Президенту Конституцией (п. 1 ст. 22Н).

Президент, действуя в соответствии с советом Кабинета, может согласно ст. 100 (и до или после того, как его одобрение законопроекта было отозвано согласно п. 1 ст. 22Н) обратиться к трибуналу для получения его мнения по вопросу о том, предусматривает ли законопроект или любое его положение, прямо или косвенно, обход или ограничение дискреционных полномочий, предоставленных Президенту Конституцией (п. 2 ст. 22Н).

Если трибунал придет к выводу, что обхода или ограничений дискреционных полномочий нет, законопроект считается одобренным на следующий день после оглашения мнения трибунала на открытом судебном заседании (п. 3 ст. 22Н).

Иммуниет Президента от судебного преследования. За исключением случаев, предусмотренных в п. (4) ст. 22К, Президент не подлежит судебному преследованию в любом суде в связи с каким-либо действием или бездействием, совершенным им при исполнении своих официальных обязанностей.

Ни одна процедура, ни в одном суде относительно любого действия или бездействия, совершенного Президентом в рамках его личной правоспособности, не может быть возбуждена против него в течение срока его полномочий.

В случаях, когда законом предусмотрены ограничения на срок, в течение которого против любого лица может быть возбуждено судебное преследование, период времени, в течение которого такое лицо занимает должность Президента, не учитывается при исчислении срока, установленного этим законом.

Иммуниет не распространяется на:

- любое расследование, проводимое трибуналом в соответствии с резолюцией, принятой Парламентом в соответствии со статьей 22L; или
- любое разбирательство, проводимое судьей по выборам в соответствии со статьей 93А, для определения действительности любых президентских выборов (ст. 22К).

Вакантность и отстранение от должности Президента. Должность Президента становится вакантной:

- в случае смерти Президента;

- если Президент перестает быть гражданином Сингапура;
- если Президент подает в отставку посредством собственноручно подписанного заявления, адресованного премьер-министру;
- если Президент отстранен от должности в соответствии с п. (3) — (7);
- если судья по выборам, осуществляя свои полномочия в соответствии со ст. 93А, определит, что выборы Президента были недействительными, и не установит, что какое-либо другое лицо было законно избрано Президентом; или
- если по истечении срока полномочий действующего Президента, лицо, объявленное избранным Президентом, не вступает в должность Президента.

Премьер-министр или не менее чем одна четверть общего числа членов Парламента (исключая назначенных членов) могут подать уведомление о ходатайстве, в котором утверждается, что Президент постоянно неспособен исполнять свои должностные функции по причине психического или физического недуга или что Президент виновен в:

- умышленном нарушении Конституции;
- государственной измене;
- неправомерном поведении или коррупции, связанной со злоупотреблением своими должностными полномочиями;
- любом правонарушении, связанном с мошенничеством, нечестностью или моральной распушенностью; или
- умышленном или намеренном представлении существенно ложного или вводящего в заблуждение заявления о фактах, либо умышленном или заведомом сокрытии существенного факта, в Комитет по президентским выборам с целью подтверждения своего права быть избранным Президентом;
- и с изложением полных сведений о выдвинутых обвинениях и требованием провести расследование, а также представить отчет по ним.

Если предложение, указанное в п. (3) ст. 22L, принято не менее, чем половиной от общего числа избранных членов Парламента, указанных в пп. (а) п. (1) ст. 39, главный судья назначает трибунал для расследования обвинений, выдвинутых против Президента.

Трибунал, назначаемый главным судьей, состоит не менее чем из пяти судей Верховного суда, одним из которых является главный судья, если он не примет иного решения. Такой трибунал может регулировать свою собственную процедуру и устанавливать правила с этой целью.

После надлежащего расследования, на котором председатель имеет право присутствовать и быть выслушанным лично или через адвоката, трибунал представляет спикеру доклад о своем решении с указанием его мотивов.

Трибунал, после надлежащего расследования, на котором Президент имеет право присутствовать и быть

заслушанным лично или через адвоката, представляет отчет о своем решении спикеру вместе с причинами такого решения.

Если трибунал докладывает спикеру, что, по его мнению, Президент постоянно неспособен исполнять свои должностные функции по причине психической или физической немоги или что Президент виновен в любом из других обвинений, содержащихся в такой резолюции, Парламент может резолюцией, принятой не менее чем тремя четвертями общего числа избранных членов Парламента, указанных в пп. (а) п. (1) ст. 39, отстранить Президента от должности (ст. 22L).

Лица, осуществляющие функции Президента, когда должность является вакантной. Если должность Президента становится вакантной, председатель Совета президентских консультантов или, если он отсутствует, спикер осуществляет функции должности Президента в течение периода между датой, когда должность Президента стала вакантной, и вступлением в должность лица, объявленного избранным Президентом.

Если отсутствуют и председатель, и спикер, Парламент может назначить лицо в соответствии с п. (3) ст. 22N для осуществления функций должности Президента в течение периода, указанного в п. (1).

Парламент не может назначить лицо осуществлять функции должности Президента согласно п. (2) ст. 22N, если такое лицо не имеет права избираться Президентом (п. (1) — (3) ст. 22N).

Временная нетрудоспособность Президента. С учетом п. (2) ст. 22O, если Президент временно неспособен, будь то по причине болезни, отсутствия в Сингапуре или по иной причине, выполнять свои функции в соответствии с Конституцией или любым другим писанным законом, одно из лиц, указанных в ст. 22N, осуществляет функции Президента в течение периода временной нетрудоспособности, и положения статьи 22N применяются, с необходимыми изменениями, к этому лицу.

Парламент не может назначать какое-либо лицо для осуществления функций Президента в соответствии со ст. 22O, если Президент не согласен с таким назначением.

П. (2) ст. 22O не применяется, если Президент по какой-либо причине не может выразить свое согласие на назначение лица, назначенного в соответствии со ст. 22O, для осуществления функций Президента (ст. 22O).

Исполнительная власть Сингапура. Исполнительная власть Сингапура возлагается на Президента и осуществляется на основании положений Конституций им, Кабинетом или любым министром, уполномоченным Кабинетом.

Легислатура может законом возложить исполнительные функции на других лиц (ст. 23).

Кабинет. Кабинет состоит из премьер-министра и министров, назначенных согласно ст. 25.

Подчиняясь положениям Конституции, Кабинет осуществляет общее управление и контроль над

Правительством, а также несет коллективную ответственность перед Парламентом (ст. 24).

Назначение премьер-министра и министров. Президент назначает премьер-министром того члена Парламента, который, по его мнению, располагает доверием большинства членов Парламента, а также, действуя по совету премьер-министра, назначает других министров из числа членов Парламента. При этом если назначение производится тогда, когда Парламент распущен, лицо, которое было членом распущенного Парламента, может быть назначено премьер-министром. Такое лицо не может занимать указанную должность после первого заседания нового Парламента, если не является его членом (ст. 25).

Срок полномочий премьер-министра и министров. Президент объявляет о том, что должность премьер-министра вакантна:

- если премьер-министр покидает свою должность, собственноручно написав об этом Президенту; или
- если Президент, действуя самостоятельно, считает, что премьер-министр утратил доверие большинства членов Парламента (Президент заранее уведомляет об этом премьер-министра, который после этого может обратиться к нему с просьбой о роспуске Парламента).

Министр освобождает свою должность:

- если его назначение на данную должность было отозвано Президентом, действующим по совету премьер-министра; или
- если он покидает свою должность, собственноручно написав об этом Президенту.

В случае если премьер-министр не может исполнять свои обязанности, его заменяет назначаемый Президентом министр (ст. 26).

Созыв Кабинета и председательство в Кабинете. Кабинет созывается только властью премьер-министра. Он же председательствует на совещаниях Кабинета. В отсутствие премьер-министра, председательствует министр, назначенный премьер-министром (ст. 28).

Возложение ответственности на министров. Премьер-министр может письменными директивами:

- поручать любому министру ответственность за любой департамент или направление; и
- отменять или изменять любые такие директивы.

Премьер-министр может оставить в своем ведении любой департамент или направление (ст. 30).

Парламентские секретари. Президент, действующий в соответствии с советом премьер-министра, может назначать парламентских секретарей из числа членов Парламента для оказания помощи министрам при осуществлении ими своих обязанностей и функций (п. 1 ст. 31).

Несовместимость должностей министров и парламентских секретарей с другими. Член Кабинета или парламентский секретарь не может занимать любую иную оплачиваемую должность и активно участвовать в любом коммерческом предприятии (ст. 33).

Постоянные секретари. В каждом министерстве есть один или более постоянных секретарей, являющихся публичными должностными лицами.

Назначения на должности постоянных секретарей производятся Президентом, действующим по совету премьер-министра, из списка лиц, представленного Комиссией по публичной службе.

Ответственность за прикрепление каждого постоянного секретаря к министерству лежит на премьер-министре.

Каждый постоянный секретарь, подчиняясь общему руководству и контролю министра, осуществляет надзор над одним или несколькими департаментами, к которым он прикреплен (ст. 34).

Таблица 1. Президенты Сингапура [1]

№ п/п	Срок полномочий	Президент
1	1965–1970	Юсоф бин Исхак
2	1971–1981	Бенджамин Генри Ширс
3	1981–1985	Деван Наир
4	1985–1993	Ви Ким Ви
5	1993–1999	Онг Тен Чеонг
6	1999–2005	Селлапан Раманатан
7	2005–2011	Селлапан Раманатан
8	2011–2017	Тони Тан Кен Ям
9	2017–2023	Халима Якоб
10	2023 — по настоящее время	Тарман Шанмугаратнам

Таблица 2 Премьер-министры Сингапура [1]

№ п/п	Срок полномочий	Премьер-министр
1	1959–1990	Ли Куан Ю
2	1990–2004	Го Чок Тонг
3	2004–2024	Ли Сянь Лун
4	2024 — по настоящее время	Лоуренс Вонг Сюн Цай

Литература:

1. Президенты Сингапура. Премьер-министры Сингапура. URL: <https://www.руни.рф> (дата обращения: 01.11.2025).

2. Singapore. URL: <https://www.constituteproject.org> (дата обращения: 01.11.2025).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 10 (52) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.12.2025. Дата выхода в свет: 21.12.2025.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.